ДВ М 84 Нан
Г 29

Валентин Гейкер

АКАШИНЫ БЕРЕГА АКАБОАНИ

Повесть, легенды, сказка

На русском и нанайском языках

7 Комсомольская-н/А
ЦБС им. М. Горького
МЛ.АБ
Абонемент

Хабаровское книжное издательство
1990

22326-2

ББК 84.3 Нан
Г27

Для младшего школьного возраста

Гейкер В. И.
Г27 Акашины берега: Повесть, легенды, сказка / Пер. с нан.— Хабаровск: Кн. изд-во, 1990.— 144 с.: ил.
ISBN 5-7663-0113-8

Маленькая повесть о нанайском мальчике, который по-своему открывает окружающий его мир, учится у старших бережно относиться к природе.

Г $\frac{4803440100\text{-}25}{M160(03)\text{-}90}$ 48-90

ББК. 84.3 Нан.

Художник Н. Г. Павлишина

Г $\frac{4803440100\text{-}25}{M160(03)\text{-}90}$ 48-90
ISBN 5-7663-0113-8

© Гейкер В. (автор), 1990
© Павлишина Н. (оформление), 1990

АКАШИНЫ БЕРЕГА

Повесть

Быть Мэргэном нелегко

Я сижу на топчане, покрытом старой сохачьей шкурой, и смотрю на свою бабушку — Даи Эне. Она сидит перед низеньким очагом на маленькой скамеечке посреди летней кухни-даврукан и медленно потягивает дым из своей длинной трубки. Почему-то мне захотелось узнать, сколько же бабушке лет.

— Даи Эне, сколько лет тебе?

— Тебе это не надо знать, внучек. Совсем не надо.

— Грех, значит? Бабушка,— я подошел к ней,— скажи, что такое грех?

— Грех — это грех. Нельзя, значит. Нельзя старым людям считать года. Они так скоро умрут. Зачем их огорчать? Ты хочешь, чтобы я умерла?

Я оторопело глянул на нее. На меня смотрели добрые, в морщинистых излучинах глаза бабушки.

— Ты что, бабушка, живи! Как я без тебя останусь? Тоже выдумала. Умереть... Это как — умереть? Ты, Даи Эне, умрешь, тебя в гроб положат, а потом в землю закопают и ты больше не вернешься к нам, да, бабушка? Ни-ко-гда, никогда?

— Из царства Буни никто и никогда не возвращается. И я не вернусь.

Она погладила меня, затем легонько хлопнула:

— Иди, побегай на улице. Скорей вырастешь, отцу помощником будешь, трудно ему одному, по дому дел много.

Я выскочил на улицу. Подумал: «Интересно, вот сбегаю до конца деревни и обратно, а потом спрошу у бабушки, вырос я хоть немножечко или нет?» С этой мыслью я кинулся бегом по тротуару.

Наш дом стоит предпоследним в деревне. А деревня всего в одну улицу. Я мигом добежал до конца и повернул обратно, а сам повторял про себя: «Ноги мои, ноги, не уставайте! Ноги мои, ноги, не подведите!» Это Даи Эне научила меня, чтобы со мной ничего не случилось.

Вдруг из-под крыльца дома деда Гаера выскочил большой лохматый пес Бякта и с громким лаем помчался за мной. Я с перепугу задал такого стрекача, что все бабушкины слова вмиг выскочили из головы. Я бежал и все оглядывался назад. Я бежал очень быстро и все оглядывался, но лохматый пес бежал быстрее меня, и вдруг мои шаровары дернулись сзади, треснули и сползли вниз. Я вскрикнул, запутался, ухватился за них и шлепнулся на землю. Но тут же вскочил и даже не заметил, как влетел в свою калитку. Я вытер слезы, отдышался и зашел в летнюю кухню, шлепая босыми ногами по глиняному полу. Бабушка взглянула на меня и ахнула:

— Что это с тобой, Ака? Да на тебе лица нет!

— Я бежал, а гаеровский Бякта за мной гонялся, шаровары вот сзади порвал.

— Не поранил, нет? — Даи Эне быстро осмотрела меня.— Глупый пес, на детей кидается! Не бегай там больше, загрызет. Новые штаны попортил, снимай, я заштопаю.

Пока бабушка штопала шаровары, я сидел рядом и думал о том, что плохо, когда человек не может убежать от собаки.

— А сказочный Мэргэн быстро бегал, бабушка?

— В легендах сказывают, что зверя догонял на бегу.

— А от гаеровского Бякты убежал бы он?

— Мэргэны не бегают от собаки. Бякта бы от него сам удирал без оглядки.

— А догнал бы он его?

— Догнал и разорвал бы даже. У Мэргэна крылья на бегу под мышками вырастали.

Я пощупал — крыльев не было. И вдруг вспомнил, зачем я бегал по деревне:

— Бабушка, а я вырос?

Бабушка хитро посмотрела на меня и улыбнулась:

— Вырос, Ака, немного только.

— Это сколько — немного?

— Вот столько вырос,— бабушка двумя пальцами показала: с наперсток.

— Бабушка, а целый день бегать — к вечеру каким я буду?

— Нельзя так много бегать, похудеешь быстро, и хворь тебя возьмет. Бегать надо с умом, по делу.

— Бабушка,— обиделся я,— то бегай побольше, скорее вырастешь, то не бегай много, заболеешь. Не пойму — бегать или нет?

— Не грусти, внучек, возьми ведерко, на речку сбегай, воды принеси. Чай вскипятим, суп сварим.

— Не смогу, тяжело,— закапризничал я.

— А ты на донышке принеси, для чая хватит, потом еще раз сбегаешь — нальем для супа.

— А-а, еще раз, еще раз,— передразнил я бабушку.— Не хочу я. От работы кони дохнут!

— Ой-ё-ёй! — удивилась бабушка.— Гиохоту* растет, а не Мэргэн!

— «Мэргэн-Мэргэн». Надоело, не хочу быть Мэргэном! Они только в сказках бывают, выдумки это все.

— Не успел вырасти, а уже состарился. Ладно, дедушка, на, возьми трубку, сядь, покури, ты совсем старый. А я тебе — внучек, я за водой на речку сбегаю.

Я ничего не успел сообразить, как бабушка сунула мне в руки трубку, взяла ведерко и бесшумно скрылась за дверью. Я покрутил в руках трубку, понюхал. В нос ударил вонючий резкий запах самосада. Стало сразу дурно: «И как это бабушка курит, дрянь эту? Я никогда курить не буду. Это уж точно. Что я — чокнутый, сосать отраву? — Я положил трубку на скамеечку.— Какой я дедушка? Это она — бабушка. Потому что старая. А я нет. Я — дедушка? Ха-ха!»

Зашла бабушка с ведром.

— Бабушка, никакой я не дедушка! Это ты — бабушка, все это знают. А я нет.

— Смотри, какой умник. А не подумал, что скоро обед, а его надо заработать.

— Я успею. Наработаюсь еще, когда вырасту. А сейчас меня положено кормить. Обязаны — вот.

— Ой, как ты разговориваешь! — возмутилась Даи Эне. Недолго думая, она тут же поймала меня за ухо и больно крутанула.

---

* Гиохоту — бездельник, лодырь.

— Больно, больно! — заверещал я.

— «Больно»! — передразнила меня бабушка, не выпуская из своих цепких пальцев мое ухо. — Чтобы в эти уши никогда такие слова не заходили, а эти губы нехорошие слова не повторяли. — И свободной рукой легонько похлопала по губам.

Я крутнулся на месте, ухо мое освободилось, я юркнул под бабкину руку и был таков. Уже за дверью даврукана обернулся и крикнул:

— А я посчитаю, сколько тебе лет, бабушка, а потом тебе будет грех! Вот. — И убежал на речку купаться, где давно галдели мальчишки и девчонки.

Накупавшись вдоволь, я возвращался домой. Сосед наш дедушка Ходёро починял во дворе старую сеть. Я спросил его:

— Дедушка, почему детям нельзя знать, сколько тебе лет и сколько моей бабушке? Почему это — грех?

— Греха, может, и нет. А вот когда думаешь, что ты много прожил, много видел, много хорошего сделал людям и себе, так не хочется умирать. Намереваешься еще что-то сделать, а годы не дают. Вот и обидно становится. И когда спрашивают, то и отвечать не очень хочется. А твоей бабушке много лет, сынок. Она старше меня.

— А тебе, дедушка, сколько лет будет?

— А тебе сколько, знаешь сам?

— Мне семь, в сентябре в школу пойду.

— Теперь свои годы сложи десять раз, тогда узнаешь мои.

Я в уме стал складывать:

«Одну семь положить на другую семь, потом на нее еще семь, потом еще: большая куча будет. Высокая! — Посмотрел на макушку старой ели, которая сразу за огородом растет, смерил

глазами.— С нее, наверное, будет. Вот это да-а!»

На двери нашего дома висел замок, в летней кухне никого не было. Стало тоскливо и хотелось есть.

«Куда это бабушка ушла,— подумал я с досадой,— наверное, к Тимкиной бабке в гости. Они подруги. Нечего делать, надо бежать на другой конец стойбища».

У дома деда Гаера я прошел на цыпочках, заглянул под крыльцо, там Бякты не было.

И вправду, моя бабушка беседовала с Тимкиной бабкой в их летней кухне. Обе курили свои вонючие трубки, едкий дым синим туманом висел под потолком даврукана.

— Бачигоапу, сагди Дэне! — Я поздоровался с Тимкиной бабкой. Подошел к своей бабушке. Забыв про утреннюю ссору, я обнял ее сзади за шею и хотел сказать, что хочу есть. Тут забежала Койпо, пятилетняя сестренка Тимы, встала на цыпочки и шепнула мне на ухо:

— А у нас собачки маленькие. Они слепые. Пойдем, Ака, посмотлишь.— Она тянула меня за шаровары к двери. Койпо намного ниже меня, когда она потянула, шаровары поползли вниз. Я ухватился за них и резко отбил ее руки.

— Иди отсюда! Собачки!..— передразнил я.— Сама как моська.

— А ты медмедь! — обиделась та. Показала язык. скорчила рожицу:

— Ха-ха-ха!

Я погнался за ней. Но она, эта толстушка, оказалась шустрой. Мигом заскочила домой и закрылась на крючок. А потом выглянула в окошко и спокойненько уставилась на меня. Я погрозил ей кулаком и вернулся в даврукан. А Койпо выскочила на крыльцо, стала пританцовывать и громко распевать:

— Медмедь косолапый, медмедь косолапый!

Я кинулся за ней:

— Сама ты «медмедь» косолапый! Неграмотная!

Та опять закрылась на крючок. Я попинал дверь, бросил в окошко камешек. Стекло резко звякнуло. Койпо отбежала от окошка.

Бабушка выглянула из летней кухни:

— Ака, это ты балуешься? Иди домой, я сейчас приду.

Я взял ее за руку и потянул к себе:

— Бабушка, я есть хочу.

— Я тоже есть хочу. Пошли, посмотрим, что у нас есть вкусное.

Я тащил бабушку за руку, она шла за мной. Когда проходили мимо одного плетня, я заметил большой зеленый огурец, который пролез между дранками на улицу. И словно говорил: «Во какой я красивый и вкусный! Возьмите меня. Не обманетесь». Я остановился и уставился на огурец, потом нагнулся и хотел сорвать, но бабушка одернула меня:

— Не смей, это чужое. Нельзя, грех большой.

Я заупрямился и молча опять нагнулся. Бабушка резко подняла меня и, глядя в глаза, громко повторила:

— Не трожь, внучек, потерпи, дома свои поспели.

Теперь она меня тянула вперед, я стал тормозить ногами, приседал и без конца повторял:

— Хочу, хочу. Я этот хочу! Этот, этот, этот...

Я готов был заплакать, но слезы, как назло, не шли. Я знал, перед слезами Даи Эне никогда не устоит, уступит. Наконец бабушка остановилась, и мы вернулись. Она присела перед огурцом, меня посадила рядом и что-то по-нанайски прошептала. Я ничего не понял. Затем она сорвала огурец, протерла полой халата и подала мне:

— Внучек, никогда не будь вором. Это самый большой грех. Мы не украли, а взяли взаймы.

Затем повела меня за руку, и мы вошли в калитку дома, в огороде которого только что сорвали огурец. Нас встретила молодая хозяйка Пене — с большой черной точкой на лбу. Она держала в руках маленького ребеночка, совсем красного. Бабушка поздоровалась с нею:

— Ты не ругайся, Пене,— сказала она.— Мой внук увидел огурец, который вышел на улицу из вашего огорода. Я и сорвала. Не подумай чего плохого, я верну вам, у нас свои созрели.

Пене покраснела вдруг и замахала свободной рукой:

— Что вы, бабушка, пусть ест на здоровье! Мне просто неудобно как-то, подумаешь, огурец, ценность какая, не вздумайте возвращать! Да что это я, проходите, садитесь на стул.

Бабушка поблагодарила, и мы вышли. Пока мы шли к дому, я съел огурец, а огрызок с хвостиком закинул в чужой огород. Даи Эне заметила это и дернула за руку.

В даврукане я сказал:

— Баб, я есть хочу.

— Я обед не готовила. Полениться захотелось. Видишь, как получается. Воды не принесли, дров не накололи. Как варить суп, сам подумай?

— Баба, очень хочу.

— Утром поленились, теперь вот без обеда остались. Давай забудем про лень и начнем работать. Ты собери щепки. Пока я разжигаю огонь, на речку сбегаешь, воды принесешь, а я картошку почищу. Потом ты плавника нарубишь, а я лапшу закатаю. И обед будет готов.

Я обрадовался:

— Домашнюю лапшу? Ура! Как вкусно. Бегу, баба!

Я быстренько сбегал за щепками, бросил их у печки. Схватил ведерко и мигом — до речки, зачерпнул немного, залил чайник и снова на берег. Было совсем не тяжело, и я радовался этому. А на походном нанайском столике на коротеньких ножках Даи Эне катала тесто. Я посмотрел, как это у нее получается, и побежал рубить плавник. Топор был не очень острым, и я провозился довольно долго, но все же нарубил. Принес охапку в летнюю кухню и аккуратно сложил у очага.

Обед уже был готов, походный столик стоял на топчане, а на столике дымилась тарелка с моей любимой домашней лапшой, стояла кружка молока, лежали ломтики хлеба.

— Ура! — крикнул я. — Лапша!

Наевшись, я повалился на сохачью шкуру и только сейчас почувствовал усталось и закрыл глаза, потому что они сами закрывались. Засыпая, я успел подумать:

«А нелегко быть Мэргэном».

Во сне приснился мне Мэргэн-охотник. Он бежит, я — за ним. И нисколько не отстаю. Вижу, крылья у него вырастают под мышками, длинные, широкие. Вот он оттолкнулся от прибрежной скалы и полетел через Амур, и я за ним. И мы вдвоем с ним легко, как птицы, парили в воздухе. Я верхом сидел на его спине, потому что крылья у меня еще не выросли. Но я поднял руки, как крылья, и получилось, как двукрылый самолет-кукурузник, только без мотора, а на душе весело, песню начал я сочинять от радости такой. Вдруг над головой затарахтело, и мы уже — не мы, а самолет-кукурузник. И мотор так сильно зашумел, что я тут же проснулся. Самолета нет, Мэргэна нет — а мотор гудит, да так сильно, что земля задрожала. Я испугался и выскочил на улицу. А это глиссер почтовый промчался по нашей протоке.

Даи Эне — врачиха

Однажды я перекупался и, весь дрожа от холода, прибежал домой. Бабушки не было, на дверях висел замок, а дверь даврукана была подперта палочкой. Я зашел в даврукан с надеждой погреться. Печка не горела, я заглянул в нее: далеко, у самой стенки, еле мигал огонек. Я взял кочергу и решил подтащить уголек, но она, как живая, дергалась в моих дрожащих руках, не слушалась. В конце концов уголек перемешался с золой и я потерял его совсем. Спички, где спички? Они в бабушкиной деревянной табакерке вместе с самосадом и длинной трубкой, а табакерку она прятала у изголовья топчана, под шкурой. Я мигом достал ее, открыл крышку, взял коробок и начал чиркать, спички ломались одна за другой. Меня сильно трясло, но, наконец, вспыхнул огонек, я поднес к нему кусочек бересты. Она тотчас зашипела, скручиваясь в змейку. Я чуточку подождал, когда ярче разгорелась береста, бросил ее в печку, а сверху накидал плоских сухих щепок, которые кучкой лежали в старом дырявом тазу. Это бабушка для растопки собирала. Я снял отцовскую фуфайку, висевшую у двери на деревянном крючке, накинул на себя и уселся на бабкиной скамеечке перед потрескивающей печкой. Глаза сами слипались, а меня всего трясло и кидало из стороны в сторону, зубы сами стучали, и я не мог никак их остановить. Временами казалось, что я лечу куда-то в пропасть. Я открывал глаза и видел, что падаю на глиняный пол даврукана. Потом я понял: мне не усидеть, придется уйти от разгоревшейся печки на топчан. Я взобрался на угол топчана, свернулся калачиком и уставился на огонь, от которого тянуло теплом и лаской, как от добрых бабушкиных ладошек. Но вот огонь

начинает гореть все ярче и ярче. Тепло превращается в нестерпимый жар. Становится душно. Огонь из печки ослепительно светит в глаза. Я хочу убежать, порываюсь встать, но руки и ноги стали ватными, непослушными. Огонь превращается в огромное красное Солнце. Оно подходит ко мне вплотную, у него маленькие злые глазки, как у змеи, и большая зубастая пасть, как у щуки. Сейчас оно меня зажарит, как жарила Даи Эне ощипанную утку на горячих углях, а потом мои косточки захрустят в зубах у злого Солнца... А интересно, откуда это Солнце начнет меня есть? С головы или с ног, а может, посередке укусит, где живот? Пусть с живота начинает, решил я, там не больно. Но вот чудовище-Солнце открыло пасть. Теперь все.

— Ба-а-ба! — закричал я.

Когда я открыл глаза, увидел маму. Она смотрела на меня, а по ее лицу змейками ползли слезы. В окошко дома на маму падали яркие лучи солнца. Лицо ее загорелось красными вспышками. Я испугался и закричал:

— Мама, уходи от Солнца! Уходи, уходи! Сгоришь, мама! — Но вместо крика получился тихий, печальный стон. И тут же я провалился в какую-то яму, где было очень и очень жарко.

Снова я пришел в себя, когда меня укусил в руку большущий комар. Я хотел ударить его и открыл глаза. Надо мной стояла русская врачиха тетя Ира. Она была в белом халате и ставила мне в руку укол. Глаза ее смотрели на меня очень строго.

И в голову вдруг пришла мысль:

«Я живой, и меня злое Солнце не съело. Я живой, и Солнце только приснилось».

Рядом с тетей Ирой сидела моя мама, теперь она не плакала, и они о чем-то тихо шептались.

А Солнце уже светило не на маму, а на дальний угол, где никого не было. Я облегченно вздохнул.

— Ну и как дела? — обрадованно улыбнулась тетя Ира.— Проснулся, Ака? Молодчина! Дай-ка градусник.— И тут же вынула его у меня из-под мышки, посмотрела на него и покачала головой.— Нехорошо, Аркаша, много купаться, видишь, как плохо бывает. Простыл. Маму, бабушку, папу напугал, с работы их вызвали. В общем, купаться тебе я строго-настрого запрещаю, будешь лекарство пить, хорошо есть и спать. По полу босой не ходи. Ясно? — И ласково погладила мои колючие волосы.

В стороне от всех, согнувшись, молча сидел мой папа. Мне показалось, что он стал маленьким и не сильным. Почему он такой? Я всегда говорил:

«Мой папа самый сильный и большой. Мой папа дом одной рукой поднимет! — Это я хвастался перед Тимкой, когда он хвалил своего папу, что он толстый и сильнее всех.— Он один может колхозный неводник столкнуть в Амур и обратно затащить». Мне так не хотелось сдаваться.

Мама с врачихой вышли. Тетя Ира направилась домой, а мама пошла ее провожать.

— Здорово, сынок! — обрадованно улыбаясь, подошел отец. Он нагнулся и поцеловал меня в лоб.— Напугал ты нас. Теперь смотри, в речке долго не купайся. Договорились?

Я согласно моргнул ему.

«А где же Даи Эне? Где моя бабушка?» Только я так подумал, входит она. Невысокая, сухощавая, с небольшим крючковатым носом, в нанайском халате, в тапочках. Подошла. Посмотрела внимательно в глаза, пощупала ладонью лоб. Села рядом. Сунула руку под подушку, вы-

тащила деревянного бурханчика, что-то ему нашептала и повесила у изголовья за спинку кровати.

— Это твой телохранитель,— улыбнулся папа.— Ничего, лишним не будет, ты только его не теряй, а то огорчишь свою бабушку.

Я согласно кивнул ему. Мне даже интересно было смотреть на этого деревянного человечка, который будет сторожить мой сон и отгонять злых духов, если вдруг они появятся в доме. Я это хорошо знаю, потому что еще раньше, когда я болел, Даи Эне приносила этого деревянного сторожа, а мама рассказывала — для чего это. Мы с мамой смеялись над бабкиными проделками, потому что я давно знаю: нет ни злых и ни добрых духов на свете, их выдумали люди, когда не было телевизора и когда им делать было нечего. Бабушка вышла за дверь и вновь вошла с дымящейся плошкой в руках. Дымился пахучий багульник. Обошла она все углы и что-то шептала про себя. Я понял, это Даи Эне злых духов выкуривает, которые сидят во мне и вокруг, прячутся по углам комнаты. Это их излюбленные места, так объяснял потом мне папа, который попросил бабушку, чтобы она быстрей убрала свой вонючий дымокур.

Я устал следить за бабушкой и закрыл глаза. Пошевелил языком, он был как деревянный и плохо слушался. Хотелось пить.

— Бабушка,— тихо позвал я,— пить хочется.

— Нэку, что ты сказал? — недослышала она.

— Пить он просит,— ответил ей отец.

— Потерпи, внучек, я сейчас,— и вышла за дверь с дымокуром в руках.

Вскоре она принесла кружку с густым настоем травы. Я попробовал на вкус. Было кисло, горько и противно. Я хотел отказаться, но не вышло. Даи Эне заставила все выпить до дна. И вдруг, о чудо! Голова прояснилась, язык зашевелился, глаза стали хорошо видеть, ноги под одеялом задвигались. Я обрадовался. Вспомнил про живую воду из русской сказки. Во мне все заликовало:

— Бабушка, ты волшебница! Добрая волшебница. Мне уже хорошо!

Бабушка, внимательно следившая за мной, вдруг улыбнулась, погладила по голове.

— Спи. Набегаешься еще. Впереди много дней.

— Даи Эне, спасибо. Ты из русской сказки пришла. Да? — прошептал я.

Бабушка не поняла:

— Сказку хочешь послушать? Чего выдумал. Кто летом сказками забавляется? Нельзя.

— Почему нельзя? — удивился я.

— Зиму накличешь. Град пойдет. Побьет картошку, капусту, огурцы.

— Все-все побьет, да? А весной град шел, почему не побил?

— Весной? Весной картошка в земле была, капуста и огурцы в парниках.

— А-а. А тогда, бабушка, кто-то сказку рассказал, да? Потом град, как горох, посыпался.

— Может, кто и рассказал, бездельников в наше время вон сколько, зря землю топчут.

— А я знаю, кто это. Сказать? Это дед Кабан, который седой-седой и клюкой по тротуару стучит, когда ходит. Это он все сказки рассказывает. Я вспомнил, это он. Его по-нанайски Чагдя Дама зовут.

— Зачем так говорить на мудрого и старого человека?! Он законы тайги и Амура знает лучше любого из нас.

— Знает?

— Знает. И сказками он летом не занимает людей. Летом дел и без сказок хватает. Сказки рассказывают длинными зимними ночами, когда все отдыхают.

22326-2
Комсомольская-на-А
ЦБС им. М. Горького

— А спать когда?

— И сказкам, и снам — всему времени хватает. А что делать? Руки и ноги отдыхают, а язык и уши пусть работают. Они днем отдыхали.

Бабушка поднялась со стула и пошла к выходу, позвав за собой папу. Мне стало скучно. Я слышал, как в дальнем углу, где стоял большой кованый сундук и хранились бабушкины секреты, что-то зашуршало. Я насторожился и стал внимательно следить. Вдруг из-за сундука выскочил кот Васька, он прыгнул на крышку сундука, свесил голову, уставился в угол и замер, только кончик хвоста чуть-чуть шевелился влево-вправо, влево-вправо, как маятник настенных часов. Я ждал, ждал и устал ждать, когда Васька мышку поймает. Глаза мои сами закрылись.

Проснулся я вечером, солнечные лучи освещали потолок комнаты, и тысячи маленьких зайчиков прыгали и плясали на месте. Мне кажется, они приглашали меня на игру и дразнились: «Не поймаешь, не поймаешь».

Зашел папа:

— Проснулся, Ака? Вот и хорошо,— он потрогал мой лоб шершавой ладошкой, сдвинул две табуретки вместе около моей кровати.— Давно не купался? Теперь по-настоящему искупаешься. Крепись, солдат, генералом будешь.

Папа вышел за дверь и тотчас вернулся с огромной ванной в руках, в которой мама обычно отмачивает белье, поставил ее на табуретки. Из ванны шел пар, а вода в ней была черная.

«Неужели в такой черной воде купаться буду?» — испуганно подумал я.

За перегородкой комнаты мама раздраженно говорила бабушке:

— Эне, я боюсь, Ирина Петровна не велит заниматься самолечением. Рано его купать. Сла-

бый совсем.

Бабушка, видимо, была не в духе:

— Ты, наверное, забыла, как я тебя, большую дуру, в этой ванне отпаривала?!

Но мама не соглашалась:

— Эне, Ака — мой ребенок! Я ему мать! Я запрещаю.

— Какая ты мать! Станешь матерью, когда десятерых родишь. Вывела на свет одного и кудахчешь, как наседка.

В дверях показалась бабушка. Она быстро подошла ко мне, потрогала лоб одной рукой, другой проверила воду в ванне. Строго посмотрела на меня и вдруг улыбнулась:

— Любишь купаться? Сейчас узнаем, какой ты Мэргэн. Ну, встань на ноги...

Она быстро сняла с меня трусики и майку и взяла меня на руки. Мне было немного стыдно и неудобно. Я посмотрел на папу. Он одобрил:

— Давай, давай, Ака, хуже не будет.

Бабушка посадила меня в ванну. Я вскрикнул и хотел вырваться, потому что вода была нестерпимо горячая. Но Даи Эне держала крепко, не вырвешься. Бабушка продержала так некоторое время и отпустила:

— Стыдно, Ака, верещишь, как слабая девчонка.

— Ага, тебя бы сюда посадить. Ой-ой, не могу!

— Не можешь? Выходи! — рассердилась на меня бабушка. — Выходи, слабая девчонка! Радовалась, думала, охотник растет, а он вон какой крикун. Мне лучше знать, горячая вода или не горячая.

Я обиделся, надул щеки и теперь уже ни за что не вышел бы из ванны.

На дне ее слоями лежали ветки пихты, сидеть на них голышом было неловко. Бабушка этой хвоей стала натирать мне грудь, бока и

спину. Все тело горело и саднило. Скоро стало невыносимо душно и я стал засыпать. Тут Даи Эне вытащила меня из ванны и насухо обтерла полотенцем, потом укутала ватным одеялом, уложила на кровать и велела не шевелиться. Я и не думал шевелиться. Под одеялом было мягко и уютно...

Я открыл глаза, когда дома горел электрический свет. Первое, что я почувствовал,— очень хотелось есть. Мама принесла мою любимую домашнюю лапшу, картофельную толченку, блины и сметану, а бабушка «живую» воду в кружке, которой поила еще днем.

А утром меня разбудило солнышко. Оно ласково светилось в окошко и щекотало лицо. Будто говорило:

«Ака, проснись. Пора на улицу. Вставай!»

Я прислушался. Около самого уха гудел комарик. Я отпугнул его рукой и соскочил на пол. Дома никого не было. Мама на поле, папа на покосе. А где бабушка? Где она? Я выбежал на крыльцо. Бабушка была в огороде. Она торопилась, шла к дому с полной корзиной свежих зеленых огурцов...

Рыбий праздник

Я очень люблю удить рыбу. У нас здесь ловятся пескари, гольяны, синявки, чебачки — всякая «сорная» рыба, которую люди не едят. Но сами эти малявки едят все, даже икру других рыб — калуги, осетра, сазана, карася, сома, кеты. Мой улов доставался одному коту Ваське. Всякий раз он с благодарным урчанием уплетал еще живую прыгающую мелкотню. А мне было радостно, я хлопал в ладоши и смеялся.

Отец, заметив мое увлечение рыбалкой, сделал настоящую закидушку с тремя крючками и

свинцовым грузилом, которое отлил в большой столовой ложке.

Мне всю ночь снилась рыбалка. Каких только рыб не ловил!

На другой день, едва продрав глаза, я помчался к Тимке хвастаться. Друг мой от удивления аж рот открыл. Ему не верилось, и мы пошли к нам. Я вытащил из-под топчана закидушку:

— Вот, смотри!

Тимка потрогал ее рукой:

— Настоящая! Вот это да! Пойдем, червей накопаем,— предложил он.

Прямо за огородом, под старыми пнями, прятались большие черные червяки. Их очень трудно оттуда выкапывать. Сперва я работал тяпкой — нашел двух огромных червей и половинку третьего. Потом устал и предложил Тимке:

— На, покопай. Твоя очередь.

Друг неохотно взял тяпку, поковырялся немного.

— Нет их больше тут, пойдем под другим пнем поищем,— говорит. А сам сует мне в руки тяпку.

— Ты что? Устал?

— Неохота. Комары кусают, не дают работать.

Я удивился:

— Такой жирный, а силы — как у моськи. Из тебя не будет Мэргэна! Бабушка так говорит: «Кто ленится, тот не станет Мэргэном».

— Подумаешь, твоя бабушка! Много она знает. Хочешь, скажу правду? Мэргэны твои только в сказках бывают.

— Вот и нет! Все чемпионы мира — Мэргэны. Ясно? И не спорь. А бабушку не трогай. Ей много лет и она мудрая очень.

— Мудрая? Ну и пусть мудрая! А я не хочу копать, твоя закидушка, ты и копай.

Я забрал у Тимки тяпку и нашел еще с десяток черных и рыжих червей.

Потом мы с ним долго ходили по берегу и наконец нашли удобное место для рыбалки. Решили закинуть снасть. Я размотал закидушку и стал насаживать червя на крючок. Но он крутился меж пальцев, соскальзывал и падал на землю. Наконец я наживил все три крючка. Можно закидывать. Тимку я отогнал подальше, чтобы не задеть его случайно грузилом. И вот все готово. Я стал вращать над головой на длинном поводке грузило с крючками — все быстрей и быстрей. В самый последний момент я скосил глаза на Тимку и выпустил поводок из рук. Вдруг моя кепка сорвалась с головы и полетела вслед за грузилом, выделывая в воздухе неимоверные «кренделя». Шлепнулась она недалеко от берега и стала медленно гонуть, уплывая вниз по течению. Но вот совсем скрылась под водой. Я опомнился, стал выбирать закидушку на берег. Кепка моя крепко сидела на крючке и медленно двигалась к берегу, упорно сопротивляясь, как будто настоящая рыба. Под напором течения она то всплывала на поверхность воды, то уходила вновь на глубину. Тимка хохотал надо мной до упаду:

— Ой, умру! Ха-ха-ха! Ой, уморил! Ха-ха-ха! Какого сома Ака заловил — кепку свою! Смотрите, смотрите, ой, не могу!..— Тимка то замолкал, то снова начинал смеяться.

Мне было обидно, и я еле сдерживал себя, чтобы не заплакать.

Ну конечно, так и есть, крючок зацепился за самый конец козырька кепки, которую я любил носить задом наперед. С большим трудом отцепив крючок, я вновь собрался забрасывать снасть. Теперь уж кепка не помешает мне, ее я швырнул подальше. Я посмотрел себе под ноги, чтобы не наступить случайно на жилку закидуш-

ки, и вновь начал вращать над головой грузило с крючками. Только я собрался направить руку на реку, как грузило за спиной стукнулось о землю, жилка вырвалась из рук, и, описав в воздухе большую дугу, грузило шлепнулось в Тимку. Он широко открыл рот, схватился за живот, согнулся — будто переломился пополам, и медленно повалился на землю, как это делают в кино, когда кого-то убивают. Я испугался и бросился к Тимке, который молча катался по земле с открытым ртом и закатившимися глазами. Наконец, он хватнул, как рыба, воздух и закричал:

— Ой-ой-ой!

Я нагнулся над своим другом и не знал, чем и как ему помочь. Наконец, Тима перестал дергаться и вопить и пристально уставился на меня. Я взял его за плечи и помог подняться на ноги:

— Очень больно, да? Я нечаянно. Так получилось. Тима, прости. Хочешь, ну, ударь меня, а?

Тимка будто ожидал этого. Он ринулся на меня и ударил головой в подбородок. Я повалился на землю и прикрыл руками губы. В голове зашумело. Обозлившись, я вскочил на ноги с желанием дать ему сдачи. И совсем забыл, что несколько секунд назад сам просил друга об этом. Но Тимка был уже далеко, он драпал домой без оглядки.

Не обращая внимания на разбитую губу, я перебрал закидушку и бросил. Теперь получилось хорошо, и она легла ровно поперек протоки, до ее середины. Настроение было испорчено, и я медленно побрел домой, подняв мокрую кепку.

В даврукане трещала печь, Даи Эне готовила обед. Мне было делать нечего, я улегся на топчане и стал рассматривать «Веселые картинки». Вдруг во дворе послышался шум. Это приехали мама с папой. Оба они были мокрыми и почему-то весело разговаривали. Оказывается, я не заме-

тил, что на улице идет дождь. И люди возвращаются с покоса и поля. Бабушка еще жарче натопила печку и стала развешивать на гвозди мамины и папины мокрые вещи.

— Наконец-то дождались дождя, земля на лопату высохла. Уж лил бы так дня два-три, тогда бы и толк был.

— Точно! — соглашается папа.— Хоть мужики отдохнут немного. Один дождь — покосу не помеха.

Он подошел ко мне:

— Где твоя рыба, рыбак? Я талы* хочу! — Папа был в хорошем настроении.

— Боже мой, что ты говоришь, отец? Ну какой из него кормилец! — подсела рядом и обняла меня мама.

— На душе темно. Без рыбы ничего в рот не идет. Все кисло,— жаловалась бабушка.— Лето уж проходит, а ухи так и не поела.

— Уху нам уже не есть. Запрет. Выловили всю рыбу в Амуре. Нет ее там. Вот там, где наши покосы, какие раньше сазаны ловились, караси, амуры. Сейчас их нет. Редко когда посчастливится, да на всю бригаду не хватает. Что делать? Семь бед — один ответ. Поеду ночью, заплыву разок. Подфартит — будем с ухой и талой. А заберет сеть инспектор, туда ей и дорога. Все равно пользы нет.

— Что ты задумал, Гриша? Последняя сеточка,— заволновалась мать.— Заберут, говоришь? А кету в сентябре чем ловить собираешься?

— Какая разница — сейчас заберут или в сентябре. Купим нормовую кету, и конец. Как все, так и мы.

— Как хочешь, отец, а сетку дарить дяде —

---

* Тала — национальное блюдо из мелко нарезанной сырой рыбы.

не разрешу. В прошлом году подарил? Подарил. И штраф содрали, как с белки.

— Не шуми, дочка. Отец Аки обязан ловить рыбу и кормить нас. Это закон старых нанаев. Нет такого закона, чтобы нани запретили рыбу амурскую есть. Не верно это. Все это выдумки.

— Ладно, Даи Эне. Попытаю ночью счастья. Заберут — так заберут. На зиму без рыбы не останемся. Чебаков мы с Аркашей наловим удочками, а мать посолит. Верно, Ака?

— Точно! — обрадовался я.

И тут же вспомнил про закидушку и стремглав выскочил на улицу. Бежал, а сам повторял про себя: «Ноги мои ноги, не подломитесь! Ноги мои, ноги, не поскользнитесь!» Но тут же со всего маху я шлепнулся задом на траву и прокатился юзом. И вот подбежал к закидушке. Что такое? Она растянута вдоль берега. Чьи же это проделки? Наверное, Тимка набедокурил. Ну подожди, жирный, покатаю по земле, узнаешь, как вредить.

Я стал перебирать жилку и двигаться за ней по берегу. Грузило с крючками было где-то рядом, на дне протоки. Но вот жилка в руке дрогнула, натянулась и стала удаляться от берега. Я тяну, а она все ускользает меж пальцев. И вдруг как рванет руку! Тут же показался красный хвостище. Да как бухнет по воде! А потом выскочил из воды огромный сазанище. И снова плюхнулся — так, что брызги в разные стороны полетели. Я сперва немного растерялся. Но тут же намотал на руку жилку, перекинул через плечо и кинулся бегом от берега. Сзади бухало, дергало назад, но я изо всех сил старался уйти подальше, чтобы вытащить рыбу. Вдруг леска ослабла, и я шлепнулся грудью на землю. Это сазан сорвался с крючка! Я вскочил и побежал к нему. Сазан высоко подпрыгивал и скатывался в реку.

Я хотел ухватить его за жабры, но это никак не удавалось. Сазан бился и вырывался. До воды оставалось совсем немного. Уйдет! Тогда я упал на сазана животом и прижал его голову к земле. Рыба ударом хвоста перебросила меня через себя. Этот прием я знаю. Я Тимку так борол. Я вновь накрыл собой сазана. Но он опять вырвался. Изловчившись, я прыгнул на него верхом, под рукой оказалась крупная галька, и я изо всех сил ударил рыбу по голове. Сазан дрыгнулся, и я слетел с него в воду. Я обнял сазана. А он, оглушенный, лежал уже смирно, не боролся со мной. Сазан широко открыл рот. Мне показалось, что он сказал: «Сдаюсь!» Я поднялся, с трудом вытянул рыбу из воды на берег, сбегал к тальнику, который стоял недалечко, и отломил там рогатулину. Я пропустил ее рыбе через жабры и потянул сазана за собой. Временами он оживал и перебрасывал себя с боку на бок — мешал мне тащить его домой.

Когда я открыл дверь даврукана, мама ахнула и бросилась ко мне:

— Ака, что с тобой? Ты весь грязный и мокрый! Боже, Григорий, посмотри, что он принес!

— Ты где его добыл? — очень удивился отец.

— Поймал! На закидушку, папа!

— Молодец! — восхищенно сказал он.— Настоящий рыбак растет!

Все любовались рыбой, трогали золотистые бока сазана, гладили меня по голове. Затем Даи Эне торжественно объявила:

— Устроим праздник первой удачи. Ака стал рыбаком!

Все засуетились. Мама меня умыла, вытерла, надела все сухое.

Мне было очень весело, я не находил себе места.

— Бабушка, а что мне делать? Я не хочу сидеть.

— Лежи на топчане, отдыхай. Ты — рыбак, ты поймал большого сазана, боролся с ним, победил его и притащил домой. Ты устал.

— Не хочу, бабушка, лежать. Я не устал!

— Иди сюда, сядь рядом. Смотри и запоминай, как надо талу готовить. Это нелегко — настоящую талу готовить. Мэргэны в легендах умели нарезать талу очень быстро. А нам, женщинам, отставать от них нельзя. Стыдно.

— Почему стыдно, бабушка? — не понял я.

— Засмеют, а потом из дому выгонят.

— Как? Совсем-совсем?

— Бывало, и совсем. Ленивых женщин Мэргэны не любят.

Бабушка перевернула сазана с боку на бок:

— Жирный! Хорошая будет тала.

Она сходила в угол даврукана, открыла сундучок и принесла желтый костяной ножик, которым снимают чешую с крупной рыбы. Потом бабушка несколько раз провела этим «плужком» от хвоста к голове сазана, и он остался без чешуи. Затем наточила железный нож об край чугунной плиты и ровными пластинами срезала оба бока сазана.

В дверях показался отец, бабушка поручила ему набрать дикого лука и принести перца. Мама должна была пригласить на ужин соседей. На низеньком столике бабушка стала резать сырого сазана на тонкие пластики. Ножик издавал интересные звуки:

— Ширк-ширк! Ток-ток! Ширк-ширк! Ток-ток!

Первые рыбные лапшинки потекли со столика в эмалированную чашку. Я не выдержал, взял горсточку лапшинок и отправил в рот. Во рту стало прохладно и приятно, рыбьи крошки, как живые, сами поползли по горлу в живот. Я аж зажмурился от удовольствия. Еще захотелось. Но бабушка не разрешила:

— Подожди, Ака! Надо быть терпеливым. Поедим со всеми вместе.

Я вспомнил, что закидушка осталась лежать на берегу. Она без наживки. Я пошел на берег, распутал закидушку, наживил червяков и, раскрутив над головой грузило, ровно запустил его на протоку. Жилка плавно легла поперек протоки. Я обрадовался, что так ладно получилось. А там, где упало грузило, в воде разбилось и заискрилось солнышко. Я поднял вверх голову. Высоко в небе, распластав крылья, парил сунгсу. Коршун-рыболов. Он то частил на одном месте крыльями, то стремительно пикировал вниз, то взмывал вверх — к облакам. Я подумал: «Талу на ужин ищет».

У дома встречал меня папа:

— Ах, вот ты где! Снова на речку ходил? А ну-ка, дай я тебя покатаю.— Он подхватил меня, высоко подбросил над головой, поймал на лету и посадил к себе на плечи. И с криком «поехали!» побежал домой вприпрыжку, как мальчишка. Я крепко-крепко обнял папу за шею и громко захохотал. Я был очень счастлив.

У двери я спрыгнул с папиных плеч. И вовремя. К нам подходили Тимкина бабка и Койпо. Отец со старухой вошли в дом, а эта круглая коротышка уставилась на меня:

— Ака, талу пумал, да?

— А ты откуда знаешь? — рассердился я.

— Мама твоя позвала. Говолит, Ака большую лыбу пумал, плиходите талу кушать. Покажи, Ака, где лыба?

Я вспомнил, как она меня дразнила, и обозлился:

— Нету талы, съели! Опоздала.

— Подумаешь, лыбак. Блаконьел! Вот ты кто! — Скорчив гримасу, она ухватилась за дверную ручку. Но я успел щелкнуть ее по затылку и так дернуть за косичку, что ленточка осталась в руках. Толстушка не заревела, хотя на глазах появились слезы, а показала мне язык и впрыгнула в открытую дверь. Постояв немного за дверью, и я зашел. Меня уже ждали.

За столом сидели дед Ходёро, Тимкина бабка, рядом с ней Койпо, голова которой еле выглядывала из-за стола, затем мама с папой. Я сел рядом с папой. Посредине стола стояла эмалированная чашка, с верхом наполненная талой, перемешанной с луком и перцем. Из головы и остатков сазана была сварена уха, она дымилась отдельно в большой глубокой миске.

В селе не продавали спиртного. Уже полгода, как объявили войну с пьяницами и прогульщиками. В нашем доме не было принято ставить бутылку на стол. Лишь в особые праздники. Или когда произойдет большое и необычное событие. Но у нашей Даи Эне тут свои законы. Она достала бутылку водки. Это ее давнишняя заначка — держала для самого дорогого гостя. Может, год держала, а может, много лет.

— Вот и пришел гость, совсем молодой рыбак, кормилец,— с особой значительностью произнесла бабушка.— Пусть он растет здоровым и удачливым, пусть его сети и крючки не знают неудач, а руки и ноги не ведают усталости. Пусть его добыча радость приносит людям,— она счастливо улыбалась.

Бабушка подарила мне прадедовский кованый гарпун. Дед Ходёро протянул мне игличку и капроновые нитки.

—Рыбак и игличка, как две руки одного человека, живут дружно. И друг другу помогают. Расти, сынок, большим и сильным.

Тимкина бабка подарила переметные тупые крючки с готовыми наживками-галушками:

— Сазан — хитрая рыба, Ака, но эти крючки

хитрее. Они промаха не знают. Лови, сынок, и угощай нас, стариков.

Папа подарил рыбацкий ремень, нож и крепко обнял меня. А мама протянула новенькие блестящие резиновые сапожки.

— Носи и не простывай, Акаша,— крепко поцеловала она меня.

Все ели талу и очень громко хвалили меня и рыбу, говорили, что вкуснее этой еды никогда раньше никто не ел.

В этот вечер я дал себе слово стать рыбаком и кормить стариков амурской рыбой, по которой так скучают они, и которым так не хватает талы.

Медвежья рыбалка

Однажды вечером я пришел домой. Дома были Даи Эне, мама, папа и дед-сосед. Все они сидели за столом и ели горячую картошку. Папа перебрасывал картофелину с руки на руку, приговаривая:

— Пэкэ-пэкэ, пэкэ-пэкэ.

А это значит — горячо.

Я подскочил к столу и закричал:

— Ура-а-а! Новая картошка выросла! Как вкусно! Мама, я есть хочу! Хочу картошки!

— Не кричи. Руки вымой и садись за стол.

Я намочил руки под умывальником, вытер их об штаны и рубашку. Мама заметила это, покачала головой:

— Ай-я-яй, Аркаша, только утром надел чистую рубашку! Стирать будем вместе, узнаешь, как это достается.

Посреди стола стояла большая наполненная картофелем чашка, от которой шел пар.

— Подожди, сынок. Я тебе отдельно оставила, ровненьких и рассыпчатых.

Мама только собралась выйти из-за стола, как бабушка остановила ее:

— Не балуй ребенка. В еде всем должно быть одинаково. И все едят из одной чашки.

Она взяла чистую тарелочку, отгребла от общей чашки несколько штук, сверху положила кусочек вяленой кеты.

— Вот, ешь.

Картошка была вкусная-превкусная, даже некогда было с нее шелуху-мундир снимать, слюнки так и текли. Я откусывал наполовину очищенную картофелину, гонял языком во рту влево-вправо, вправо-влево, а потом быстренько проглатывал, а она, горячая еще, обжигала, будто торопила меня. И вдруг один кусочек застрял в горле. Я вытягивал шею, кивал головой, слезы сами потекли из глаз.

— Бабушка, п-и-и-ть!

Даи Эне тут же подала стакан молока:

— Выпей скорей.

Я выпил, и картошка проглотилась. Следующие картофелины проходили уже без задержки, потому что они успели немного остыть и я запивал их молоком. Кету я не стал есть, она была вяленая-превяленая, темная и твердая, как дерево:

— Фу! Дрянь! Бабушка, я другую хочу. Мягкую и жирную.

— Тоже выдумал,— возмутилась Даи Эне,— нету другой. Дождемся осени, купим нормовую. А сейчас терпи.

— «Нету-нету», терпи-терпи»,— передразнил я.

И вдруг вспомнил, как вчера вечером завмаг Золотухин мешок рыбы тащил вечером. Бумажный мешок развалился, и по улице разъехалась рыба. И все говорили, что это летняя кета.

— А завмаг летнюю кету поймал! Я сам видел. Вот.

— То завмаг,— зло сверкнул глазами отец.— Был бы я завмагом — сам водяной жил бы со мной по рукам. Он — мне, я — ему.

— Что он — тебе? — не понял я.

— Разрешил бы рыбу ловить. Семью кормить.

— И кету?

— И кету.

— И осетра?

— И осетра.

— Вот это да-а-а! Любую рыбу он даст тебе. А ты ему?

— Я ему — водочки, тушенки, сгущенки. Товары разные. Модные вещи, каких у других не бывает.

— Вот это здорово! Давай, папа, становись продавцом. Сгущенки — море, тушенки — ешь не хочу. Тала каждый день. А, папа?

— Не по мне эта затея. Не по совести моей да не по чести.

— Ну а если, папа, стал бы ты завмагом, подружился бы с дядей Баритоном?

— Нет, сынок. Никогда.

— Ну почему, па-а-а-п? Вон бабушка, каждый день то талы хочет, то уху просит. Бабушку жалко.

— Пусть терпит твоя бабушка.— рассердился папа.— Вон сколько бабушек в деревне, а сколько деревень на Амуре, считал? А сколько бабушек вместе, считал? Нет? То-то и оно-то. Никому — значит, никому. Вот так вот.

Папа допил стакан чаю, шумно встал из-за стола:

— А тебе, Ака, вот мое слово: честь и совесть даются человеку на всю жизнь. И он должен беречь их. А завмаг Золотухин и рыбинспектор Баритон давно разменяли по частям и честь, и совесть свою. Они живут по закону: ты — мне, я — тебе.

— Это плохо, папа, да?

— Очень плохо, сынок. По сути, оба они — никудышные люди.

— Папа, я завмагом не стану и рыбинспектором тоже не хочу.

— Вот и хорошо, Ака. Скоро осень, и ты пойдешь в школу. Учись! И знание даст тебе силу, которая нужна и тебе, и народу.

Тут мама напустилась на папу:

— Хватит тебе, отец! Разошелся. Смотри-ка, лектор нашелся. Сам поужинал, так сыну дай поесть.

Отец поерошил мои волосы и вышел на крыльцо. Дед-сосед вышел вслед за ним. Они о чем-то негромко разговаривали. Я быстро допил стакан молока и выскочил за дверь.

— Аркаша,— сказал папа,— завтра пойдешь в тайгу с дедушкой на горную речку Хасиктакан, хайрюзов ловить. Одежду мама приготовит тебе, а я займусь твоим рюкзаком. Уйдете на целый день. Возьмешь мою удочку. Червей накопаете на речке. Ну как, согласен?

— Согласен! Ура!

— Отлично, сынок. Теперь иди спать. Дед придет на рассвете. Я тебя разбужу.

Я долго ворочался в постели. И не мог представить себе, что же я увижу завтра в тайге на горной речке. Там я ни разу не был, и там меня ждет тайна. И ее я раскрою завтра...

Я проснулся оттого, что папа щекотал мою щеку своими колючими усами. Как, уже завтра пришло? Как быстро! А мне спать хочется. Но папа не отстает, все щекочет. Я смеюсь и выскакиваю из-под одеяла.

Папа помог мне одеться, я обул резиновые сапожки — мамин подарок. Потом быстренько поел: мама дала лепешку с молоком. Я не хотел завтракать, но папа уговорил, чтобы силы было больше.

На крыльце нас дожидался дед-сосед. Я по-
здоровался с ним. Папа помог мне надеть рюк-
зак, подал удочку. В это время за Амуром, на
вершине Черной Сопки, родилось солнце — не-
яркое, ласковое. Но лучи его были теплыми. А само
солнце улыбалось. И я ему улыбнулся и пома-
хал рукой.

— О! Какой хороший восход,— обрадовался
дед.— Пусть и день будет таким, каким выдалось
утро. Ну, пошли, Ака.

Сразу за деревней начиналась тайга. Она была
темная, и я побаивался ее, шел близко к деду
и несколько раз наступал ему на пятки. Дед,
с охотничьим копьем в руке и с пухлым меш-
ком за плечами, не спеша шел впереди и не
обращал на меня внимания. Так мы вдвоем вошли
в таинственную молчаливую тишину. Шли мы по
колхозной лесовозной дороге. Местами она была
грязная и в лужах. Дед обходил их, а я шел
по воде.

В тайге было прохладно. Иногда падали на
нас холодные капли росы. Я все время подни-
мал голову вверх, смотрел на вершины деревь-
ев, сквозь них видел небо, а на небе — далекие
белые облака, похожие на огромные комья сне-
га. И поэтому все время спотыкался и отставал
от деда. Дед заметил это и строго сказал:

— Вверх, Ака, смотреть незачем, там ничего
нет. Вот лучше смотри по сторонам, вперед, под
ноги. Запоминай, это интересно. Вот видишь? Что
это?

— Следы, дедушка.

— Чьи они, знаешь?

— Нет.

— Давай разгадаем,— дед остановился.— Сле-
ды похожи на собачьи, но очень мелкие. Похоже,
енотик ночью пробегал, еду себе искал. А вот
еще следы, Ака. Видишь, точки на глине? Будто

девчонки танцевали и каблучками землю попротыкали вокруг пня. А пень во мху. Мох обдирали вот тут, видишь?

— Вижу, дедушка. А зачем девчонки эти танцевать ходят сюда? И мох зачем они рвут?— удивился я.

— Это кабарожки, сынок, наследили. Они похожи на домашних коз и питаются вот этим мхом. Мох для них, Ака, как хлеб для людей. Запомнил? Теперь пошли дальше, надо торопиться.

Так мы шли долго. Дед посмотрел на солнце:

— Скоро дойдем до места. Совсем немного осталось. Давай, Ака, отдохнем.

Я и вправду устал, только деду об этом говорить не хотелось. Подумает, что я слаб, как девчонка. Мы уселись на толстую валежину, которая лежала у дороги. Дед внимательно рассмотрел дерево.

— Весной в бурю сломало. Долго жило. Много видело. Да ничего сказать не может,— рассуждал он.

— А оно что, раньше говорило, да, дедушка?

— Нет не говорило. Под солнцем и луной говорить может только человек. А записывать может только грамотный человек. У тебя все впереди. Ты всему, сынок, научишься. Вот копье. Оно мне от отца досталось, а ему от его отца. Много дел сделало оно на своем веку. А вот что оно людям скажет,— ничего. Я вот только рассказывать могу, а записывать на бумагу не могу. Буквы не знаю.

— А почему, дедушка? — удивился я.

— Не было тогда школ, когда мы были маленькими. Некому нас учить было.

— А копье зачем взял? Медведя колоть, да?

— Тихо! Что ты языком мелешь, негодный мальчишка?! Грех большой может случиться.

На крыльце нас дожидался дед-сосед. Я по здоровался с ним. Папа помог мне надеть рюк зак, подал удочку. В это время за Амуром, на вершине Черной Сопки, родилось солнце — не яркое, ласковое. Но лучи его были теплыми. А само солнце улыбалось. И я ему улыбнулся и пома хал рукой.

— О! Какой хороший восход,— обрадовался дед.— Пусть и день будет таким, каким выдалось утро. Ну, пошли, Ака.

Сразу за деревней начиналась тайга. Она была темная, и я побаивался ее, шел близко к деду и несколько раз наступал ему на пятки. Дед с охотничьим копьем в руке и с пухлым мешком за плечами, не спеша шел впереди и не обращал на меня внимания. Так мы вдвоем вошли в таинственную молчаливую тишину. Шли мы по колхозной лесовозной дороге. Местами она была грязная и в лужах. Дед обходил их, а я шел по воде.

В тайге было прохладно. Иногда падали на нас холодные капли росы. Я все время поднимал голову вверх, смотрел на вершины деревьев, сквозь них видел небо, а на небе — далекие белые облака, похожие на огромные комья снега. И поэтому все время спотыкался и отставал от деда. Дед заметил это и строго сказал:

— Вверх, Ака, смотреть незачем, там ничего нет. Вот лучше смотри по сторонам, вперед, под ноги. Запоминай, это интересно. Вот видишь? Что это?

— Следы, дедушка.

— Чьи они, знаешь?

— Нет.

— Давай разгадаем,— дед остановился.— Следы похожи на собачьи, но очень мелкие. Похоже, енотик ночью пробегал, еду себе искал. А вот еще следы, Ака. Видишь, точки на глине? Будто

девчонки танцевали и каблучками землю попротыкали вокруг пня. А пень во мху. Мох обдирали вот тут, видишь?

— Вижу, дедушка. А зачем девчонки эти танцевать ходят сюда? И мох зачем они рвут?— удивился я.

— Это кабарожки, сынок, наследили. Они похожи на домашних коз и питаются вот этим мхом. Мох для них, Ака, как хлеб для людей. Запомнил? Теперь пошли дальше, надо торопиться.

Так мы шли долго. Дед посмотрел на солнце:

— Скоро дойдем до места. Совсем немного осталось. Давай, Ака, отдохнем.

Я и вправду устал, только деду об этом говорить не хотелось. Подумает, что я слаб, как девчонка. Мы уселись на толстую валежину, которая лежала у дороги. Дед внимательно рассмотрел дерево.

— Весной в бурю сломало. Долго жило. Много видело. Да ничего сказать не может,— рассуждал он.

— А оно что, раньше говорило, да, дедушка?

— Нет не говорило. Под солнцем и луной говорить может только человек. А записывать может только грамотный человек. У тебя все впереди. Ты всему, сынок, научишься. Вот копье. Оно мне от отца досталось, а ему от его отца. Много дел сделало оно на своем веку. А вот что оно людям скажет,— ничего. Я вот только рассказывать могу, а записывать на бумагу не могу. Буквы не знаю.

— А почему, дедушка? — удивился я.

— Не было тогда школ, когда мы были маленькими. Некому нас учить было.

— А копье зачем взял? Медведя колоть, да?

— Тихо! Что ты языком мелешь, негодный мальчишка?! Грех большой может случиться.

Ай-я-яй, как плохо сказал ты! Ай-я-яй! Ну да ладно, пусть простят старики. Дите неразумное сказало. Поймут правильно.

Дедушка говорил эти слова в сторону, отвернувшись от меня. А потом еще что-то по-нанайски прокричал. Я не понял, с кем это дед говорит. Я даже немного испугался. Потом он повернулся ко мне.

— Копье зачем взял? — переспросил.— Может, пригодится. Мне один конец. Я жизнь свою прожил. Хорошо ли, плохо ли, а прожил. А у тебя впереди много дел. Вся жизнь. Вот я копье и взял. Возьмешь ружье — посчитают за браконьера. Мне это ни к чему. Ну, пошли, сынок. Речка здесь рядом.

И вправду: вдруг впереди, совсем неподалеку, открылась речка. Она черной полосой протекала под крутой высокой сопкой. Я подбежал к самому берегу. Вода чистая-чистая, на донышке все камешки видны, все листики и палочки. Я нагнулся, потом прилег на живот, прислушался. а речка будто со мной заговаривала тихо-тихо:

— Три-ли-ли, улю-лю... Чирлик-ли, лю-лю-лю

Это она по-своему со мной разговаривает. Если перевести на человеческий язык, то будет так: «Здравствуй, Ака, попей моей водички, вкусная она, хорошая. Ну попробуй, Ака, пожалуйста. А можешь опустить ладошку и потрогать мои струи».

Я нагнулся и попил с макушки бурунчика, который взлетает с камешка вверх, как с трамплинчика. Ах! До чего вкусно, аж в глазах стало светло, а в груди прохладно, даже зубы заломило, будто мороженого поел.

— Ты что это, Ака, задумал? Брось баловаться.

— Я не балуюсь, дедушка. Я воду пью.

— Обожди немного. От жары да в холод — может плохо кончиться для тебя.

— Больше не буду, дедушка.

— Ну и ладно.

Пока я слушал речку и пил воду, дед накопал с десяток красных червей, снял с березы кусок бересты, сделал чумашку*. Он положил туда земли, чтоб черви закопаться могли, подал мне и указал пальцем на обрывчик, с которого надо ловить рыбу. Под обрывом яма, вода в ней была черная и медленно кружилась в водовороте. Закинув удочку, я стал следить за поплавком. Мне было страшно смотреть на эту яму, дна которой, как я ни старался, так и не смог увидеть. И вспомнил сказку про водяного: вдруг он там сидит и смотрит на меня, ждет момента, чтобы меня на дно утянуть. Я на всякий случай оглянулся, поискал глазами деда. Он был невдалеке, собирал сушняк для костра.

Вдруг удочку резко дернуло и согнуло пополам. Я напугался и чуть не выронил ее из рук. Потом опомнился, вскочил на ноги. Кто-то большой и сильный тянул меня с обрыва вниз в эту страшную яму.

— Дедушка, помоги-и-и! — закричал я.

Я мигом вспомнил, как вытягивал из протоки сазана, и понял, что надо делать. Сперва потянул удилище вдоль обрыва, потом спрыгнул на камешки и, пятясь и держа удилище на вытянутых руках, выволок на берег рыбину. Она упиралась, высоко подбрасывала себя, шлепалась на бока, извивалась, рвалась и вновь подпрыгивала вверх. И всякий раз удилище готово было вырваться из моих рук.

Дед подоспел вовремя, в тот момент, когда рыба сорвалась с крючка, а я упал на спину. Он придавил ее руками и, глядя на меня, весело смеялся:

---

* Чумашка — небольшая берестяная посудинка.

— Какой молодец, Ака! Такого ленка вытянул! Молодец, сынок, вкусная будет уха.

Потом дед шагнул к речке:

— Спасибо тебе, Хозяйка речки, спасибо, Хозяин сопки. Угостили детей своих, не забыли нас.

Дедушка низко поклонился кому-то и начал обрабатывать ленка.

Я сел рядом с дедом и рассматривал ленка. Со спины он был черный, бока — коричневые, в черных точках, брюхо белое. Красивая рыба. А я-то думал, что это водяной зацепился за удочку.

Мне хотелось еще одного ленка вытянуть на берег, такого же. Я схватил удочку и бегом к тому же месту. Ямы я уже не боялся, даже, наоборот — расхрабрился.

Я подумал, что там, на дне, сидит царевна, хозяйка этой речки, косы у нее черные и длинные, глаза большие и черные, да и сама она в черном длинном халате, вся в серебряных чешуйках, как в кино русалка. Хорошо бы ее выловить и дома в бочку с водой пустить. Нет, что это я говорю? Нельзя! Грех это. Пусть живет у себя дома, решил я. А то умрет, как та бабочка, которую я поймал и принес домой неделю назад.

Вдруг клюнуло, поплавок ушел на дно. Я дернул и выбросил на берег небольшую, чуть больше гольяна, рыбку. А какая она красивая-красивая, вся переливается на солнце красными, голубыми, желтыми, черными полосками, как бабочка. Это был хариус. Самая-самая красивая рыбка на белом свете. Потом еще, еще и еще. Вот это здорово! Радости моей не было конца.

Но вот дедушка позвал к костру, обедать. У меня давно в животе бурлило, хотелось есть, и я вприпрыжку пустился по галечной косе.

— Дедушка, я хариусов наловил! Много. Штук десять будет!

— Хорошо, хорошо, сынок, домой принесем,— обрадовался дед.

Он вытаскивал из дымящегося котелка с ухой вареную рыбу и раскладывал ее по чашкам.

Я ел взахлеб. Ну до чего все было вкусно! Мясо рыбы белое, рассыпчатое, пахло диким луком, соленой черемшой и немного перцем. Потом мы с дедом запили рыбу бульоном. Живот мой был набит до отказа, и я тут же развалился на теплой земле у костра, спиной к горячим камешкам, нагретым полуденным солнцем, и заснул.

Проснулся я, а дедушка ходит по берегу и что-то вылавливает из воды. Я тут же вскочил и подбежал к нему.

— Смотри, сынок, уже вторую кету выносит на берег — рыбины кем-то проколоты. Тут повыше есть старый икромет, летняя кета вернулась в нашу речку, давно ее не было. А браконьеры уже учуяли, начали пакостить. Пойдем, узнаем — чья это работа.

Дед взял копье, я проверил за поясом охотничий нож, подаренный отцом, и мы тихо пошли вдоль берега вверх по реке. За одним из поворотов дед вдруг резко присел и меня рядом посадил.

— Тихо, Ака, не пугайся. Посмотри вперед, медведь вон кету ловит.

Я присмотрелся сквозь кусты. И верно. Совсем рядом медведь сидит на перекате. Сидит смирно, только головой туда-сюда вертит. Рядом кета проплывала, даже спину видать было. А медведь хвать ее лапой, и полосатая кета уже у косолапого в зубах бьется. Потом он кладет эту рыбину под себя и сидит, дожидается следующей. Тут целая стайка кетин подошла к медведю сбоку. Медведь как вскочит! И давай за рыбами гоняться по воде — только брызги в разные стороны полетели. Вот он поймал еще одну, вер-

нулся на прежнее место, поискал оставленную рыбину, на которой сидел, но не нашел ее и положил под себя последнюю. А те, что ранее были пойманы зверем, унесло течением, их проносило мимо нас, я это видел. А мне было все это смешно.

«Ну и чудак этот медведь. Ленивый. Лень ему на берег рыбу отнести. А я бы на берег относил»,— думал я.

Мы с дедом сидим и тихонько смеемся над мишкой: какой он глупый!

Вдруг медведь вновь вскочил, бросился за кетой, но не поймал и вернулся на старое место. Он поискал глазами рыбину, пошарил лапами на каменьях в воде, но нигде не найдя рыбы, пришел в ярость. И как заревет на всю тайгу, даже деревья затряслись. Да как начал он хлопать лапами по воде, а потом как пустился бежать — так быстро, что в два-три прыжка скрылся в тайге. Далеко в чаще он рявкнул еще, и больше мы его не видели и не слышали. Тут мы с дедушкой громко, от души посмеялись над этим косолапым рыболовом.

— Ничего,— сказал потом дед,— молодой он еще. Ума у косолапого мало. Но жизнь научит многому...

Потом мы с дедом подобрали медвежий улов, несколько кетин вынесло на косу. Мы положили рыбу в рюкзаки. Старательно залили водой костер. Потом помогли друг другу надеть рюкзаки и пошли домой веселыми шагами. Мы были благодарны косолапому.

Дома я рассказывал, а все слушали и смеялись над мишкиной рыбалкой.

А назавтра Даи Эне отварила настоящую малосольную жирную мягкую кету с молодой картошкой. Ах, какая это вкусная рыба — мишкин улов!

Охота на зайца

Я давно школьник, и уже каникулы. Каждый день катаюсь на лыжах и гоняю с ребятами в хоккей консервную банку. Все хорошо, только мама ругается — ноги и руки в синяках, и новые валенки продырявил, потому что играем в хоккей без коньков, катаемся по льду на валенках. А сегодня я пошел в лес по папиной лыжне, он наказал мне проверить петли, которые мы с ним поставили перед Новым годом на заячьей тропе. Два раза ходили и ничего не поймали. Мама смеется над нами и называет нас горе-охотниками. Папа велел мне одному сходить в тайгу, а сам с бригадой рыбаков уехал ловить навагу на море, они пробудут там до весны. Это очень долго.

Надел я папины лыжи, подбитые мехом. Иду, а снег под ними поскрипывает, как песенку поет:

— Кико-ор, ки-ко-ир, ки-ко-ирп!

Вот мохнатые ели лапы свои протянули. Попробуй, возьми их, только тронь! И повалятся на тебя комья снега. А ну, попади они за воротник. Бр-р-р-р! Нехорошо будет, хоть домой поворачивай. Вот береза тонкие ветки свои раскинула, и на них каким-то чудом — белыми змейками снег держится, головки свесились вниз, смотрят на меня, дивятся. А вот огромный-преогромный кедр-великан стоит, ростом до неба достает, толстые ручищи свои растопырил, а на концах их шишки кучками держатся — пропробуй, достань! Я задрал голову. Нет, не достанешь, высоко. Тут голова моя закружилась, шапка свалилась на снег, а я плюхнулся на свою шапку и закрыл глаза. Посидел так немного, голова перестала кружиться. Поднялся, отряхнул шапку и, обидевшись почему-то на кедр, медленно покатился вперед, и не глядя по сторонам.

И вдруг рядом со мной, с правой и левой стороны вздымая фонтаны снега, взлетели рябчики и тут же уселись невдалеке на ветки деревьев. Я чуть не заплакал с перепугу, а сердце так громко застучало в груди, что в ушах больно стало. И я так рассердился на птиц, что приставил к плечу лыжную палку, прицелился, как из ружья, на рябчика, который уставился на меня, вытянув шею, и громко выпалил: «Ба-бах!» Секунда — и птиц будто ветром сдуло. Ага, напугались, да? Так вам и надо. Не будете спать на дороге! «Интересно,— подумал я,— что они в этих ямках делали?» И стал ковыряться лыжной палкой там, где они сидели.

— Вот тут спальня — чисто, а вот тут уборная — грязно, целая куча помета,— разговаривал я вслух.— А тут между ними коридор. Во, целый дом под снегом устроили, хитрецы, все в отдельных комнатах.

Вспомнил я про друга Сашу Киле, у которого в городской квартире и купаться можно, и туалет отдельно, и телевизор смотрят в гостиной, и спальня — для каждого. У него в городе все находится в доме. А у нас в Кусуне? Туалет на морозе, дрова на морозе, вода тоже на улице, из колодца носим. Ему хорошо там...

Скоро я наехал на заячью тропу, и лыжня пошла вдоль нее. Вдруг я увидел, как из-под куста выскочил заяц, прыгнул на тропу и скрылся за елочкой. Я быстро пошел вперед, поравнялся с елкой и увидел зяйца. Сидит. Уши прижал к спине и сидит. А на шее петля затянулась. Заяц в петлю попал,— обрадовался я. Какая добыча!

И все же я снял рюкзак, открыл его пошире и накрыл зайца, чтобы быть окончательно уверенным. Только потом я снял петлю. Заяц вдруг ожил и давай в рюкзаке прыгать и верещать.

Но я уже рюкзак затянул крепко-накрепко и надел его на плечи. Заяц там скоро затих.

Обратно домой было идти легко и весело. Я даже песенку запел: «В лесу родилась елочка, в лесу она росла...» Вдруг лыжи сами покатились вниз с горки на речушку, я пригнулся, а в это время задергался, запрыгал заяц, стал барабанить мне по спине. Я не удержался на ногах и воткнулся головой в снег. А рюкзак сорвался с плеч и покатился дальше под горку. Я быстро выбрался из снега, но лицо, глаза — все было залеплено снегом. В другое время я, может, и заплакал бы от обиды. Сейчас некогда. Быстро стряхнул снег и огляделся. Где рюкзак? А рюкзак докатился до речки и там выделывал кренделя: то подпрыгнет, то набок упадет, то катается по снегу, то остановится на миг и снова начинает выделывать фигуры. И так это все было смешно, что я не выдержал и долго хохотал один, пока заяц не устал и рюкзак не затих. Я поднял рюкзак, дом уже был неподалеку. Косой сидел смирно, только раза два дернулся.

Вот и деревня. На улице никого не было видно, только внизу, на протоке, ребята гоняли на льду консервную банку. Они играли в хоккей. Жаль, а мне хотелось им похвастаться. Пусть позавидуют, какой я охотник! И вдруг я заметил Койпо. Эта толстушка стояла на крыльце своего дома и смотрела на меня. На ней была шуба, а поверх нее она была укутана шалью — только глаза двумя точками сверкали.

— Ака, чего пумал, а? — спросила она.

— Не пумал, а поймал. Неграмотная!

Тут заяц снова запрыгал.

— А чо там длыгается, а? Ну скажи, Ака.

Хотел я ей нагрубить, да передумал. Надо же с кем-то поделиться радостью.

— Заяц там. Живой! Я его в петлю поймал.

— Живой? Ой как интелесно! Покажи, Акаша. Я только один лаз посмотлю, и все.

— Еще чего! — возгордился я.— Еще упустишь.

— Не-е, я тихонько. Ну, Акаша.

— Ну ладно, только в щелочку.

Я осторожно положил на снег рюкзак и развязал узел.

— Погляди в щелку.

Койпо прильнула к рюкзаку:

— Темно, не вижу.

Тогда я шире открыл рюкзак. Яркий свет ударил косому в глаза, тот присел. Койпо успела только сказать: «Ой, какой класивый!» И тут же хлопнулась от толчка в лоб, сделанного зайцем. Я хотел закрыть рюкзак, но не успел. Заяц уже выпрыгнул. Он вертелся вокруг нас, не зная, куда бежать. Я прыгнул на косого, хотел накрыть собой, да промахнулся. Заяц пустился вдоль улицы.

Мы с Койпо сидели, молча уставившись друг на друга. Первым заговорил я:

— Ты чо-о, а? Ты чо сделала?

— Я ничо! — Койпо во все глаза смотрела на меня.— Это он сам, Ака, выплыгнул и меня толкнул.

— Са-ам, да? — закричал я от обиды.— Тебе мало щелки? «Темно, не видно, Ака»! — передразнил я. И заметил, что у нее и вправду глаза, как точки. Что такими глазами-то увидишь? Круглая, как бочка.— Катись отсюда!

Я подобрал рюкзак, лыжи и палки, собрался идти, как Койпо заревела на всю улицу. Слезы текли по лицу в два ручья.

— У, ревуха!

На рев выбежал брат ее Тимка, он был в свитере, без шапки.

— Ты что, Ака? Маленьких бить? Подожди! Дай сперва я тебя украсю, а потом пойдешь!

— Чего? — повернулся я.— Это ты меня?

— Да, я тебя! — Тимка подскочил ко мне, взял за грудки и ударил головой. Потом, подставив ногу, повалил на снег. Я обозлился всерьез.

— Это не честно! Я не успел подготовиться! — крикнул я ему.

Но Тимка зря время не терял, сел на меня верхом и стал дубасить кулаком куда попало. Я еле успевал отворачивать лицо. Вдруг Койпо перестала реветь, ухватила брата за воротник.

— Не тложь его, Тима! Акаша меня не бил! Я сама заплакала. Вот. Я сама...

Но я уперся ногами, перебросил Тиму через себя, вскочил на ноги и принял стойку боксера. Тима тоже встал. Он снова набросился:

— Девчонок обижать? Герой нашелся!

Тима хотел повторить тот же прием, но я ему как «боксанул» в нос! Он вскрикнул, сел на снег и закрыл лицо руками. Я удивился:

— Чо, нос разбил тебе, да, Тимка? Ты же сам первый! Не понял чо к чему и в драку полез. Сам виноват...

Но Тима, ни слова не говоря, все так же держась за нос, вскочил и бросился бежать домой. Койпо тоже побежала за ним.

Подобрав лыжи, палки и рюкзак, я медленно побрел домой. Болела губа. Я плюнул и увидел кровь. «Разбил губу толстяк»,— подумал я.

Проходя мимо дома Гаера, я скосил глаза под крыльцо. Там лежал Бякта, морда у него была распухшая и вся в крови. Бякта облизывался. «Ага, влетело тебе, злюка,— обрадовался я.— Интересно, чья же собака разукрасила Бякту?» На крыльце дома пекаря Абуздырина стоял их волкодав Мухтар, он чуть наклонил голову и тихо повизгивал, из разорванного уха капала кровь. «Это Бякта его, наверное, а он Бякту,— решил я.— А интересно, кто же из них первый начал?»

Навстречу мне хромал самаровский Казбек, шерсть на нем была вся помята. Значит, и он с кем-то подрался. «Сегодня все дерутся»,— решил я.

А случилось вот что. Мой заяц скакал по улице и собирал за собой всех собак. Они с громким лаем кидались за ним. Услышав лай, который все ближе и ближе раздавался, из конуры вышел наш Барс. Заметив стремительно бегущего зайца, а за ним гавкающую свору собак, Барс спрятался и приготовился. Как только заяц поравнялся с ним, он выскочил из засады и одним ударом сшиб, прикончил его. Свора, налетая друг на друга, остановилась перед Барсом, под лапами которого лежал заяц. Каждая из собак считала зайца своей законной добычей и готова была забрать его у Барса. Как сговорившись, они бросились на Барса. Поднялся неимоверный лай, визг, хрип, рычанье. На шум вышли бабушка Даи Эне и дед-сосед, который взял длинный шест и стал разгонять собак. Гаеровский Бякта уцепился зубами за шест. Барс набросился на Бякту, опрокинул его грудью, лязгнули клыки — и шкура на морде Бякты тотчас же раздвоилась. Барс накинулся на Казбека, сбил его и прокусил ногу, тот завизжал и уполз. Барс молниеносным броском схватил Мухтара за ухо и располосовал его надвое. Мухтар с разорванным ухом, жалобно поскуливая, уходил в сторону. Две собаки даже не пытались ввязываться в драку, они так и остались стоять в стороне, наблюдая, кому же достанется заяц. А заяц по праву достался Барсу. Он свою добычу никому не собирался уступать и не уступил. Грозно рыча, он ждал, кто же следующий. Желающих полакомиться зайчатиной больше не оказалось.

Дед заметил зайца. Немало удивленный, хотел он подойти и взять косого, но грозный рык Барса

остановил его. Тогда подошла Даи Эне, и только ее властному окрику подчинился Барс. Даи Эне взяла за уши зайца и быстро пошла в дом. За ней последовал и дед-сосед.

Когда я подошел к дому, увидел Барса. Он тоже был порядком помят, а на груди и шее виднелись пятна крови. Я обнял Барса.

— И ты тоже подрался, да? И я — с Тимкой. Он первый полез. А ты с кем, Барсик, а?

Барсик смотрел в глаза и старался лизнуть меня в щеку. Я забежал домой. И сразу увидел на полу зайца. Бабушка весело сказала:

— Вернулся, охотник, зайца пригнал из лесу домой, а Барсик его поймал, да?

— А-а,— догадался я тут,— это вы моего зайца поймали?! Вот хитрецы.

И я все рассказал им от начала и до конца. И как Койпо отпустила зайца. Только о драке не стал рассказывать, не хотелось. Даи Эне и дед-сосед выслушали меня до конца и поверили, бабушка поцеловала в лоб:

— Охотник растет, кормилец. Спасибо, внучек.

Праздник первой удачи

Даи Эне решила устроить праздник первой удачи. Она сварила из зайца суп-пялта и еще потушила мясо с картошкой. Потом вытащила из-за шкафа большого деревянного бурхана — с ногами и с руками,— которого все звали дедушка Маси. И поставила этого деда в спальне. Перед ним бабушка расстелила маленький коврик, а на коврик поставила тарелочку с кашей и кусочки горячего мяса. Потом зажгла на подносе пахучий багульник и стала коптить дымом деревянного деда. И выходило, будто дед-бурхан курит. До чего все это было смешно, что я не выдержал:

— Ха-ха-ха! Дед курит!

Тут же я получил от мамы подзатыльник:

— А ну-ка, тихо!

Бабушка о чем-то шептала деревянному деду, о чем — я так и не понял, потому что Даи Эне говорила по-нанайски, а из своего родного языка я знал всего несколько слов. Она повернулась:

— Встань, Ака, на колени, поклонись дедушке.

А это значит, что мне надо несколько раз ударить лбом по полу. Но мне все равно было смешно и весело, и я несколько раз трахнул головой об пол и, вскочив на ноги, подбежал к маме.

— Этот дед, Аркаша, самый древний хранитель рода нашего,— сказала мама.— Ты же любишь сказки. Вот она перед тобой — живая сказка. Разве не сказка твоя бабушка, этот деревянный дед Маси? Интересно, правда же? Запомни, сынок, иначе все уйдет вместе с бабушкой. И некому будет рассказывать обо всем этом... Запомни! Слушайся бабушку, не огорчай ее,— наставляла меня мама.— Пусть будет так, как она хочет. А хочет она тебе здоровья, много-много удачи: зверей добывать всяких, рыб ловить. И чтобы ты стал грамотным, здоровым и сильным человеком, чтобы ты был кормильцем большой семьи. Этого в конце концов каждому человеку хочется... Ну, ждем тебя, Ака, гости пришли...

Я выскочил на кухню, а там уже сидели дед-сосед, Тимкина бабка и... толстушка Койпо. Я подошел к ней, вспомнив, как из-за нее зайца из рюкзака мы упустили.

— А ты как сюда попала, а?

— Не-е, не я. Это бабка меня...

— Как не ты? Это ты. Глаза — как точки, сама — как бочка.

— Не длазнись, Ака, я не хотела. Бабуля это все, она ночью плохо видит. Я ее за луку вожу.

Мне вдруг жалко стало Койпо и ее бабушку:

— Ладно, раздевайся. А меня кланяться заставляли деревянному деду,— по секрету сказал я Койпо.— Его зовут Маси.

— А меня заставят?

— Тебя? Нет.

— Почему? А я, может, тоже хочу.

— Хочу-хочу,— обозлился я.— Ты сперва зайца поймай.

— Я не умею.

— И я не умел. Папа научил.

— А ты, Акаша, научи меня. И я пумаю.

— Не пумаю, а поймаю. Куда тебе на охоту...

— А чо-о?

— Зверя добывать должны Мэргэны, ясно? А ты учись варить вкусно, в доме прибирать, хозяйство вести.

— А ты чо, Акаша, уже Мэлгэном стал, да?

— Кто сказал?

— Ты вон какого зайца плинес.

— А ты вот отпустила! Спасибо Барсику, не дал косому удрать.

— Как, он пумал? Плямо живого и в люкзак, да?

— Он что — человек, что ли, чтобы с рюкзаком носиться?

— А с чем он носится?

Тут я так рассердился, что дал ей по лбу щелбана, легонечко, конечно.

— А ты, Акаша, не делись,— надулась Койпо.

Нас позвали к обеду. Все уселись вокруг стола, и началось пиршество. Тимкина бабка обсасывала косточку и громко хвалила охотника, который поймал такого жирного, такого большого зайца, что ешь-ешь, и уже живот полный, уже живот болит, а мяса все много. Придется еще и завтра прийти — доедать.

— Но где тот охотник? Ах, вот он!

Бабка поцеловала меня в обе щеки и подарила меховые рукавицы. Рядом с большим пальцем у них было отверстие. Я знаю, у папы такие же. Это для того, чтобы указательный палец вышел из рукавицы, когда надо будет стрелять.

— Корми нас, охотник, мы старые, немощные — можем только есть да спать, да еще желать удачи и счастья тому, кто это все может делать сам. Носи на здоровье, сынок!

Дед-сосед схватился за живот и заойкал:

— Ой-ой, как много мяса я съел! Так наелся, что живот раздулся, сейчас лопнет. Ай-ай, какой большой заяц, как сохатый! Ай-яй, мне плохо! Сейчас лопнет мой живот. Помогите-помогите!

Дед-сосед притворно развалился на диване:

— Иди, Ака, погладь мне живот, легче будет.

Я засмеялся и пощекотал деду живот.

— Вот-вот, уже полегчало, уже проходит. Вот хорошо, спасибо, охотник! Вот тебе награда за то, что мне жизнь спас,— и дед-сосед вручил мне свое охотничье копье, с которым всю жизнь ходил на медведей. И всегда побеждал.

— Пусть твое сердце, Ака, будет всегда бесстрашно, рука тверда, а копье никогда тебя не подведет! — И дедушка крепко обнял меня.

Мама подарила мне новую кроличью шапку. Она ее примерила, а меня крепко поцеловала:

— Расти, мой сынок, моя надежда.

А Даи Эне сказала, что ее подарок будет готов только завтра утром. Я уже знал, что это за подарок. Это настоящие кожаные охотничьи обутки, с мягкой травой внутри. Трава называется навкта. Вот это да! Я крепко-крепко, сильно-сильно обнял свою бабушку Даи Эне, самую хорошую бабушку на свете.

ГЭЮНЭ
Легенда

Когда-то в нанайском стойбище Талан, на берегу горной речки, что впадает в Амур, жили охотники. Жили свободно и богато. Всего у них было вдоволь. В тайге обитали медведи, сохатые, кабаны, косули, белки, а по речке большими стаями поднимались горбуша, кета, чебак, сиг.

Закинут, бывало, с утра в реку молодые охотники неводок-бредешок — столько разной рыбы притонят, покличут людей. Прибегут к берегу девушки с корзинами-соро, наберет каждая рыбы столько, сколько надобно на день, и такую, какую хотелось. А остальное обратно в реку отпускали. Вот им и тала, и уха, да еще на зиму заготовляют впрок жирную таксу* да красную юколу.

Жили люди дружно и весело. Чего им было ссориться? Всего им хватало. Парни в меткости

* Такса — нанайское национальное блюдо из вареной и жареной рыбы без костей.

да ловкости состязались, на оморочках гонялись друг за другом — кто быстрее по реке поднимется. Девушки на галечной косе резвились, в зеркальные чистые воды заглядывались — любовались собою, заплетали волосы в толстые и длинные косы, бегали в лес — ягоду собирали, черемшу рвали да сушили на зиму. А самые сильные и мужественные охотники во главе с вождем племени ездили в далекую страну Никан, что в верховьях Амура находится, торговали соболями, белками, колонками, калужьими хрящами. Привозили оттуда крупу, муку, железные стрелы, копья, одежду, дочерям — красивые безделушки.

Но вот однажды, когда все охотники уплыли на лодках в далекую страну Никан, появилась огромная, чудовищная птица — Коори, и принялась таскать она малых детей да девушек и поедать за дальней горой, на которой растет трехвершинный кедр — в десять человеческих обхватов.

Появится над стойбищем эта птица — все небо словно черная туча закроет. На землю падает черная тень, и все вокруг погружается в ночь. А когда она улетала, то всегда кого-нибудь да не хватало в стойбище. Люди в страхе и горе не знали, что делать. Сам великий шаман первым прятался дома под нарами. Храбрые юноши и стрелы пускали, и копья кидали, да отскакивали они от птицы, как от камня.

Жила в том стойбище девушка Гэюнэ — и красива, и стройна, а умом — в мудрого старца. Пришли к ней подружки, которые в живых остались, стали просить ее: пусть придумает что-нибудь такое, чтобы наказать чудовище-птицу и спасти людей в стойбище. Долго думала-думала она, наконец спросила подружек: а чего может бояться все живое на свете? Не могли они отгадать. Тогда она ответила: огня!

— А как же мы будем бороться с ней, ведь

огонь на земле горит, в руки его не возьмешь?

— Разведем большие костры у каждого дома, а когда прилетит чудовище Коори, пусть каждый поднимет над головой по горящему факелу,— сказала Гэюнэ.

Девушки разошлись и рассказали всем, что посоветовала им подружка. Удивились старые люди. Но все принялись рубить и носить к дому хворост, плавник. Недовольным был только шаман: он не любил своих людей за то, что они его не слушались. Он бегал от дома к дому и сердито говорил:

— Это бог Эндур прислал птицу сюда, он и уберет ее, когда посчитает нужным...

Но люди не слушались его, рубили хворост и носили в большие кучи, трудились остаток дня и всю ночь. И когда солнце-сиун встало в зенит, они развели большие костры у каждого дома. Вот черной тучей стала приближаться к стойбищу Коори. И когда она появилась над ним, люди подняли над головами горящие факелы. Они горели так ярко, и нестерпимый жар от них подымался так высоко, что Коори не смела и близко спускаться к кому-нибудь из людей. Не горел костер только у крайнего дома, где жил шаман. Птица Коори была очень голодна, и она не прочь была съесть даже дряхлого шамана. Она схватила его когтями за шиворот и улетела.

Как ни колотил в бубен шаман, пугая птицу, так и поднялся он в воздух вместе в бубном. Но шаману не хотелось умирать, он решил спасти свою жизнь и затеял с птицей разговор.

— Зачем я тебе нужен, о великая птица Коори! Я стар и немощен, мясо мое худое и твердое. Не ешь меня, я расскажу тебе, кто научил людей бороться с тобой. Это девушка Гэюнэ, она самая красивая в стойбище, а мудрости у нее и на десять старцев хватает.

— А что же с того, что ты рассказал мне про нее, какое мне дело до ее красоты и хитрости? Этим мой пустой желудок не наполнишь,— прохрипела птица Коори.— А впрочем, что она красива — это неплохо. Покажи мне ее.

— Покажу!

— Но шаманить будешь в дупле моего дерева. Посмотрю, что выйдет из этого, как побренчишь ты своими погремушками.— И с этими словами Коори бросила шамана в дупло кедра.

Шаман принялся неистово прыгать и бить в бубен, призывая свирепый северный ветер-очи, чтобы тот подошел к стойбищу и принес с собой много воды. Но день шаманит он, ночь шаманит, вот от усталости на дно дупла стал падать. Но толку все нет. Как дул, так и дует теплый, ласковый западный ветер-дади. Над головой, от края и до края, чистое небо синеет.

Каждый день летала птица Коори к стойбищу и всякий раз возвращалась ни с чем. Последний раз вернулась с опаленными крыльями. Вытащила Коори шамана из дупла и говорит:

— Сыты оба мои уха твоим безумным бренчанием, побренчи-ка теперь в моем животе.

И только хотела Коори оторвать шаману голову, как тот завопил:

— Ой, не ешь меня, великая птица Коори! Я знаю, как потушить их костры.

— Говори скорей,— торопит Коори,— мне есть хочется.

— Я зажгу весь лес вокруг стойбища, люди уйдут в реку, вот и лови их там, о великая Коори.

— Иди скорей, да не вздумай обманывать меня.

Подкрался коварный шаман к стойбищу и поджег сухой лес со всех сторон. Запылала тайга черным пламенем. Выскочили люди из домов, стали пожар тушить и вдруг заметили шамана:

рыжим колонком он прятался за обгоревшим пнем. Схватили его люди, привязали к тому пню, чтобы он не сбежал, а сами продолжают тушить огонь. Но пожар все сильней. Не стерпели люди, побежали в реку, спасаясь от жары.

Прилетела тут птица Коори, схватила девушку Гэюнэ и улетела к себе на дерево, спрятала ее в ветвях кедра, а сама вновь полетела за новой добычей и еще одну девушку принесла в своих хищных когтях.

Чудовище-птица говорит прекрасной Гэюнэ:

— Тебя я есть не стану — невестой сделаю, ты красивая очень. А чтобы ты не упрямилась да была посговорчивей, посмотри на своих сородичей...

Увидела Гэюнэ с высоты, как вместе с тайгой ее родное стойбище горит. А люди в реке от огня спасаются. Совсем запечалилась девушка, да не знает, что и придумать. Горько заплакала она от жалости. Слезы ее в бурные горные потоки превратились и побежали вниз кипящим водяным валом, охватывая огромную тайгу и заливая пожары.

Вернулись люди в стойбище, диву даются — откуда спасение пришло? Откуда эта чистая и прозрачная вода взялась?

Соединилась пришедшая вода с водой реки, стала река еще прозрачней, еще чище и светлей.

В это время возвращались охотники из дальней страны Никан... Глядят они — и глазам не верят: какая прозрачная стала вода в реке! На самом дне все камешки видны. Тайгу не узнают — стала она черная, обгоревшая. Неужто беда их ждет впереди? Заторопились они, погнали быстрей лодки.

И вот видят они за поворотом реки — только половина стойбища осталась, остальное пожаром смело.

Вернулся с охоты и жених Гэюнэ — отважный богатырь Бокто. Узнал он от людей, где его невеста Гэюнэ, и вырвался из его груди крик тяжелой печали. Бросился он к истокам горной реки. Все ближе снежная вершина горы, вот и кедр-великан, а на нем, нахохлившись, как черное облако, дремлет страшная птица Коори. Не дрогнул Бокто, сорвал он лук из-за спины, положил на тетиву лучшую стрелу и пустил ее в грудь Коори. Но стрела, скользнув по железным перьям, вонзилась в ветку, на которой томилась Гэюнэ. Взяла Гэюнэ стрелу и на ощупь узнала метку жениха Бокто. Этой стрелой и прорезала она себе грудь напротив сердца. Хлынула по стволу горячая девичья кровь, закалила она в ней наконечник стрелы и кинула вниз. Упала стрела под ноги Бокто. Поднял он ее и натянул тетиву так, насколько позволял его костяной лук. И вот засвистела стрела и пробила грудь хищному чудовищу. Дико и страшно вскричала птица Коори, от того крика скалы задрожали. С воплем и стонами поднялась Коори с дерева и полетела над обгоревшей тайгой, над прозрачной горной рекой. Огромными каплями падала с ее груди черная ядовитая кровь. Там, где разбивались эти капли,— выжигало все до скал. Коори упала на сопку с распростертыми крыльями. Где упали черные капли крови чудовища и где разбилась хищная птица, ничто не растет. Путешествуя по реке Горин, люди нередко встречают эти места и страшатся их.

Когда скрылась погибающая Коори, Бокто влез на дерево-кедр и нашел там свою Гэюнэ. Она была еще жива. И рассказала Гэюнэ своему суженому, как выплакала все слезы, спасая тайгу и людей, и потом ослепла. А теперь умирает. И она тихо умерла на руках любимого ею охотника. Бокто с горя и печали заснул со своею

любимой на руках и больше не проснулся. Так они и вросли в дерево-кедр и превратились в огромные золотые шишки. К осени эти шишки созрели, и спелые их орешки поднявшийся горный ветер разбросал далеко кругом по сопкам и распадкам — там, где горела тайга. Через год зазеленели те места порослью кедровника. Прошли сотни, тысячи лет. Выросли там огромные кедровые леса. Живут в лесах большие и малые звери, птицы, и люди.

С тех пор эти леса люди из племени нани зовут Боктором — кедровые места значит. А реку называют Гэюн — значит чистая, прозрачная.

КАК СИНИЧКА МАМАЧЕ ПОМОГЛА

Сказка

Жила на краю большого стойбища бабка Мамача. Много было дел у нее: и юколу сушить, и шкуры выделывать, и кроить, и шить. Но больше всего любила она кормить маленьких щенят старой собаки Чаки. Такие они были круглые, пухлые. Кормила она их, а сама радовалась: вот вырастут большими, помогут сыну сохатого догнать, медведя копьем достать, будут мясо из тайги, рыбу с Амура, дрова из лесу возить. Скорей бы выросли да не болели. И всегда при этом она надевала шапку-порогду, а в руке держала палку-тунепу.

Привыкли к ней щенята. Только она появится в таком наряде, они к ней бегут, у ног крутятся, ласкаются, за подол теребят. А Мамаче от этого так приятно, что она садилась и подолгу с ними играла и разговаривала. А сама тихонько примечала: «Щенок Кури на соболя пойдет, Алха нарты будет тянуть, Луки перед медведем хвост не по-

дожмет, Бякта белок будет облаивать да лис гонять».

Но вот как-то утром, когда Мамача кормила щенят, вышла из лесу лиса Солика. Поклонилась низко Мамаче, подошла:

— Какие славные, какие справные щенята, вырастут они, богато будет жить Мамача. Я в гости буду приходить, собакам на след зверей указывать..

Не понравились Мамаче льстивые слова Солики, но промолчала она, ничего не сказала.

Вдруг Мамача вспомнила, что очаг у нее потух, а голова сохатого еще не сварилась.

Видит лиса, что Мамача забеспокоилась:

— Что ты волнуешься, Мамача?

— Надо дров в очаг подбросить.

— Дай мне порогду и тунепу — я покараулю щенят, пока ты дров в очаг подбросишь.

Обрадовалась Мамача, передала шапку и палку и заторопилась в дом.

Надела Солика порогду, взяла палку, оглянулась — никого нет. Давай она бить щенят палкой и потом потихоньку в кусты убежала.

Вышла бабка, глядь-поглядь: ни лисы, ни тунепу, ни порогды нету, а щенки жалобно скулят в конуре. Поняла Мамача, что лиса ее обманула. Горько и обидно стало ей. Села она на пустое корыто и заплакала.

Мимо ворона Гаки пролетала. Села рядом:

— Чего плачешь, Мамача, кто тебя обидел?

— Лиса Солика украла шапку-порогду, палку-тунепу, чтоб ее собаки разорвали!

— Сделай другие,— советует Гаки.

— На другие щенки откликаться не будут, есть перестанут, зачахнут и умрут с голоду.

— Не горюй, Мамача, догоню я лису и заберу твои вещи. Ох уж я ее, воровку, проучу.— С этими словами ворона улетела.

Ждет Мамача ее, не уходит с места. День проходит, а Гаки все нет. Вынесла Мамача еду, стала звать щенят:

— Хэ-рэ-рэ-рэ, собачки: Бякта, Луки, Алха, Кури! Хэ-рэ-рэ-рэ! Вкусный валун! Хэ-рэ-рэ-рэ!

Долго звала Мамача. Не вылазят щенки из конуры. Узнают голос, да вид не тот у бабки. Села она, стала плакать. Летела мимо синичка Чиндэкэ. Села на краю корыта, поклевала крошки и спрашивает:

— Чя-чя! Мамача! Чя-чя! Тебя кто обидел?

Рассказала Мамача синичке свое горе.

— Чя-чя, жди меня, я скоро вернусь,— сказала синичка и улетела.

Летит Чиндэкэ вдоль горной реки. Видит, домик-дека стоит под елкой, окна светятся. Залетела синичка в форточку. Глядит — дом полон лисиц. И каких их здесь только нет: и рыжих, и красных, и черных, и серебристых. Галдят они, каждая себя хвалит. Выхватывают друг у друга бабкины порогду и тунепу, пляшут, хохочут.

— Вот околеют бабкины щенки, не станут они нас гонять по лесу. Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!

Громче всех та самая Солика кричит:

— Это я! Это я все! Не вы, я самая хитрая! Ловко же я Мамачу обманула!

Выхватила она порогду и тунепу, закружилась, строит всякие рожицы, кривляется.

Синичке и смотреть на нее противно. А рыжая показывает, как старая Мамача щенят кормит. Лисы хохочут, катаются по полу. В углу ворона Гаки сидит.

Лисы кричат:

— Пусть покажет ворона, как старая Мамача плакала!

Дали вороне порогду и тунепу. Прыгнула она раз, прыгнула два, а на третий споткнулась, прямо перед синицей на полу растянулась.

А лисы смеются:

— Глупая ты, Гаки, и танцуешь по-глупому.

Заметили тут лисы синицу:

— Вот певунья Чиндэкэ в гости прилетела, пусть она и попляшет.

Синичка не заставила себя уговаривать. Надела наряды бабкины и пошла порхать по избушке: то взлетит, то присядет. Лисы хвалят Чиндэкэ:

— Молодец! Еще раз! А петь можешь?

И запела Чиндэкэ, а сама продолжает плясать. Опустилась на пол, прошла по нему. Подлетела к форточке, сказала:

— Я в форточку вылечу!

И улетела. Только ее и видели.

Страшную тут панику подняли лисы, кричат:

— Украла! Воровка Чиндэкэ! Держите ее!

Выскочили на улицу. Да где там!

Бросились лисы ее догонять. Перед ними три тропинки. Пока спорили они, которая короче и прямее, Чиндэкэ уже передала хозяйке ее вещи.

Очень обрадовалась Мамача. Надела она шапку-порогду, взяла палку-тунепу, стала звать щенят. Узнали собачки знакомые вещи и сразу прибежали к корыту.

С тех пор Чиндэкэ вместе с Мамачей щенят кормит, а после крошки со дна корытца собирает.

Выросли щенята, стали охотничьими собаками. Первым делом всех лис приструнили. А та, рыжая, попалась им в зубы.

У этих собак теперь есть щенята. Чиндэкэ с ними дружит. Не зря говорится: «Маленькое сердце, если оно доброе, может в большом горе помочь».

КУКУШКА С БЕЛЫМ КОЛЬЦОМ НА ШЕЕ

Рассказ-легенда

Мы с бабкой Вэчэ идем из Мухи через березовую рощу. Там только что похоронили старейшего из рода Сорголей — деда Гогду, человека, видавшего виды, прошедшего через всю Отечественную войну. Несколько раз он был ранен, выжил и приехал в родной колхоз. Но вот стали его донимать старые раны, беспокоить днем и ночью. Несколько раз дед лежал в районной больнице, там его совсем залечили, стал себя чувствовать еще хуже и наконец занялся самоисцелением. Обращался за помощью к шаману, за три района ездил к нему, да и то не всегда заставал дома. Но когда заставал, просил полечить, слушал его внимательно, учился шаманству. А потом стал пробовать шаманить сам. Вроде получалось. Старые люди тянулись к нему. Он лечил их, шаманил украдкой по ночам, вселял в больных веру в выздоровление. Люди поправлялись, поверили в целительную силу и тайно ста-

ли приезжать к нему. Чаще всего это были престарелые и безнадежные больные. Шаман никогда и никому не отказывал. Долгом своим считал облегчить страдания человека. Но вот ушел уважаемый и почитаемый дед Гогда из этого суетного мира, ушел последний из настоящих и бескорыстных шаманов. А вместе с ним и многие тайны, секреты камлания. Ушел навсегда, ушел хороший человек, ушел без стонов и жалоб.

Мы шли молча, шли самыми последними. Одни после поминок сразу направились домой, другие остались поминать на Мухе.

Хорошо протоптанная тропинка вела нас среди берез, тут встречались липы, клены и молодые дубки. Солнце стояло очень низко и готово было вот-вот опуститься за черные клубящиеся тучи над вершинами Мяо-Чана.

— Ты не торопишься? — вдруг сказала бабка Вэчэ, вопросительно посмотрев на меня.— Ноги устали? Давай немного отдохнем. А то целый день на ногах. Нелегко человека хоронить.

С тихим стоном бабка опустилась на старое упавшее дерево, лежащее вдоль тропы. Я остановился рядом и молча наблюдал за грозным закатом, который хорошо просматривался в просветах между деревьями: «Скоро будет великий гром, молнии будут терзать небо на части, дождь зальет мир...»

Вдруг совсем рядом среди березок громко закричала кукушка:

— Кэ-ку! кэ-ку! кэ-ку!

Мы с бабкой невольно посмотрели друг на друга и повернули головы в сторону леса.

— Это она,— чуть слышно прошептала старушка.— Пришла-таки, пришла,— еще тише и таинственнее произнесла она, вся встрепенувшись.— Не забыла. Нашла. Теперь плачет. Ой,

как горько ей одной-то, на всем белом свете одна. Бедняжка...

— Кто это — она, бабушка? — в свою очередь прошептал я, охваченный всецело таинственным видом и шепотом старухи.— Ты о ком?

— Девушка это, а не кукушка. Постой, помолчи, не мешай мне слушать, а то вспугнем ее, улетит.— И погрозила мне пальцем. Я осторожно присел рядом с ней.

Долго куковала кукушка, то нежно и печально, то громко и призывно, словно плыла она по березовой роще жалобной песней, тоскливым плачем, горьким причитанием. Незаметно меня охватила непонятная грусть, передалось какое-то беспокойство и глубокое волнение. А кукушка, продолжая оплакивать чью-то судьбу, удалялась все дальше и дальше в глубь рощи, которая переходила там в темный еловый распадок, и наконец совсем затерялась далеко в вечернем лесу.

— Кто эта девушка? Почему она стала кукушкой? Расскажи, бабушка,— шепотом попросил я, все еще находясь во власти волшебства кукушкиной песни.

— Вот, слушай. Знаю я, любишь ты сказки, легенды. Люби их, в них древняя мудрость старых людей. Может, и расскажешь потом другим. Пусть и они узнают.

Сказав так, бабушка глубоко вздохнула, надолго задумалась. А потом будто очнулась.

— Давно это было. Услышала я эту легенду от деда Гогды, которого мы похоронили. Когда-то род Сорголей жил на берегу северной реки Хэнгунь. Жили дружно, помогали в тяжелое время друг другу, делились мясом, рыбой, шкурами. Но вот умер старейшина рода. Остались после смерти три его сына, три родных брата — Лактар, Богдо и Доё. Старейшина перед смертью потребовал от детей клятву, чтобы они никогда не

ссорились, жили дружно, помогали друг другу в беде, делили радости.

Поклялись братья отцу. И вот идет время. Зверя и птицу бьют они. Живут в согласии и дружбе. Вот и счастливы.

Скоро братья поженились на трех сестрах из другого рода. У старшего брата Лактара не было детей. Мало прожили они вместе — жена умерла. У среднего брата Богдо сын родился, а младшему Доё жена подарила дочь. Пришел старший брат к младшему, подержал на руках его девочку, полюбовался и надел ей на шею блестящее серебряное кольцо со словами:

— Это кольцо даст тебе счастье, дочка. Носи его всегда. Все может случиться, вдруг не доживу до твоего замужества, тогда кольцо и будет моим свадебным подарком. Будь здорова, не болей. Расти большой, Айга. Имя я тебе даю такое — Айга...

Быстро бежит время, как и река Хэнгунь на перекатах. Растет и девочка Айга. Вот уже на ножки встает, вот уже бегает, вот уже научилась узоры на халатах расшивать, на оморочке грести по тихой воде в протоке. Выросла. Девушкой стала. Косы черные льются в два ручья по высокой груди, глаза, как ягодки черемухи, блестят под длинными ресницами. Стройные ножки быстро бегают, на белой шее серебряное кольцо яркими искорками посверкивает. Все красиво на ней, и сама раскрасавицей стала. Растет Айга веселой, трудолюбивой, все умеет делать. Приготовит еду — всем стойбищем едят — не нахвалятся, сошьет торбаза — носить жалко, только на продажу. Дорогую цену дают за них купцы.

Приходили женихи — молодые и старые, бедные и богатые, тонкие и толстые. Но всем отказывал Лактар — старший брат отца Айги, который бросил охоту и рано стал шаманом. Не

знала девушка, что старый Лактар потому и отказывал женихам, что решил сделать Айгу своей женой, да случая ждал.

И случай этот подвернулся. Соболевали както в тех краях люди с далекого Амура. Богатая была охота. Всем удача выпала. Был среди приехавших молодой охотник по имени Вагда. Широкий в плечах, высокий ростом, быстрый в движениях. В глазах — огонь полыхает. Пойдет на лыжах — ветры от него отстают. На охоте соболя стрелой в глаз снимает, сохатого на бегу догоняет, в любой мороз на снегу без костра ночует. Сам медведь Мапа — Хозяин тайги — при встрече с ним глаза отводил и низко голову опускал. Редкой он был породы из всего мужского населения далеко во всей округе. Бывает такое, поверь мне, очень редко дарит людям земля наша таких молодцов. Очень редко. Какая девушка устоит против настоящей мужской красоты и удали? Вот и влюбилась Айга в Вагду. Сама пришла к юноше и сказала ему об этом.

Наутро вошли Вагда и Айга в чум к отцу девушки и стали просить благословения.

Позвал охотник братьев своих и объявил о желании юноши-охотника и дочери. Достойнее жениха для Айги и не придумать, и не сыскать во всей Хэнгуньской тайге.

Средний брат дал согласие. А старший долго думал, долго не решался слова сказать, все хмурился Лактар, а потом вдруг вымолвил:

— Пусть родители юноши сами придут просить руки нашей Айги — так положено делать у людей, живущих на Амуре. Это их закон. И пусть следуют этому закону. Я все сказал. И я от своего слова не откажусь. Я среди вас самый старший. И по праву старшего я требую, чтобы так исполнили.

Везти старых своих родителей через хребты

и горы, через марь и тайгу? Это им не по силам. Вагда принял отказ достойно:

— Мать и отец у меня старые. Пройти через хребты не смогут. Но я принесу за Айгу любой выкуп. Назовите — и к первому снегопаду все будет. Если и тогда откажете, я вызову вас, всех трех братьев, на битву и размозжу ваши головы об ствол старой лиственницы. Запомните. Я люблю Айгу. Айга любит меня. Об этом она сказала мне минувшей ночью. Пойдем, Айга.

Им никто не посмел помешать.

Старший брат шаман Лактар разгневался:

— Дерзкий юноша обесчестил Айгу, осквернил наш чум, оскорбил нас угрозами. Надо сейчас же идти к нему в чум и заколоть его копьями, как молодого медведя в его берлоге. Или уже не бежит в наших жилах кровь могучих тунгусов?!

Средний брат Богдо ответил спокойно:

— Юноша с Амура слишком молод, у него в голове вместо ума горячая кровь кипит. Мы все были молоды и все были нетерпеливы и заносчивы. Пусть скажет слово наша дочь Айга: сама ли она пришла к нему или он силой ее взял и обесчестил. Все будет зависеть от ее ответа.

Тогда сказал отец Айги Доё:

— Брат Лактар, ты требуешь, чтобы пролилась кровь. А пролитая человеческая кровь всегда оплачивалась кровью. Так было и так будет. А наш род малочисленный. Ты, пользуясь правом старшего, отказывал всем женихам Айги. Но лучшего мужа для Айги никогда не найти. Во всем прекрасен молодой охотник по имени Вагда. И нам очень было бы кстати сродниться с великим родом амурским. Разве мы об этом раньше не мечтали? Вспомните, братья. Сейчас пришло время. Назовем юноше цену тори* и в

* Тори — выкуп за невесту.

дни первого снегопада справим свадьбу. Не упрямьтесь. Спрячьте подальше свои обиды.

— Наш младший брат Доё из мужчины превратился в слабоумную трусливую женщину! — в бешенстве закричал Лактар.— В чуме, где он живет, оскорбили всех нас, увели его дочь. И только смерть этого наглеца должна успокоить наши сердца. А он ищет с этим амурским щенком родства! Стыдись, мой младший брат Доё! Бери копье, которым ты поражал самого свирепого медведя, и все за мной.— Лактар был непреклонен.

— Нет! Проливать чужую кровь я не стану,— не уступал отец.— Айга — моя дочь, и я волен делать с ней то, что мне велит мой разум и моя честь. Это мое последнее слово,— медленно, но твердо сказал Доё.

Тут два брата, старший и средний, вышли. Но Лактар вернулся и закричал:

— Я проклинаю тебя и твою дочь! Будете умирать, руки не подам! И еще. К концу этого месяца верните мой свадебный подарок, который я надел на шею твоей дочери. Серебряное кольцо! Верните целым, без единой царапины...

Горькую обиду нанес охотнику Доё его старший брат Лактар. Как можно сейчас снять кольцо? С того дня, как Лактар подарил и надел его на шею дочери, прошло семнадцать зим. И кольцо это можно снять только распилив или вместе с головой. О, ужас! Что делать?

Продумал Доё день, продумал ночь, еще день и еще ночь. Наутро явились молодые — счастливые и радостные.

— Прости меня, отец Айги, за мои дерзкие слова,— склонился перед Доё Вагда.— В прошлый раз я был безумен. Но жить мы друг без друга не сможем. Не разлучай нас отказом. Я привезу отца и мать до первых снегопадов по реке Хэнгуни. Она, говорят, соединяет свои светлые воды

с великим желтым Амуром. Так же соединились наши сердца с дочерью твоей — красавицей Айгой. Назови цену тори, и я сейчас же пойду за подарками в далекую страну Никан.

— Не разлучай нас, отец... Не делай нас несчастными,— умоляюще прошептала Айга,— ты всегда был мудр и справедлив, в отличие от моих жестоких дядек.

— Не смей о них так говорить, дочь Айга. Они старше меня, и не нам с тобой судить их поступки. Лучше подумай, как вернуть твоему дяде Лактару кольцо, которое на твоей шее блестит. Он требует его целым, без единой царапины.

— Что ты говоришь, отец? Кольцо я не смогу снять, оно через голову никак не пролезет.

— Тогда придется снять твою голову, но кольцо вернуть. Это закон...

Девушка от этих слов горько заплакала и упала без чувств.

— Я убью жестокого Лактара. И сделаю это сейчас же,— воскликнул Вагда.

— Нет. Этого делать нельзя, охотник. Лучше достань такое же кольцо из серебра. До окончания месяца Гуси ровно семь дней. На восьмое утро с восходом солнца, с первыми его лучами, кольцо должно быть в руках Лактара. Опоздай хоть на миг, и я верну Лактару его подарок. И ты, юноша, винить будешь только себя. Успеешь — дочь моя Айга будет твоей. Цена этого кольца — вот твое тори. Запомни: только семь дней и семь ночей. Кольцо это сделал один мастер, он живет в стране Никан. Имя того мастера Мохэ. Только он поможет тебе. Стоит то кольцо семнадцать черных соболей, похожих один на одного.

Юноша-охотник тут же выскочил из чума, встал на лыжи и помчался вихрем по тайге.

Он очень торопился. Расставил самострелы и

ловушки на соболиных тропах, гонялся за драгоценными зверьками день и ночь. Много он поймал за три дня отменных соболей, какие есть в огромной Хэнгуньской тайге. И набрал-таки семнадцать одинаковых цветом черных соболей и пустился с рассветом четвертого дня в страну Никан. Бежит юноша Вагда, да так быстро, что едва касается лыжами снега, перескакивает с горы на гору быстрее вихря, пробегая по долинам Амура. К вечеру четвертого дня он добрался до страны Никан. Всю ночь носился Вагда от стойбища к стойбищу, расспрашивая про мастера серебряных дел по имени Мохэ. Да никто ему сказать не может, потому как никто и слыхом не слыхал, видом не видывал его. К рассвету пятого дня набрел юноша Вагда на одинокую фанзу около глухой, заброшенной протоки. Постучался. Никто не откликается. Открыл дверь. Вошел. Лежит на нарах старый человек и встать не может, умирает от старости.

Разжег юноша очаг, вскипятил чай, сварил бульон из сохачьей грудинки, которую носил в заплечной котомке. Накормил старика.

— Ты давно живешь на свете, дедушка. Много видел, много слышал, много помнишь. Не знаешь ли ты про мастера серебряных дел по имени Мохэ?

— А зачем он тебе нужен, добрый юноша?

И рассказал Вагда, что и как было, и что совсем мало времени осталось для спасения жизни его любимой девушки Айги.

Тогда и открылся старик:

— Я и есть тот мастер Мохэ, которого ты ищешь. Но я уже стар и немощен. Сила от меня ушла, глаза ничего не видят. Жаль мне твою Айгу. Не смогу исполнить такую просьбу. Время всесильно. Время дало мне жизнь и время отняло ее у меня. И мне осталось жить до сле-

дующего утра, не больше. С этим надо смириться.

— Дедушка, как вернуть тебе силы?

— Силы? Силы совсем не вернешь, а вот на некоторое время можно. Сейчас снег, где найдешь корень жизни Орхода! Этот корень в земле спит. Сейчас земля мерзлая. Корень находят только летом по пятипальчатым листьям, а растет тот корень на склонах Хин-Гана в кедровых распадках. А похож этот корень на человека: и голова есть, две руки есть, две ноги. Другого корня, похожего на него, в тайге нет.

— Я сейчас, дедушка! — крикнул Вагда.

Он выскочил за дверь, надел лыжи, взял копье и вмиг домчался до гор Хин-Гана.

Дыханием отогревал он землю и копал ее копьем — искал корень жизни. Но все было напрасно. В одном месте он увидел ожившего муравья.

— Ты ищешь целебный корень, корень жизни? Перенеси меня к моему домику по соседству со старым тисом. Я покажу тебе, где растет всевластительный корень. А то мне здесь плохо без братьев и сестер. Медведь меня осенью унес от родного обиталища, холодно мне здесь одному.

Вагда сделал все так, как просил муравей, отнес его назад — в свой домик, и муравей указал ему тайное место:

— Вон там, около куста орешины, в земле спит корень. Постучи пальцем по орешине. Разбуди его, он услышит доброго человека и отзовется ему...

Вагда нашел чудодейственный корень и бросился в обратный путь.

Еще очаг в фанзе мастера не потух, а юноша уже тут как тут, смеется:

— А что, дедушка, вот тот самый корень.

— Согрей его своим телом, вымой в теплой воде, мелко нарежь и дай мне.

Юноша все исполнил, что велел старый ма-

стер. Старец съел корень и вдруг почувствовал, как в его жилах закипела, задвигалась кровь. Прошло еще немного времени, глаза его стали видеть ясно и чисто, тело стало легким и гибким, в мускулах рук и ног взбугрилась прежняя сила. Стал он в один миг молодым и сильным. Память его прояснилась. Мастер серебряных дел вспомнил, какое кольцо сковал он семнадцать лет назад. Нагрел он очаг, расплавил серебро и начал ковать из него кольцо. К восходу солнца шестого дня оно было готово.

Подержал в руках мастер то кольцо и бережно передал его юноше:

— Торопись, охотник. Будьте счастливы с Айгой! Живите долго...

Взял юноша кольцо и глазам своим не поверил: оно точь-в-точь походило на то, которое было на шее Айги.

Вытащил Вагда из котомки семнадцать черных соболей и протянул их старику. Но тот лежал на нарах, он был мертв и в награде уже не нуждался, а только на губах его застыла едва уловимая улыбка.

Похоронил Вагда старика, рядом с ним оставил собольи шкурки и пустился быстрее быстрого обратно — на восход летнего солнца, туда, где бежит река Хэнгунь, где ждет его любимая Айга.

А тем временем далеко на Севере, где бушуют снежные ураганы, отсчитывает свои дни красавица Айга. Чернее самой черной ночи мысли у шамана, боится он, как бы не вернулся молодой охотник Вагда и не принес второе кольцо взамен его подарка, которое с шеи уже не снять. Сидит он у себя в чуме и громко бьет в бубен, посылая навстречу юноше своих лучших сэ-

---

* Сэвэн — деревянный идол-божок, воплощенный в реальном образе земного существа: человека, рыбы, зверя, птицы и т. д.

вэнов*. И вот они встретили его между гор Мяо-Чана, когда тот катился с высокой скалы. Бросили в глаза столб снежного вихря и свалили поперек его лыж огромное дерево. Вагда запнулся о него и сломал обе лыжи. Уже был седьмой день на исходе. Последний день месяца Гуси. Завтра на восходе дня с первыми лучами солнца заветное кольцо никому не нужно будет. Ни Айге, ни Вагде, ни отцу Айги.

Но юноша Вагда не зря ведь из рода мэргэнов. Одной стрелой он свалил четырех сохатых, пасшихся за двумя сопками, снял с их ног шкуры-камусы, свалил дерево — горный тополь, выстрогал лыжи, взял у пихты смолы, приклеил камус к лыжам и пустился сквозь тайгу и ночь к своей любимой.

Не ест, не спит Айга. Ждет Вагду, ждет своего любимого, своего избавителя от смерти, от проклятого кольца, которое вдруг стало сдавливать ей шею и мешать дышать. Но терпит Айга. Все ждет. Чувствует ее сердце, что близко где-то ее Вагда. Уже ночь на исходе. Точит нож суровый отец. Уже рассвет первого дня нового месяца пробивается в чум. Все точит нож суровый отец. Вот бесшумно входит шаман. Пристально смотрит на девушку и на ее отца.

— Я только что кончил шаманить,— говорит он.— Жених ее далеко. Мне об этом сообщили мои сэвэны. Он лежит в горах Мяо-Чана с поломанными лыжами. Ты, Доё, мой младший брат, ты должен был послушаться тогда меня. И вот бог Эндур за это карает тебя. Но я пришел сказать тебе не это. Я уже давно живу один, и женщина в моем чуме так же нужна, как и в твоем. Тебе твоя жена еще родит ребенка. Она молода. У тебя две женщины в доме. Отдай мне свою Айгу в жены. И пусть кольцо, мой подарок, остается у нее на шее. Я дарю ей жизнь.

— Нет, Лактар, мой старший брат, я отдам тебе твое кольцо, как только пробьется первый луч солнца. Я свое слово не меняю, как ты. Уйди. И не мешай мне сделать обещанное. Я верну тебе кольцо. И будь ты проклят на этом свете за то, что такое подлое твое сердце. Ты первый нарушил клятву, данную нашему отцу перед его смертью. И поэтому я не могу отдать тебе в жены свою дочь. На тебе проклятье нашего отца. Все. Теперь иди. Скоро пробьется первый луч...

Со словами брани ушел шаман.

— Смотри. Я жду.

Громко заплакала девушка:

— О, бог Эндур, сжалься надо мной, преврати меня в птицу кукушку, и я полечу навстречу другу, помогу ему встать на лыжи...

Услышал бог Эндур эту мольбу, сжалился над девушкой, превратил ее в кукушку, и только белое кольцо так и осталось у нее на шее.

Поклонился охотник Доё красному зареву — восходу Солнца, попросил у него прощения:

— Нет тут моей вины, о великое Солнце!

Повернулся отец Айги, чтобы зайти в чум и вывести дочь к восходу, как поперек его пути встал запыхавшийся юноша Вагда:

— Возьми, отец Айги. Вот кольцо!

Бросились они в чум, хотели обрадовать Айгу, но в чуме ее уже не было. Она улетела искать своего любимого.

Вот с тех пор одиноко кукует кукушка Айга с белым кольцом на шее. Редко-редко кому посчастливится увидеть эту птицу. Она боится людей и прячется от них в глухих распадках.

Обиделся Доё, отец Айги, на старшего брата Лактара, кровно обиделся и ночью ушел по следу охотника Вагды через Мяо-Чан на Амур. А из пихтовой ветки сделал стрелу и воткнул в снег, показав среднему брату Богдо, куда держит путь.

Вслед за ним поднялась вьюга и замела следы, а стрелу ветром повернуло в другую сторону. Утром увидел средний брат стрелу и догадался, куда ушел младший брат, через день он тоже с семьей отправился на Амур в том направлении.

Ночью снова поднялся ветер и еще повернул стрелу. Не захотел Лактар один оставаться в стойбище, посмотрел на стрелу в снегу и собрался тоже в путь. В разных местах они вышли на Амур и стали там жить...

Кончила рассказ бабка Вэчэкэ. И в тот же миг яркой, слепящей дугой вполнеба вспыхнула молния и упала на середину Амура. Следом грянул такой силы гром, как будто небо раскололось пополам, а скала, на которой мы стояли, словно стала переворачиваться набок.

Бабка взмолилась:

— О, хозяин неба Эндур! Не трожь нас, не гневайся! Мы дети твои и зла мы не причиняли никому...

И бабушка быстрыми короткими шажками побежала впереди меня. Я поспешил вслед за ней, стараясь подстроиться под ее семенящие шаги.

В спину резким толчком ударил сильный порыв ветра. Он чуть не свалил нас. И тут же гулкими шлепками стали падать на листья, на наши головы, спины первые тяжелые капли начавшегося ливневого урагана. В паническом ужасе я подумал: «Сама хэнгуньская природа пришла оплакивать старейшего из рода Сорголей». И чудилось мне, как между разрывами мохнатых туч одинокой кукушкой с белым кольцом на шее мечется девушка Айга и зовет своего любимого: «Кэ-ку! Кэ-ку! Кэ-ку!..»

АКА БОАНИ

Повесть

Мэргэн бивури дя биэси

Ми даврука долани тапчанду тэсии, балапчи бэюн нантани оялани, туйтара сагди энечи ичэдими мурчии: «Эй хаду айнганя нёандоани очини?». Сагди эне-тэни голдён дюлиэлэни нучикэн тэнкукэнду тэсими нгонимн трубкэвэ омини, дамахи сангнямбани пучими бини.

— Даи Эне, синду хаду сэ?

— Хайгуй саичиси, иэку? Байби, соромбори.

— Соромбори? Эй хай дяка?

— Соромбори, нэку, сагди гурун сэвэни тавомбоваси. Нёани элэ аболидяма. Чихалайси, ми будембн?

Ми Даи Энечи хайям ичэгухэмби. Нёани-тани улэнгудени, инемуэк минчи ичэдини.

— Эденэ, Даи Эне, эди будэ. Хони си ана биури.

— Даи Эне, уюн биру. Хони ми сии ана биури.

Бугуй мурчиси? Эй, хони будиси? Сии бурпучиэси, симбивэ хэвур долани нэричи, туйтапи на дочиани хумуйчи? Таванки-тани хали-да дидюэсиси, Даи Эне? Хали-да, хали-да?

— Бунидеди эчиэ уй-дэ хамаси мочогора. Мидэ хони мочогодямби. Даи Эне ми нуктэйвэ буличихэни, элкэ дарамалаи пачилахани: Боачи неру, хупиндэгуй, тургэн урэгуи, туй тара амимби хаваливани бэлэчигуи, согдатава вагуи, усэлтэвэ амимби хаваливани бэлэчигуи, согдатава вагуи, усэлтэвэ бэйчигуи, нёани эмучэкэн бусэсинигоани, дёгду-да дёбори хоня эгди.

Мии боачи нерэ, тротуар оялани соли тутулухэмби, мэнэ-тэни туй муручихэмби: Соли тутурэ, хамаси дидюпи, Даи Энечи мэдэсиури: нянга-да урэхэмби-ну, аба-ну?

Буэ дёпу ихон ходидоани бини, хэде дуэдуэни. Ихон-тани тэнг эмун нгоними улицадуэ бини. Ми мангангуди тургэн тутуми, улица ходичиани исира, хамаси кэчэригухэмби. Мэнэ-тэни ангмай долани ундии: «Бэгдие, бэгдие эди мангаласу, бэгдие, бэгдие эди лаиясу».— Туй умбурива Даи Эне тачиочихани.

Хамаси тутуми-тэни холдончии ичэгухэмби: Гаер дама кэндэрхини пэгиэдиэни Бяктади гэрбуку даи инда олокиана агбинкини, туй тара мимбивэ сэкпэнгуи, вачими хамялаи пукчини. Миитэни нгэлэми, хамаси кэчэриэчими, масиди тутулухэмби. Даи Эне тачиочихани хэсэсэлби мурундиэдии хэм хуэдэхэмби. Тутумиэ, тутумиэ, хамаси ичэгуи: инда элэ-элэ бэгдиевэ сэкпэнди, туй тамиа, пэруи хамиадиади чоайк гудэхэни, инда сэкпэндидуэни резинкади дяпачи пэруи элэ унгэликпини. Ми-тэни эмун нгалади пэруи дяпачами, бади мангади тутулухэмби, чаду-тул начи тухэмби. Ичиа ана тургэнди илигора, даврукан дочиани чул игухэмби-цэ эчиэ-дэ отолигоаи.

Ми сонгочихамби насалби тургэнди хаочигора,

эрсичигурэ, чаракун бэгдиди дёа кухнячиани игухэмби.

Даи Эне мимбивэ ичэрэ нгэлэхэни: «Ака, эй хони очиси. Бойко-да ана. Уй симбивэ хасасихани?»

— Ми хамаси тутугуйдуе Гаерна Бяктани мимбивэ эле бэгдие сэкпэнкичини, пэруевэ гудэлихэни. Ми гусэрэйдуи, насалдулаи муэ тэмбуле мэнэ хэехэни. Даи Эне мимбивэ наман-да, нгаладии дэрэгбэе хаохани, туй тара гучи одёхани. Ми дои гал-гал осигохани. Эмуту эчиэ тутуэчихэнмэт очохамби.

— Эденэ, нэку, буру бэгдеси ичэгуе,— туй тара улэнди бэгдие ичэдихэни,— эдэн инда, тэй Бякта. Мурунку инда нучи найва хали-да сэкпэндэси. Хай-да тургун анадоани тэй удэни эди тутуэчиэ. Сикун пэрувэ гудэчихэни. Пэруи ачу, улпигуе.

Даи Эне пэруе писачидоани, нёани дякпадоани тэсими, индадиа чочагоми мутэсиури оркимбани мурчими, ми мэдэсии:

— Даи Эне, тэлунгуду би Мэргэн тутуйни хоня тургэни? Тургэн хангпангуй.

— Тэлунгуду туй ундэсил-кэ: Бэюмбэ тутуми хангпангуй.

Гаерсал Бяктадиани нёани чочами мутэдерэ?

— Аба. Мэргэнсэл индадиади чочачиаси. Бякта Мэргэмбэ ичэми, мэнэ чочагомча.

— Мэргэн Бяктава хангпанди?

— Хангпанди-гоа, туйтара дюэту бэгдиэни дяпара, чоайк гудэлими вадя.

Мэргэн тутулуйдуэни, нёани хаванини пэгиэлэни эмуту хасарсал осини-мат осини.

Ми нгаладии хавании пэйгиэлэни тэмэри-дэ, хасарка абани. Туй тамиа, ми дёмбохамби: Даи Эне, ми боала тутуэчими урэхэмби?»

— Урэхэси биэси-кэ.

— Мангади урэхэмби?

— Отококан урэхэси,— Даи Эне дюэри чумчу-

кэндуи би хойпокан даилавани ичуэнкини.

— Даи Эне, иниэ тиас тутуэчипи-кэ, сиксэгуйдуэни хониа-ка урэури?

— Байби. Иниэ тиас тутуэчивэси. Хумдурэ, энулури.

— Даи Эне,— ми аксахамби — симбивэ отоливаси. Тургэнди тутуэчими урэури. Эгди тутуэчими энувэ баури. Хамача?

— Хайва-да тагуи улэнди муручигуривэ гэлэйни. Гэ, мангбокан кирачиани пагдялау, муэвэ сополанду. Чая пуйсенди, чоломба пуюгуэри.

— Байби, дои чихаласи. Мутэсимби.— Мии оркилахамби.

— Муэлу пэрэгдуэни ото-да гадю. Гучи-дэ тутупи, ото-да гадю.

— А, а! Гучи-гучи; — ми Даи Эневэ хавалими чихаласимби. Эгде хавалими морин-да будини.

— Энэ-е, энэ-е,— Даи Эне тагдахани.— Гиохоту урэйни беси-кэ. Буэ-кэ Мэргэн урэйнем барачихапу.

— Мэргэн-Мэргэн. Чихаласимби. Суэ Мэргэнсу нингманду-рагда бини. Мии агдасимби.

— Эчехи даи урэлдуи, элэ-дэ сагди мапанахаси беси-кэ. Ма, сагди дака, трубкэ, дамахиа омиру. Сии сагди най, мии паталакан. Туй тара муэлукэмбэ дяпара, боачи нехэни.

Мии тэй трубкэвэ нгаладуи дяпачими, таосиэуси морикоачира, ваксачии соок тахамби, дамахи адакавани пуни ваксачии, игэчии час ихэни. Дои оркила очини, дили-тани кэндэлилухэни. «Фу! Адака! Эй хони, сагди гурун омичи дамахива». Ми-кэ дамахива хали-да омясимби. Даи урэхэн-дэ, хали-да нгалачии-да дяпасимби.

Мии трубкэвэ тэнкукэнчи нэрэ, мэнэ муручии: Ми-кэ хали-да дамахива омясимбиэ. Бай най дилини энусигуэни? Ми хай эдэн, мэпи мэнэ оркилагуй? Эй, Даи Эне, хони муручини. Ми сагди дама, нёани-нучи паталакан. Байби. Нёани-мат

сагди мама, ми-кэ нучикэн. Ми-дама тамби, хай? Инемуэ хай-да: ха, ха!

Туй муручидуйвэ Даи Эне даврукáнчи игухэни, муэлу пэрэгдуэни нянга муэвэ гадéхани.

— Даи Эне, хайми ми сагди мапа очимби? Си-мэ сагди. Ми аба.

— Ичэусу тэй мурунку найва. Элэ долин ине оси, дебдуи багуй нянга хавалима аягоани.

— Мии ая хавлигуи корпидяма, даи урэпи. Эси-тэни мимбивэ улэнди бай депувэндусу.

— Эй хони гусэрэндуйси! — Даи Эне тагдахани. Гойдами-да эм мурчиэми, ми сямбаи дяпара, энуктэлуди морколахани.

Ми-тэни мангалара, эмун боаду пуйкунэсилухэмби. Энуктэлэ, энуктэлэ!

Даня ми сямбива намчианди дяпачими, мимбивэ иладéанкичами амдахани.

— Эй сянчи эечи би оркин хэсэ хали-да ирэси осигоани. Эй пэмун-тэни эмэчэ оркимба халида ундэси бигуэни.— Туй тара гой нгаладии элкэ-элкэ пэмундулэе пачилахани.

Ми манга бара, масингудяни сямби тоанкимби, Даи Эне чумчуэндеиэни лоптовами. Туй тара боачи луктус пуйкухэмби. Дои сонгомоак очиндоани, Даи Энечи ункимби: «Ми таондямби, си хаду-да сэвэси. Тотапи си манга бадячи». Туй тара элкэ тутулухэмби. Мангбуканду эгди гурунсэл улбусихэчи. Нёанчи инэктэмэри морайвачи тэнг городяди долдиори. Тэй гурунсэлди тас улбусирэ, дéкчи дидюми, Сагди Дама Ходéрова ичэхэмби. Нéани-тани ярокова писачими, боакиадуи илисихани. Ми нéамбани мэдэсихэмби.

— Сагди Дама, хайми сагди гурунсэл хадуда сэвэни саичаори нучи гурунсэлду соромборини?

— Кэтэ соромбори биэси. Бимиэ, си мэнэ садячима. Сагдангодала бими, най хайва-да хэм сахани, хайва-да хэм ичэдихэни. Хони-да биву-

хэмбэ, хони-да бигуи — хэм муручигуйчи. Улэмбэдэ ангохан, оркимба-да саохан. Туй тара мэнэ сагди очимби оркила муручигуйчи.

— Ми Даи Энедуе сэ эгди?

— Си Даи Энедуэси сэ эгди. Неани эдилэйдуэни ми ото нучикэн бичимби. Туй тами ми сарамби.

— Синду-кучи, Дама, сэси эгди?

— **Ми сэвэи сагуй тайси? Мэнэ сэи сариси?**

— Минду, надан. Боло школачи энэдемби.

— Эси-тэни деан модан мэнэ сэи нэкупи-мэт садячима.

Ми мэнэ ичэи, долаи муручигуи: «Надан оялани надамба нэри, тэй оялани гучи надамба, гучи, гучи... Хоня гогда осима. Насалби-тани тэрэк гогда хасиктава ичэхэни, усин кэрэн дуелэни балдивани. Сайна, тэй хасикта гогдаланиа осим-да кадаси. Ой-е-ей». Тэнг манга демулухэмби, туй тара декчи тутулугухэмби. Исигохандуи ичэхэмби. Деода анакоку, даврукан-да анакоку: «Валяха. Эси хони бивури? Даи Эне сайна Тимкэ сагди энинчиэни нимэрингдэхэни-дэ бидерэ; туй муручирэ, соли тутулухэмби».

Герсал девани исидуи, элкэ бэечими дуэрэхэмби, кэндэрхин пэйгиэлэни би Бякта эчиэ дэ сэнэрэ. Гаерсал девани сими, ляс тутулухэмби.

Тэде-дэ, ми муручихэмби тэнг бини беси-кэ. Даи Энеди, Тимкэ сагди энедиэни дамахива омимари, даврокан долани тэсичи. Эй чиманиа госолоачихамбари ми чунгну онгбохамби, Даи Эневэ хамядиади наманкимби, туй тара-тани сянчиани **симуэчихэмби: «Даи Эне, ми мангади демусии.** Тургэнтэ декчии энугуэри».

Ми симуэчими эчиэ-дэ ходядуя, даврукан дочиани тойнга сэдуэ би Койпока, Тимкэ нэвуни **ирэ, ми пэруе татами ундини: «Ака, бунду ото нучикэн инда пурилни балдихани. Энэгуэри,** ичэгуи. Неанчи хайва-да ичэсичи, бали-мат бичи».

Койпока тоандидоани резинкади дяпачи пэруи кэтэлэ унгэлиэхэни. Ми нгалади нёани нгалавани хангиси пачилахамби. Тагдара госолахамби: «Эну хангиси. Си мэнэ эмуту индакан-мат биси».

— Си-тэни! Мапа бэгдини. Ватэ-ватэ пулсиси. Хр-р-р.— Ундэ, хамаси тутулугухэни.

Ми хамиалани тутулухэн-дэ, эчиэ хангпангуаи.

Койпока-тани нучи бим-дэ, нучикэн-дэ умбувэси. Тэни боачи негуйвэни халачира, гучи хангпангойчами тахамби. Эмуту кэксэ-мэт тургэн деочи тутуми игурэ, уйкэвэ якчихани. Ми уйкэни нянга бангсачира ходихамби.

Нёани-тани павала ичэдими, дэрэгби нёмоканги оповами, мимбивэ дёдялини. Ми дёлокамба дяпара, элкэ пава «чоись» дёлолахамби. Пава таохани кэтэлэ бояхани.

Даи Эне даврукандн нерэ мэдэсини: «Ака, си хайва боячиси? Дёокчи эну. Ми эси энудемби».

— Мии хайва-да боячиасимби.— Тотара Даи Эне нгалавани дяпара, мэнчии тоанкимби.— «Даи Эне, ми демусии».

— Ми-дэ демусии! Гэ энугуэри. Ми Даи Эне нгалавани дюлэси тоами дуэрэхэмби. Нёани ми хамиалая дуэрэхэни. Туй энэмиэ, ичэхэмби даёа нёнгян хоангоан усин гиасалани агбинчивани. Нёани эмуту минчи ундини-мэт бичини; «Ака, мимбиэвэ сягуи, дяпару. Ми улэмби, ми амтамби. Дяпару». Ми-тэни нёамбани дяпагои, чаду каодяричахамби. Даи Эне ми мурумбивэ сара, хангиси тоанкини, тотара уикини: «Байби, Ака, эй гой найнги. Буэ усиндуэпу-дэ хоангоан хурухэн. Байби. Ми-тэни марякучими, бэгдидии сурупучилухэмби, тэгуй, илигуй тами, моралохамби: «Эйе хоангоамба, эй хоангоамба гэлэи».

Даи Эне дякпадуя тэрэ, хоангоанчи мимбивэ ичэдюэми ундини: «Нэку, эди чо ода. Буэ чо найпу-да биэси. Бай-банг дяпайпу, туй тапиа хамаси бугудепу-мэ. Эди-эди чо ода. Улэн долди-

хаси? Чо соромбори дяка, даи соромбори. Сагди амана, сагди эненэ, суэ мэнэ сарису-тэни. Нэкуи нэ хунеси осигоани, ми дяпаи». Туй тара ми нгалайва дяпара, гогда дёо кэнксулани толохапу.

Уйкэ ими ичэхэпу, наондёан эктэ Пене нгаладуи нучикэн ичэм отоливаси, пиктэкэмбэ утуэчими илисихани.

Даи Эне ункини: «Пене, эди тагдара, оркинди эди муручирэ. Усиндедиси нехэн хоангоамба пиктэдуи дяпахамби. Ая, бугудембимэ. Буэ усиндуэпу-дэ хоангоан хурухэн. Бай нэку хунидени эксэчими дяпахамби».

Пене-эктэ дэрэнгни иладими, эмуту бяа-мат сэр-сэр очини, тотара ундини: «Сагди, ая, хай гусэрэйси, оркин-да биэси. Эди-дэ хамаси бугурэ. Адяпсиа, уй тэй хоангоанди баяндини. Би-аба, эмуту. Мэнэ Ака амтасими сягини. Хай тэдекуни». Туй тара тэнкувэ Даи Энеду бухэни: «Сагди, тэру. Бэгдиду-дэ манга. Тэинду».

Даи Эне нянга тэсирэ илигохани: «Гэ, улэнди биусу. Эну-дэ ана, мэдэ-дэ ана. Пэдэм дэрэдигусу».

— Пэдэм энусу, сагди.

Дёокчии дуэрэгуйдуи, ми хоангоамба хэм декпимби, ото пулэвэни-дэ най усини дочиани дёлолахамби.

Даи Эне нгалайва тоанкини: «Ака, хайва ханолиси. Най ичэпи, хаям унди. Туй таваси. Оркин».

Даврукапчи игупи, мии гучи демулухэмби: «Даи Эне мии демусии».

— Ми-дэ демусии манга.

— Хай-да депури бини?

— Хай-да аба. Онгбохаси? Чимай басихамби? Ми-дэ басихамби. Гэ, хони бивури? Муэ-дэ аба, мо-да аба. Хони дебдуи пуювури?

— Даи Эне, ми элэ будэмби. Демуди мангалахамби.

— Туй тами, тургэн пуртувэ таманду, гучи

мангбокан бароани муэвэ нганио. Ми пиалтан чоломбани тургэн пуюдемби.

— Ура-а! Пиалтан! Ми чу улэн депултэи. Ми тургэн пуртувэ гадёра голдёончи дёлолахамби, муэлувэ дяпара, сапси кирачиани тутурэ, муэлуди долиндола сополара, тургэн хамаси тутулугухэмби. Даи Эне элэ-дэ тава иванкини. Ми монгоктова сурэди чапчира, даврукапчи гадёхамби.

Даи Эне чоломба пуюми ходихани. Даи Эне нэктэкэн дэрэкэмбэ улэн хаучира, накан оялани нэхэни. Дэрэкэн оялани пиалтан-чоломбани, чагдян эпэмбэ, молококу кружкэвэ нэхэни. Хэмдэй тиак-тиак осидиани дебдэ, ми бэюн нантани оялани ондикан аоликачихамби. Дои-тани аомоак очини, туй тами элэ-дэ онгасалохамби. Онгасайдуи муручихэмби: «Мэргэн огои, ои-да биэси».

Толкинду Мэргэмбэ ичэхэмби. Нёани тутуйвэни ми-тэни хангпачими, мангади галясимби. Ичэй-кэ, нгалани пэйгиэлэни нгоними хасар агбинкини. Хасарни оячиани пуйкухэмби, тотара тэхэмби. Туй тара дюэтудиэри гэсэ дэгдэхэпу. Мангбу-да, дуэнтэ-дэ, ихон-да уелэни улэнгуди дэгдэйпу. Дои дяримба яини. Туй тамиа, ми-дэ мэргэн-мэт дюэту нгалаи таоси-эуси гулдэхэмби. Туй тара эмуту кукурузникэ-самолёта-мат очипу.

Хони тамиа, тэй самолёта-тани моторку очини. Моторни-тани тэнг манга адяпсиди дёболохани.

Ми оломи, тургэн сэнэхэмби. Самолёта абани. Мэргэн-дэ абани, мотор-тани боа, на дэркэндидиэни ингурини. Ми нгэлэрэ, боачи тутуми нехэмби. Тэй глиссэр бичини. Нёани-тани эмуту амбанкачи чаам-пакал ингурими, буэ тоилапу сихэни.

Даи Эне врачини (окчичи найни)

Эм модан ми ини тяс улбусими гэкчихэмби, тотара тургэн дёокчи тутуми дидюхэмби. Даи Эне

дёогду аба бичини, уйкэ ёсоди якчичакуни, даврокан уйкэни бай моканди тудючикуни. Ми давроканчи ирэ, полчигуи, голдён пунектэни долани суйлимиэ, тавакамба хаоля бахамби. Тэй таваканчи ляс пучи-дэ, тэде-дэ анани. Туй-дэ гукпини. Валяха. Эси хони бивури? Спичка хайду бини? Ми нанта пэйгиэлэни Даи Эне дэктукэмбэни тургэнди бара, спичкава дяпахамби. Голдён дюлиэлэни тэрэ, спичкади эгди модан чиркэхэндэ, нёани хони-да дегдэсини. Ми нгалаи, бэеи кэтэ мангади сиргундидуэни спичкэкэн мокани кингдэ-кингдэ боянасини. Туй тамиа талова дюкэн дегдэлуэнкимби. Нёани оячиани таримсава тургэнди нэктэхэмби, тэй оячиани-тани монгокто мовани нэхэмби. Тэй, гэ, улэнди дегдэлухэндоани ми дои агдахани. Эси-кэ ми полонгодямби, уйкэ холдондоани ловохан ама фуфайкавани мэнэ оячии тэтурэ, ми Даи Эне тэнкукэндуэни тэрэ, хэмэ очимби. Насалби мэнэ кап очини. Голдёндиади тава полони ми дочии ирини. Хэйкучимиэ паланчи элэ туридуи, сэнэгуй таи. Туй тамиа ядара, накан оячиани тора, эм боаду дикэнкимби. Туй тамиа ичэи-тэни. Голдён тавани бади-бади дегдэми, мимбиэвэ пэкусилуэндини. Минчи дидя-дидя дуэрирухэни. Ангмаку, хуктэку Пута-пута сэрбэр бини, туй тами нёани эмуту сиун-мэт очини. Пэкэни мангани, ми элэ хуруэмби. Тэй нгэлэпсингу сиун элэ мимбиэвэ сэкпэндини. Эрдэнгэ дяка хайлая сэкпэндини? Бэгдилэй? Дилилай? Токонду? Хэмдэлэй? Хэмдэлэй сэкпэнкини, чаду энусиэсини. Туй мурчидуе, сиун ангмаи масиди тойгара, бади ланг очини. Ми мангади нгэлэрэ моралохамби: «Даи Эне». Туй морапсиндидуй сэнэхэмби. Эне минчи ичэдивэни ичэхэмби. Эне насалдоани муэ хэехэни. Эне сонгойни? Хайми сонгойни?

Павала-тани сэгден сиун энечи гарпачини. Ми муручии тэй амбан эневэ элэ сэкпэндини. Эне

дэрэгни-дэ сэрбэр очини. Ми тэнг мангади нгэлэхэмби, тотара энечи морайи: «Эне, хангиси эну, сиун симбивэ элэ сэкпэндини! Дегдэйси. Эну! Эну!» Морай-да, хэсэй билгадиади нерэсини. Туй тамиа дои чонгдо дочиани тулухэн-мэт очини. Хайва-да сараси очимби. Даи гармакта нгалайва сэкпэнкиндуэни ми мэпи сагохамби. Насалби нихэлихэмби. Ми дюлиэлэи лоча эктэни тэсини, буэ ихондоапу би врачи тётя Ира. Нёани чагдян халатакуни. Ми нгалайва дяпачими, китанди хурмэлэйни. Эне-тэни нёани дякпадоани илисини, минчи улэнгуди ичэдини. Нёанчиани сиун павала гарпасини бини дои хэ-э очини.

Врач нгалаи пэйгиэлэни бии градусникава тоанда ичэгухэни, тотара дилии халоа-халоа талохани: «Ака, хайгуй туй эгдиди муэду улбусиси. Ичэгу, тэй энувэ бахаси беси-кэ. Энимби, Даи Энимби гучи амимби мангади нгэлэвэнкиси. Мидэ нгэлэхэмби-гоани. Эсилэ ая. Улэнди аяочогодясима. Аяочигохан-да, муэ бароанила эди энэрэ. Улбусиуривэ эди мурчирэ. Эси-тэни мангади аори, эгди депурбэ депчивэси молокова эгдиди омиваси гэлэйни. Отолихаси? Эси-тэни эй октова муэди омиваси гэлэйни. Сиксэ, чимай-да октова омиорива эди онгбора. Долдихаси?

Туй ундэ доктор эктэни, тётя Ира энеди гэсэ боачи нехэни.

Ама пава дякпадоани тэсихэндии илира, минчи дичини. Нянга инэмусими, минчи ундини: «Ака, эди-дэ нгэлэрэ. Эну дякани хоня маси найва-да, баторсалба-да наканчи тугбуйни. Туй тахан-да, мурунди манга гурунсэл тургэн ая очогойчи. Си-дэ элэ тэгудечимэ. Гаерсал Бяктадяни хангпачимари тутуэчидечи. «Ама, эй ми Даи Энимби хайду бини? Хайми ми нёамбани ичэсимби? Туй ми мэдэсии долани Даи Эне элкэ ихэни. Минчи улэнгуди насалдии ичэдирэ, пэевэи нгаладии дяпачира, тирэпту пэйгиэлэни нучикэн сэ-

вэкэмбэ тоанкина, туй тара, хайва-ну симуэчирэ, кровати дарамалани чава уюхэни. Туй тара Даи Эне сэнкурэвэ дегдирэ, хайва-ну ундэ, дуин дёкон таончиани пулсиктэхэни. Ми отолихамби, хайгуи Даи Эне туй тайвани. Сайна, Даи Эне амбансалба сенкурэ сангняндиани оркин гурунсэлбэ хайду-дэ хэм сирикачивачи боачи невучини.

Ми ичэдими ядахамби, туй тами насалби дасихамби. Сингмуи, ангмаи долани эмуту ноакаамат очини. Дои тэнг манга холгомосихани.

—Даи Эне,— элкэ ми хэрсихэмби,— холгомосии.

— Нэку, хайва си ункиси? — Даи Эне долдячини.

— Эденэ, нэку. Хэмэ бису.— Даи Эне пункулэрэ нехэни.

Даи Эне эси-дэ гучи игухэни, хамачади-ну пуювухэн муэвэ минду кружкава бухэни. Ми пэргэхэмби, манга гочисими-боёрсини. Хамаси бугугай тахамби. Даи Эне мэнэ нгаладии хэм омиванкини. Омидии гэсэ, сингмуи уюн осигохани, долани долани нгэмсиэк очини, насалби нгэмсиэк очини, бэгдии полта пэйгиэлэни мэнэ пулсиктэлухэни. Ми эмуту энуэ ана очимби. Та барачилохамби: «Даи Эне, си манга эрдэнкуси. Улэн эрдэлэйси. Лоча нингмандиани дичиси. Минду улэн!»

Даи Эне диливаи улэнди буличирэ ункини: «Акиану, нэку, улэнди аори! Аянагупи-мат боала хупиндэдиэчимэ». Ми дои дярини «Даи Эневэ банилахамби. Си эмуту нингмандиади дичиси».

Даи Эне отолигоачини: «Нингмамба гэлиси? Байби. Дёа уй-дэ нингмамба нингмандаси».

— Гучи хайми, Даи Эне?

— Туэвэ хэрсидечи. Дудуэсэвэ, капустава хоангоамба боячи, кингдасуй.

— Хэм, хэм-дэ? Ненгне боно тухэмбэни сапи, уй-дэ нингмандасини, хай?

— Уй сахани. Уй-дэ гусэрэхэни-дэ саваси. Хавалива албай гурунсэл оино.

— Ми сарии, Даи Эне. Эй негнениэ Чагдян Дама гусэрэхэни бидерэ. Нёани нучи гурунсэлбэ эмун боачи опоанда нингманкини бидерэ.

Хайгуи сагди Дамава эрулиси. Нёани Мангбу, дуэнтэ гиамбани улэн сарини. Туй тами халида негне, дёа нингмамба гусэрэси.

— Сарини?

— Сарини-гоа. Чагдян Дама туэгучиэни-мэт нгонимн долбоа холими нингманди, тэлунгувэ гусэрэйни.

— Долбониа холими? А, халиа аорини?

— Туэгучиэни аогой-да, нингмангой-да бавури, долбони нгонимн.— Туй ундэ, Даи Эне нехэни.

Ми эмучэкэн девриду очогохамби. Дёконду гуйсэ оялани кэксэвэ ичэхэмби, сингэрэвэ бэичивэни. Тэй кэксэ-тэни хуйгудии таоси-эуси эрдэриэчини, эмуту часы сингмуни-мэт пулсюэктуэндини.

Ми халиа кэксэ сингэрэвэ варивани халачимиа, халачимиа ядахамби. Туй-дэ онгасахамби. Сиксэгучиэни-мэт ми сэнэгухэмби. Сиун гарпайнидоани падиранду сиумэ токсакандёансални пуйкунэсичи. Ми-кэ муручии: токсакандёан мимбивэ гэсэ хупигуэри хэрсичи.. Эмуту туй ундичи-мэт тайчи: Хангпанду, хангпанду. Мимбивэ дяпадячи. Ми дои инэмуэк очини.

Уйкэлэ ама ихэни. Минчи ичэдыми ундини: «Ака сэнэкэси? Улэни-гуэ. Эсимэ улэнгудиэни улбусидечи. Туй тара даё ваннава ивухэни. Ваннадиади сугби гаам агбиндини. Тэй чава ичерэ, дои оркила очини. «Эй хайва эрдэлухэчи? Сайна мимбиэвэ силкогуи муручичи бидерэ».

Тулиэду энеди Даи Энеди хисангойчи. Эне ункини: «Эне, Акава улбусивэмбувэси, байби. Ирина Петровна папулайни. Нэку ая очогочани-мат силкори».

— Си хайва морайси. Си онгбохаси-ну, нучи-

дуэси эй ванна долани симбивэ силкохамби. Ая беси-кэ. Эсидэлэ уюнди, аяди пулсесис-ка.

Даи Эне уйкэлэ ирини гэсэ эне минчи ундини: «Эсимэ улэнди улбусидемэ. Туй тара пэрэлэ омихава омичи. Туй тара ми пэруе тургэнди ачора, ванна дочиани тэвэнкини. Муэ тэнг манга пэкэсини бичини. Ми олопсиами морапсинкимби, тотара сянтучилохамби. Даи Эне нгаладиадиани ачоагойчахамби. Нёани-тани мимбиэвэ масиди дяпачихани: «Иладими отолясиси, Ака, морайси эмуту эктэ пиктэкэн-мэт.

— Ака, хоня морахан-да, симбевэ эуси тэвэнкин осини ая бичин.

— Байбини? Энэ-нэ, гуделэвэ, эмуту сэтуй эктэкэн-мэт биси. Ми-гучи барачихамби, Мэргэн наондёкани балдиниам-да. Энэ-нэ, энэ-нэ. Гэ, эну хангиси,— Даи Эне мимбивэ чиндахани. Эну-эну. Хайми мариахаси?

Эси-дэ мариахамби, тотара хэмэ дикэнкимби.

Даи Эне ванна пэрэгдуэни би хасикта суктудиэни дарамаива, тунгэмбивэ улэнди сиктэди силколохани. Бэеи сэр-сэр, пота-пота очини. Дои амаиалухани. Даи Эне мимбивэ тургэн тоангора, ёхама полтади пул-пул оповоанда накан оялани акпамбованкини. Ми хавчук акпанкимби.

Долбо ми сэнэгухэмби. Дои сяурба гэлэйни. Ми Даи Эневэ хэрсирэ ункимби. Эне-тэни мимбивэ дудуэсэ лалавани, молокова, лапшава нучикэн дэрэкэнду сявоанкини. Улэн дебдэ, ми гучи акпангохамби.

Чимай эрдэ мимбивэ сиун насалчия гарпами, эмуту унди-мэт сэрухэни: «Ака, сэнэу. Боачи хупиндэру». Ми паланчи пуйкурэ, уйкэ луктус нехэмби. Эрдэнгэ, Даи Эне хайду бини? Хайду? Даи Эне! — Ми морапсинкимби.

Даи Эне усиндиэди инэктэмиэ дуэрэгуйни, нгаладо хонгсава дяпачини, хонгса долани хоангоан, помидор сукчум бини.

Согдата аняни

Ми согдатава бонгнанди ваворива тэнг улэсии. Хай-да тэдеку ана тойкойни пунгэ, гучи гойгой нучи дякасал, нёамбачи най дептэси, кэксэрэгдэ депчини. Эй нучи согдатасал даила би согдата чапавани коталайни.

Туй тайчи оркини.

Ама-тани минду даи умэкэмбэ ангохани гэрбуни — бонгна. Тодяма бонгнаку, иланди умэкэнку. Тэнг улэни, намчиани.

Ми долбониа тиас толкинду согдатава умэкэчими вахамби. Эмун боачи дёлочихамби. Чаду эгди очини.

Чимана сэнэхэндуи, насалби хосикталами Тимка бароани тутулухэмби. Тотара мэнэ бонгна умэкэнгуивэ ама, ангосихамбани, нёанчиани гусэрэхэмби. Тимка ангмай о-о тойгара досидяйни. Туй тара буэ, дюрэ най, гэсэ бунчи тутулухэпу.

Дёогду кровати пэйгиэлэни би бонгна умэкэмбэ тоанда, Тимкаду ичэгуэни бухэмби. Тимкатани нгаладои дяпачира ундини. «Манга улэни. Энегуэри, сахарин пэнтэвэ гэлэндэгуэри».

Усин хамиалани, дуэнтэдиэди калтадиала балапчи мосал дачандоани сунгпун пэйгиэлэни сахарин пэнтэвэ буэ гаотоди хулэхэпу. Дюлуйдиэ ми хулэхэмби. Дюэр даи сахарин пэнтэвэ бахамби. Ядара, диачи ункимби: «Ма, анда, си эси хулэру. Ми тэингуивэ. Дяи-тани гаотова дяпара ундини: «Гой боачи энэгуэри, эйду пулэ абани». Нёани таоси энэрэ, гаотова минду хамаси бугуйни. «Си хони талохаси. Эчиэ хулэлуэдулэй элэдэ ядахаси?» — Ми мэдэсии.

— Дои чихаласини. Бай мимбивэ гармакта сэкпэчини.

— Бай буйгуси-маня. Кусун-дэ ана. Албакту. Си хали-да Мэргэн одасиси, албакту най Мэргэн одаси. Туй Даи Эне ундини.

— Чу манга, си сагди эниси сарини. Сагуйчи осини сару.

Си Мэргэнгуси нингмандо-рагда бини.

— Аба. Си-мэт сарасиси. Мирэ Чемпионсални хэм мэргэнсэл. Сахаси? Минди эди-дэ пулэ гусэрэндурэ. Даи Эневэ эди туй ундэ. Нёандоани манга эгди сэ. Нёани муруни эгди, хайва-да хэм сарини.

— Сарини? Мэнэ сагини, минду хай далдикуни. Си умэкэнси — мэнэ хулэру.

Ми гаотова дяпара, мэнэ хулэхэмби. Гучи дёамба пэнтэвэ бахамби.

Мангбокан сапси киравани пулсиктэми, буэ сонгта кирава бахапу. Бонгнамби улэнди гурилирэ, пэнтэвэ умэкэнду бэихэмби. Тотара дилии уелэни кэндэлими, хархими, умэкэн тодявани дёлолахамби. Дёлолайдуй хони тамиа, ми фуражкама апумби дилидядии гонгорач ачоахани. Тотара пичуэми, талгала муэчи тухэни. Турэ апумби муэ долани элкэ чагбиндини.

Ми тургэнди хамаси бонгнамби тоангохамби. Кепкаи-тани ую-мэт сурупулэхэни, уйси муэ оячиани агбингой, пэйси муэ дочиани игуй талохани. Эмуту даи согдата-мат. Тимка-тани хэмдэи наманда, минди ляс инэктэлухэни: «Эне-э, эне-э, будемби. Ичэусу, тэй Ака хамача согдатава вахани. Лаха беси-кэ. Найсал ичэусу-ха-ха-ха! Инэмуэ, инэмуэ». Тимка-тани хэмэ очогоми, гучи лясь инэктэлугуйни.

Ми-тэни иладими, элэ-элэ сонголокаи. Дои эмуту муэ пуйсини-мэт Тимка бароани тагдахамби. Бонгнаи тоанкиндуи кепкава дяпахамби. Умутэни кепка козырекадолани лясь ирэ дяпачини. Дюкэн-дюкэн умува хамаси тоангора, кепкава хангиси дёлолахамби. Тэде даи сахарин хэрэ-мэт ляптас начи тундэхэни.

Улэн бэгдии пэйгиэлэни ичэдирэ, гучи бонгнаи дилии уелэни нгаладии хэрэливэми лясь дёло-

лахамби. Дёлолайдуй бонгнаи тодяни нгалайва пачилахани, тотара хангиси дэгдэлухэни. Тимка илисивани хэмдэлэни туэк намбохани. Тимка-тани хэмдэлэй дюэр нгаладии дяпара, дюлэси хумэси осигохани. Ми-тэни чу мангангудии нгэлэхэмби, мэнэ муручии: «Элэ, дяи вахамби. Валяха. Эси хони бивури».

Тимка-тани ангмай та тойгара, лакпахан-мат городи турачихани. Бипиэ-мэт морапсинкини: «Ана-на-на-а-а-а! Тотара, эмуту киноду най будивэни ичэвэндини-мэт, элкэ пэкчэйгэн тундэхэни».

Ми тэнг мангади нгэлэхэмби. Тутуми Тимка-чи дидэ, дарамалани булихэмби: «Анда, хэмдэлэси намбохани? Си мэнэ сариси-тани, ми эндэхэмби. Симбивэ намбогой эчиэ муручеи. Гэ, илигу. Бала-бала. Эденэ, эди морара. Хэмэ очогору. Чихалайси? Гэ, мимбивэ сянтулау.

Тимка-тани эмуту ми туй ундиевэ халачиханимат осигохани. Хэмэ ода, элкэ илигохани, тотара ми тунгэндулэй дяпара, дилидии ми хуктэлэи калгандалахани. Ми десь ода, начи тухэмби. Ми манга тагдахамби: «Си туй калгандалахаси? Эденэ, буйгу. Мангаладячи. Ми тагдара, эси мэнэ мэпи пачилагоани гэлэхэмби онгбохамби. Кичатак илигохандуи ичэхэмби: Дяи балана дёокчии тутугуйвэни. Ми тутугуйни бароани сянтуи ичэвэнкимби: «Эденэ, саку пиктэни, мангава бадячи».

Пэмуи нянга калтахани, нянга хаолохани. Начи топинда, ми гучи бонгнаи таосангулухамби. Улэнди илигора, ми гучи бонгнаи мяхамби. Эси-мэт бонгнаи сумулни мангбокамба чалими, тэнг улэнгудиэни тонгдоди тухэни. Дои тэнг барачихани. Туй тара пэмумби тэмэрими, дёокчи элкэди дуэрэхэмби.

Даврукандуи Даи Эне сиаворива пуюхэни. Митэни хэмэ наканду акпанда, сикун дангсава «Веселые картинки» яросихамби. Туй тамиа, элэгдэ онгасахамби.

Сэнэгухэмби, даврукандy наи эгдини. Эне, ама, Даи Эне инэктэми гусэрэндуйчи. Ми гойдами аохамби бескэ. Боала тугдэйни, тотами эне, ама колхоза усиндиэни, покосадиади ине долиндолани дидюхэчи. Даи Эне голдёмба мангади ивачини. Чакпахан тэтуэсэлбэ холгичиорини.

Эне ундини: Эгдивэ тугдэмдэ ая, дюэлтэ, илалта. На пэнг-пэнг очини, чэвэ сонгтадианиа хасухасу холгохани. Хай дудуэсэни балдини, эмэчэ наду.

— Тэде-дэ,— ама ункини,— Найсал нянга гэрэ осигоачи, пэку элэ вари. Ми сэнэхэмбиэ ичэрэ, барачими ундини: «А-а, ботамди сэнэхэни? Гэ-э, хайду бини, согдатангоси. Талагоари. Хайду дяичиси?»

Эне дякпадуя тэрэ, мимбивэ наманкини. «Ака амини, си хони ундиси? Хай, ботамди най эй? Иладими-да иладясиси. Мэнэ вами мутэси, нучи пиктэчи гэлей. Эй хони муручими туй ундиси?»

— Дои пакчи-пакчи бини, ангмай долани дёорси-тэй макаронди, бодади ини-ини сяорива пуючиури. Хай эргэни мутэйни. Дёагохандианиа тала умбуредэ саваси, улу умбуривэдэ амталаваси. Эй, хай гяни очини?

— Байби, сагди. Байби. Эй хаду айнганя кумдувэ, адимба папулайчи. Гучи-дэ хорин айнганидуэ папулайчи. Мангбо долани согдата-да аба очини. Эй дюлиэлэни хэвэкэнсэл долани кэчи, хангу хоня тойкуй бичини. Эси-тэни хамача-да абани.

— Хонтами гой найсал кумдува талачини?

— Тюрьмава нгэлэси гурунсэл яруйчи. Гучирыбинспекторди улэн би гурунсэл-дэ оину. Тэй гурунсэл нэ долбо-ини Мангбова котохомари бичи.— Нянга муручирэ ундини,— Чиха, сагди. Эй долбониа ярунигдадиамби. Буди-буди-дэ, хорай-хорай-да уй далдикуни.

— Ака амини, си хони туй муручиси. Эрун

ярококан очогохамбани инспекторду чунгну бугуй тайси-ну? Туй-кэ чава эди-дэ муручирэ. Бологочиани хайди давава вагуи тайси?

— Эйне-ну, чимана-ну ярокова инспекторду бувури, эмуту беси, ну?

— Байби. Хандами, буди-дэ бувэси. Инспектор аракива улэси ундэсил-кэ.

— Улэсини-дэ ми хайла бавори. Хотон бароани аракива ганиндасоми-да баваси. Очереди нгоними. Поани сэтуй найсалба типи-типи дигдамари варичи. Чиха. Хэмэ би-дэ ая. Тукуру бини осини, инспектор ана-да омивори.

Дава энэйдуэни нормагуи гадяпума. Гучи окова умуди умэкэчимэри Акади дюэнай вадяпума. Элэ-гуэ. Туй-мэ, Ака?

— Туй-мэ, ама! — Ми дахалахамби.

— Мурунку найсалба ичэусу тэй.

— Эди мора, Ака, энини. На, боа хусэ найва балдиванкини, нёанчи согдатава, усэлтэвэ вагоачи, бумбивэ, сэтуй гурунсэлбэ депувэнгуэчи.

— Тэечи би, Сагди! — Ама Даи Эне хисангойвачи дахалайни.

Ми туй тамиа бонгнамби ярсигорива дёнгогохамби. Бонгнангой-тани, хони-да ичэи, нянга хангисима очогохани. Ми дёокчи энуйдуе, нёани мангбокамба яп бичини, эси-тэни хэем ёргопчи бини, эмуту уй-дэ ярсира, бай туй нангалагохани-мат бичини. «Сайна Тимкэ эрдэкэчихэни бидерэ. Эденэ, буйгу, манга бадячи».

Ми бонгнаи сирэхэвэни хапсами, сапси киравани хэйи дуэрэхэмби. Туй тамиа-тани сирэхэ нгалаива ляс тоанкини. Ми олохамби. Мэнчии тоалохамби, сирэхэ-тэни чумчуэн андандолани лур энуйни. Туй тайдуя муэдиэди даи кэчи агбиндини, хамаси муэчи игуйдуи, сэгден пачидии ляс пачилахани.

«Кэчи! — Дои барачилохани. Сирэхэвэ нгалачии харпилара, дуйси тутулухэмби. Хамялая кэ-

чи муэлэ пачидии дуктэми, мимбивэ онди татайни. Ми мангади тутулухэмби. Кэчи эси на оялани пуйкунэсилухэни, ачоагохани. Ми дюлэси кэптуйгэн тухэмби. Кичитак илигоми, согдатачи хукчухэмби, кэчи оялани тэрэ, дигдахамби. Кэчи-тэни пачиди мимбивэ хуэл дёлолахани. Ми гучи-дэ нёани оячиани мокчахамби. Кэчи пачиди, дилидии мимбивэ уйси нангачини. Хаоля ундэхэн пасивани бара, деедиэни кэчи дилилани пачилахамби. Нёани дунгум очини. Ангмай очоам тара, минчи хаям ичэдини. Гэ, ми муручии: «Сайна, элэ ундини бидерэ». Туй тара кэчивэ кэпендулэни дяпара, дуйси ирочихамби. Тунгдэ суэктэни кингдалира, кэпе алдандолани гидалара, ми дёокчии ирочими, дуэрэгухэмби. Даврукан бароани дюкэн-дюкэн ирочигохамби.

— Хайва гадюхаси, Ака? Кэчивэ беси-кэ,— ама агдахани.

— Ичэусу, Ака хай-да дайлани кэчивэ вахамбани!

— Эне ункини.— Эне-нэ, Ака,— амимбива наманкини.

— Эденэ, соро долани нэгуе. Хаоля соро-да даогои бахани. Кэсе, кэсе, Дидю эуси, нэку, одёгоя.— Туй ундэ, Даи Эне мимбивэ одёктахани.

Ми дои тэнг барачини. Эне, ама, Даи Эне кэчивэ гойдами ичэдихэчи, туй тара Даи Эне ункини: «Кэчи анямбани ангодямби».

«Си, Ака амини, падимтава гэрбэнду, си Ака энини нимэкэнду би данява, чагдян дамава гэлэндэу, талава, улувэ демдэгуэчи».

— Даи Эне, ми хайва таори?

— Си, ядахаси беси? Нака оялани аолякачида, ая-гоани.

— Аба, ми эчиэ ядаи.

— Ядачи осини, дякпадоя тэру, улэн ичэдиру, хони-да кэчи талавани улэнгудиэни ангорива. Бай-да беси, улэн талава ангори. Балана Мэргэн-

сэл талава тургэн ангой бичичи. Туй тами буэ экэсэл талава оркин кэрчиухэни осини деми-дэ дебдэми боачи дёлара ходи бичичи. Нёамбачи дегднеди пунгнэгуй бичичи.

— Хони? Бортай пунгнэй гуйчи?

— Бортай-гоа. Бакику экэсэлбэ дяпагоаси.

Даи Эне кэчивэ соро оялани таоси- эуси ичэдирэ ункини: «Улэн талава ангодямби. Буйгу кэчи. Тотара хорго долани сарби кучэмбэ дяпара, кэчи хэсиктэвэни хэсисилухэни. Хэсиктэ-тэни даини, эмуту чириктэмэ тойнга копейка-мат бини. Хэсиктэвэ ачоми ходипи, Даи Эне энюэо деринду-лэни кучемби пивэхэни. Пивэрэ кэчи эе, тая холдомбани улэнди нэлихэни.

Туй тара Даи Эне бэдурбэ дяпара, бэдур пэгиэлэни даи чамява нэхэни. Кучэни тургэнди, ширк-ширк, тэнг-тэнг нэмдэди часолохани. Ми ичэдими, демулухэмби. Даи Эне минду пэргэгуе нянга бухэни. Ангмаи долани хавв очини. Тала хэмдэчии мэнэ ихэни. Амта-амта. Насалби чимчак мэнэ очини.

— Ака, элэ? Гэ, боачи хупиндэгу.

Ми боачи нерэ, бонгнаи пэнтэди эчиэ-дэ бэеи дёнгогохамби. Тургэнди тутуми энэрэ, умувэ пэнтэди бэерэ, бонгнаи тодявани дилии уелэни кэндэлими, мангбуканчи улэнди дёлолахамби.

Ми уелэи Сунгсу — согдатамди пивуэми хэрэлини, хасарди эм боаду хаптатарини. Нёанчиани улэн ичэдирэ, ляс морапсинкимби: «Ми кэчивэ вахамби! Вахамби. Су, си-дэ мэнэ согдатава вару, Сунгсу!»

Дёогду ама мимбивэ халачихани. «Ака, си хайду бичиси. Гэ, дёкчи игу». Туй тара мимбивэ уйси эурирэ, дарамачии нэхэни. Ми-тэни барачими инэктэлухэмби, мангади ама диливани наманкимби.

Койпова, Сагди Эниндии дидивэчи ичэрэ, уйкэ дюлиэлэни начи пуйкугухэмби. Ама нимэнду би

даняди гэсэ дёокчи ихэчи. Буйгу Койпо минчи ичэдими мэдэсини:

«Ака, талава вахаси?» Ми нёамбани дёнгохамби мимбивэ инэктэхэмбэни.

— Си, хайла сахаси?

— Си эниси ункини. Хайду бини тала?

— Ункини? Хамарихаси. Буэ хэм декпипу.

— Минду хай далдику. Си най папулайни дякава вариси. Туй тара сингмуи минчи ичэвэндэ, уйкэлэ игуи тахани. Ми нуктэни хамядиадиани мангади тоанкимби. Койпо эмун боаду дунгум илихани. Ленточкани ми нгаладоя дэрэдигухэни. Эктэкэн-тэни элэ сонгоми уйкэлэ ихэни. Ми нянга халачира, хамиалани ихэмби.

Дэрэ кэндэли найсал тэсихэчи. Ходёро дама, нимэнду би Ине, Койпо, гучи ама, эне, Даи Эне бичичи. Мимбивэ ама, дама алдандоани тэвэнкичи. Дэрэ токондоани даи чамиду чокчом нэвухэн тала бини.

Даи Эне нингманди-мат ундини: «Эйне буэ дёокчиапу ботамди наи бортай дичини. Даи кэчивэ вахани. Буэ-тэни баланадиа кэчи хони-да би амтамбани онгбохапу, гэрэн найсалба амталовандини. Мэнэ муручии: Эси-кэ бидепумэ. Гэ, сагди эненэ, сагди амана дароасу, барачипу, нэкувэ улэнди аяди уруэндусу». Туй тара Даи Эне мимбивэ алосира, балапчи дёгбова бухэни: «Эй дёгбова, нэку, улэнди нгаладои дяпачиори, эмуту Сунгсу-мэт насалди муэвэ пось ичэдивури. Нёандиани сагди амиси, аминь амини нёамбани ангора, эгди лахава, куэрэвэ, деливэ, манахани. Гэ, боа гудесиу, улэн такуроанду.

Дама Ходёро сарпулба бухэни: «Нэку, эй сарпулди чидямба ангопи, нёани мэнэ согдатава варини. Холдончини-ну, дичини-ну осини, эмуту лактохан-мат осини».

Тимка сагди данини умусэлбэ бухэни, нёани бэюку, сэку бичини: «Гэ, нэку Ака, улэн до-

сидяру: «Эй эрдэнку умэкэн. Эм-дэ тойкопи, кэчи, карин хали-да чочагоаси. Гэ, вапи бумбувэдэ эди онгбора». Эне-тэни резиновый отава бухэни: «Тэсичеру, Ака, эди-дэ энусирэ» — Одёхани. Ама-тани ботамди кучэмбэни бухэни, кормику, омолку. Ми тэнг манга барачими, ама диливани наманда, дэнг-дэнг дяпачихамби. Тэмэчэ кучэмбэ баорива мэнэ доидуи тул-тул муручихэмби.

Гэсэ талава демэри, мимбивэ ляс мактачимари найсал гэсэ барачихачи. Ми-тэни мэнчии ункимби: «Даи осипи, ботамди одямби, тотапи согдатава вами, сагди гурунсэлбэ элэдэлэ депувэндемби».

Мапа согдатани

Эмдэ-тэни мэнгирэгуйдуэни дёокчи дидюхэмби. Дёогду Даи Эне, эне, ама, Ходёро дама, хэмтудиэри дэрэвэ кэндэли тэсичи. Нёанчи купуктэ дудуэсэвэ давади гэсэ декпичи. Ама-тани минчи ичэдеми пэкэси дудуэсэвэ хородои таоси-эуси дёлочими ундини: «Пэкэ-пэкэ».

Ми дэрэ бароани пуйкуми ункимби: «Ура-а, сиавури дудуэсэ. Амта-амта. Эне, ми демусии».

— Эди мора. Дипири. Дюлэ нгалай силкора, тэндэгу. Бай колямбани нгалай тургэнди чакпочира, тэтуэлэи хаочихамби. Эне туй тайва ичэрэ, госолахани: «Ака, туй таваси. Эй чиманя сикун рубашкава тэтухэмби, эси хони очогоандиси. Иладим-да ая».

Ми даи чамидяди дудусэвэ хэмэ дяпахамби. Эне илихани: «Эденэ, нэку, синду хангила нэхэмби, пунгэл-пунгэл бикэсэлбэни». Даи Эне, эне ундивэни ачапчи унгухэни: «Пиктэи кэту-дэ мангади дэдулэми, туй тами оркин найва уруэмбури. Дэрэ оялани бивэ найди гэсэ хэм депуру. Уйду оркин, уйду улэн, сондёваси».

Дудуэсэ тэнг манга амта бичини. Дава-рагда

баланчини, туйбэки коах-коах бичини. Нёамбани хони-да тургэн депувэси. Дудуэсэвэ-дэ деми пэкэсивэни эуси-таоси ангма долани сингмундии суэкэчихэмби. Туй будурии долани, эмун дудуэсэ билгадои тахани, хаоси-да энэси очини. Дочи-да ирэси, боачи-да негуэси. Эрипсингуйдэ баваси. Билгаи пэкэсини, насалдулай муэ пунгэлэ хэелухэни. Даи Эне тургэнди ми дарамалайва масиди дудуэсэ луктус хамиси агбингойдиани пачилахани. Ми чаду-тул молокова омихамби. Дои ненсияк осигохани. Туй тара элкэ депулэхэмби. Амади Ходёро дамади минди нянга инэктэхэчи. Ми дои оркила очини: «Эй хай давани, эмуту эдуэ-мэт бини. Суэ мэнэ сярусу, ми-кэ байбае».

— Хайла гойва бариси? — Эне ундини.— Бологочиани дава бэени гадяпума.

— Завмаг Золотухин чисэниэ, нёани даляни калтахандоани сиксэ тулиэ токондоани силкимба ичуэнкини.

— Э-э, завмага ундиси — ама насални оркила очини.— Ми завмага бичимби осини, муэ амбани минчи хамача-дэ хэм би согдатава мэнэ ирасуй тамча. Ми нёандоани, нёани минду.

— Синду, хайва? — Ми отолячимби.

— Согдатава вавурива.

— Давава, гучи хайва?

— Давава.

— Кумдувэ?

— Кумдувэ.

— Э-э, улэн манга. Нёани минду, нёандоанитани, хайва буриси?

Ми нёандоани сгущёнкава, тушёнкава, гучи сиса, гой хала тэтуэвэни, отавани, мандю чаивани будембимэ. Буэ насалдяпува хайва-да хэм наи дяикачини, оину.

— Во-о! Манга. Гэ-э, ама, завмага осу. Сгущенкава-ну, тушёнка-ну хоня чихалами депури. Талава ине-долбо депчиури. Улэн-гуэ.

— Аба, Ака, байби. Ми туй бими отолясимби. Ми мэнэ гэбукуи. Тэй чава хуэдэгуи эчиэ муручиэи.

— Гэ, ама, хайми байбини. Най симбиэ завмага осёандини, хайми байбини. Рыбинспектор Баритон си андарси одяма.

— Аба, хони-да аба. Хони балдихан, туй-дэ бидембимэ.

— Гэ, хайми, ама. Даи Эне ине-ине талава гэлэй, улумбэ-дэ гэлэй. Гуделэ бесини?

— Ая. Си Даи Энисси, гучи Тимка Даи Энини, гучи оину сагди маманасал, сагди мапасал эй Мангбу долани. Хэм най согдатава дебдуй муручичи. Ама чая омигора ундини.— Ака, улэн долдю: Найду гэбувэ, иладиори дякава эндур, боа эмдэкэн бурини, чава будэлэ дяпачигоаси, чава бэгдии пэйгиэчиэни хали-да тугбуэси тагоаси.

Завмаг Золотухин, рыбинспектор Баритон иладиори дякава, гэбуи балана-бака хуэдэхэчи. Нёанчи бичи гиан туйби: «Си-минду, ми-синду».

— Туй бивури оркин, арган-маня.

— Оркин гиан, сэгденай гиани беси.

— Ама, ми нгэлэхэмби,— ми хали-да завмага гучи рыбинспектор одасимби.

— Хайми? Улэнди, гиамба бодоми хавали осини, уй-дэ хэм осиори: инспектор-да ая, завмагда ая.

— Аба. Ми чихаласимби.

— Улэн-гоа. Элэ бологуй. Школачи энэдечимэ. Тачиочиу. Эгди гиамба сари най кусуни эгди. Хайди-дагэлэси. Эне амава госололохани: «Элэ, ходиро. Хай пиктэ сяривани кочалиси. Уйду лекциевэ холайси. Хэмэ огу, горо улэн».

Ама ми нуктэе таоси-эуси тара, уйкэлэ нехэни. Ама хамиалани Ходёро дама энэхэни. Ми тургэнди молокова омира, боачи нехэмби.

— Ака,— ама ункини,— чимана эрдэ дамади гэсэ хасиктакан ониканчиани тоангосинадиачи.

Нимова, саргачемба умусигуй. Тэтуэвэси, отаваси, рюкзакаваси эмун боаду нэдембимэ. Эси-тэни акпангуру. Чихалайси?

— Чихалай. Ура-а! Ама.

— Гэ, туй осини, дёокчи игурэ акпангу.

Ми дёкчи игурэ, хэмэ акпанкимби: «Эрдэнгэ, хони бини тэй хасиктакан? Тургэтэ сиун гарпамда ая...»

Ми сэнэхэмби, ама мимбивэ аносидоани: «Ака, гэ, бала тэру. Сиун элэ агбинди».

Туй тамиа, ми сэнэхэмби. Полтаи дяпара, чангсуэп тэхэмби. Ама мимбивэ тэтугуйвэ гучи сапогива бэгдичи гидалагоива бэлэчихэни.

Туй тара ама, чихаласия дэвур кусундии чаива, блинэвэ сяванда, рюкзакая, бонгнамбия бухэни. Боакиала Ходёро дама илисихани, мимбивэ халачими трубкава омихани. Мангбу байгиалани сахарин хурэн чиадиадиани сиун сэриэ агбилохани.

— Ака, ичэгу, тэй сиун-дэ бумбивэ улэнгуди ичэхэни. Эйне манга улэн ини осидяра. Гэ, энэгуэри.

Ихон тайгиалани пака-пака би мосал илисихачи. Ичэди ми дои нянга нгэлэчилухэни, туй тами дама хамиалани дидяди дуэрэхэмби. Дама нгаладоани гида, дарамадоани-тани далямба харала чаохан бичини. Нёани туй дюлэси ичэдими дуэрэхэни, туй дуэрэмэри дуэнтэчи ихэпу. Колхознай машинани поктолани дуйси энэхэпу. Поктоду поалдоани муэку, чипчанку, тоаксаку бичини. Ми муэвэ тактючими энэхэмби. Дама-тани холячими дуэрэхэни.

Дуэнтэнду нонгдила бичини. Ми диличива тугдэ-мэт тэп-тэп, поалдоани силэмсэ муэни тулси бичини. Туй тами ми уйси ичэдими энэхэмби. Мосалба пось насалди ичэдими, тэвэксэвэ, эмуту ёхан-мат бивэни эрдэнгэсихэмби.

Дама ми туй дуэрэивэ ичэрэ ундини: «Нэку

дуэнтэду уйси ичэдивэси, чаду хай-да аба, бэгдии пэйгиэчиэни, покто холдончиани, поктола дюлэси, поктола хамаси ичэдими энэури-мэт ая. Туй тавори осини, хайва-да ичэури-дэ саваси. Гэ, эй хай поктони? — Дама каока ода, ичэвэнкини.

— Нгоса.

— Хэмэ ичэдими ая. Поктокан эмуту индангимат бини, тотами-да нянга хангиси бини. Эй, яндако долбо пулсихэни.

— Эй гучи уйнги? Эмуту экэкэнсэл туфелькади топ-топ моа дачамбани кэндэли такточихани-чи-мат бини.

— Нгоса, дама, хай тургундулэни туй долбо экэкэндюэн эуси пулсиэчичи, ми-кэ чава сарасимби.

— Эм-дэ, ичэдирэ, хамачавани-да савори. Эй, уде долбо пулсикэтэхэни, мо дачандоани балди нямоктава сяричи. Нямоктава амтасичи, эмуту си булочкава улэсиси-мэт бини. Гэ, сахаси? Чихани, тургэтэ дуэрэгуэри. Туй энэмиэ ми дои ядалохани. Дамачи ункичэми болдадии. Туй тами дэрэдилухэмби. Дама каока ода, ункини: «Эйду тэингуэри». Буэ нгонимиа би мо-хасиктачи тэхэпу. Дама нёамбани улэн ичэдирэ ункини: «Эйвэ ненгне, симата ункини хамиалани пуксин тугбухэни. Эй тэнг сагди хасикта. Туричие эгдиэ ичэхэн, эгдиэ сахан. Гусэрэми-рэгдэ мутэси.

— Дама, нёани уюндуи гусэрэндуй бичини?

— Аба, гусэрэндуми наи-рагда мутэи.— Сиун, баа пэйгиэлэни наи-рагда чу эрдэнгэ. Нирумидэ отоли, дангса холами-да отоли. Хони биухэмбэ, хони бигуи хэм сарини. Эй гида, хоня эгди дуэнтэлэ пулсихэни, хоня чаохалахани. Ми сагди амимби, нёани амини чади пулсиктэхэчи. Тэй сэни тэнг эгди. Нёани балапчивани сару. Ми-дэ холами, нируми отолясии, бай колямбани чадоа-едуэ отолии.

— Хайми, дама сарасиси?

— Школа тэй эркиэн аба бичини. Учитель-дэ аба. Си урэйси-мэт улэни-гуэ. Гэ, масилами тачиочихари, сэгден най гиамбани тэрэк сагуи.

— Гидава хайгуи дяпахаси, дама, мапава вагуи тайси?

— Хэмэ бису, нэку! Хай сингмуди бабонгодиани делэктэйси. Хэмэ очогой-да ая. Синчи уй ункини, туй муручиуривэ? Саку пик-тэни, уй-дэ долдихани осини, эси манга бадячи. Манга байта, туй сингмудии делэчивэси».

Хангиси кэчэрирэ, морапсинкини: «Эди-дэ оркисиасу, эди-дэ тагдасу, хайва-да отолиаси, мурунку ана наи ункимбэни. Ая, уй-дэ би-дэ, гудесимэри муручиусу». Дама туй морапи, тургэн дюлэси дуэрэлухэни. Ми нёани хамиалани дюкэн-дюкэн корпими, дуэрэхэмби.

Туй тами тургэнди онива ичэхэпу: нёани хурэн алдасалдолани, пэгилэ уюнмэтули хэейни. Ми тэнг мангади барачихамби. Рюкзакаи дёлалара, сапси кирачиани тутулухэмби.

Эрдэнгэ, муэ-тэни тэнг гэнгиэ-гэнгиэ бини, эмуту таоха-мат бини, пэрэгдуэни хайва-да хэм ичэури. Тунгдэ хабдатавани-да, дёлокансалба-да хони-дэ хэм бойкокони. Сапси кирачиани акпанда, муэвэ досидии, оникан-тани элкэ минчи симурини, эмуту хайва-ну унди-мэт тайни: Цо-ро-ли-ли, три-ли-ли, улю-лю, чир-ми-ли, лю-лю-лю». Ми долдии-тул туй осигохани: Эмуту минчи ундини: Сородэ, Ака. Мимбивэ пэргэми омиру, кусунку «одячи». Ми дёлодиади уйси пуйкуми, пэмундии муэвэ омихамби. Дои, дилии, насалби нгэпсэнчиэк очохани. Тунгэндуй-тэни, ангмадоя гичиак очини, эмуту морожинайва декпимби-мэт осигохани!

— Ака, элэ эгдиэ омиваси, энувэ бавори,— дама ункини.

— Ми элэ ходихамби.— Ониканчи-тани элкэ ункимби,— ебэ, баниха-баниха, улэн-кэ.

дуэнтэду уйси ичэдивэси, чаду хай-да аба, бэгдии пэйгиэчиэни, покто холдончиани, поктола дюлэси, поктола хамаси ичэдими энэури-мэт ая. Туй тавори осини, хайва-да ичэури-дэ саваси. Гэ, эй хай поктони? — Дама каока ода, ичэвэнкини.

— Нгоса.

— Хэмэ ичэдими ая. Поктокан эмуту индангимат бини, тотами-да нянга хангиси бини. Эй, яндако долбо пулсихэни.

— Эй гучи уйнги? Эмуту экэкэнсэл туфелькади топ-топ моа дачамбани кэндэли такточихани-чи-мат бини.

— Нгоса, дама, хай тургундулэни туй долбо экэкэндюэн эуси пулсиэчичи, ми-кэ чава сарасимби.

— Эм-дэ, ичэдирэ, хамачавани-да савори. Эй, уде долбо пулсикэтэхэни, мо дачандоани балди нямоктава сяричи. Нямоктава амтасичи, эмуту си булочкава улэсиси-мэт бини. Гэ, сахаси? Чихани, тургэтэ дуэрэгуэри. Туй энэмиэ ми дои ядалохани. Дамачи ункичэми болдадии. Туй тами дэрэдилухэмби. Дама каока ода, ункини: «Эйду тэингуэри». Буэ нгонимиа би мо-хасиктачи тэхэпу. Дама нёамбани улэн ичэдирэ ункини: «Эйвэ ненгне, симата ункини хамиалани пуксин тугбухэни. Эй тэнг сагди хасикта. Туричие эгдиэ ичэхэн, эгдиэ сахан. Гусэрэми-рэгдэ мутэси.

— Дама, нёани уюндуи гусэрэндуй бичини?

— Аба, гусэрэндуми наи-рагда мутэи.— Сиун, баа пэйгиэлэни наи-рагда чу эрдэнгэ. Нирумидэ отоли, дангса холами-да отоли. Хони биухэмбэ, хони бигуи хэм сарини. Эй гида, хоня эгди дуэнтэлэ пулсихэни, хоня чаохалахани. Ми сагди амимби, нёани амини чади пулсиктэхэчи. Тэй сэни тэнг эгди. Нёани балапчивани сару. Ми-дэ холами, нируми отолясии, бай колямбани чадоа-едуэ отолии.

— Хайми, дама сарасиси?

— Школа тэй эркиэн аба бичини. Учительдэ аба. Си урэйси-мэт улэни-гуэ. Гэ, масилами тачиочихари, сэгден най гиамбани тэрэк сагуи.

— Гидава хайгуи дяпахаси, дама, мапава вагуи тайси?

— Хэмэ бису, нэку! Хай сингмуди бабонгодиани делэктэйси. Хэмэ очогой-да ая. Синчи уй ункини, туй муручиуривэ? Саку пик-тэни, уй-дэ долдихани осини, эси манга бадячи. Манга байта, туй сингмудии делэчивэси».

Хангиси кэчэрирэ, морапсинкини: «Эди-дэ оркисиасу, эди-дэ тагдасу, хайва-да отолиаси, мурунку ана наи ункимбэни. Ая, уй-дэ би-дэ, гудесимэри муручиусу». Дама туй морапи, тургэн дюлэси дуэрэлухэни. Ми нёани хамиалани дюкэн-дюкэн корпими, дуэрэхэмби.

Туй тами тургэнди онива ичэхэпу: нёани хурэн алдасалдолани, пэгилэ уюнмэтули хэейни. Ми тэнг мангади барачихамби. Рюкзакаи дёлалара, сапси кирачиани тутулухэмби.

Эрдэнгэ, муэ-тэни тэнг гэнгиэ-гэнгиэ бини, эмуту таоха-мат бини, пэрэгдуэни хайва-да хэм ичэури. Тунгдэ хабдатавани-да, дёлокансалба-да хони-дэ хэм бойкокони. Сапси кирачиани акпанда, муэвэ досидии, оникан-тани элкэ минчи симурини, эмуту хайва-ну унди-мэт тайни: Цо-ро-ли-ли, три-ли-ли, улю-лю, чир-ми-ли, лю-лю-лю». Ми долдии-тул туй осигохани: Эмуту минчи ундини: Сородэ, Ака. Мимбивэ пэргэми омиру, кусунку «одячи». Ми дёлодиади уйси пуйкуми, пэмундии муэвэ омихамби. Дои, дилии, насалби нгэпсэнчиэк очохани. Тунгэндуй-тэни, ангмадоя гичиак очини, эмуту морожинайва декпимби-мэт осигохани!

— Ака, элэ эгдиэ омиваси, энувэ бавори,— дама ункини.

— Ми элэ ходихамби.— Ониканчи-тани элкэ ункимби,— ебэ, баниха-баниха, улэн-кэ.

Ми муэвэ оми, ониканди гусэрэндуй тайдуя, дама элэ-дэ сэгден пэнтэвэ хулэхэни, тотара пя хоракгадиани сопокамба ангохани, тэй долани нади солими пэнтэвэ нэхэни.

Дама умусигуе мимбивэ гогда мэгди оялани тэвэнкини. Чаду сонгта муэ сахарин бойкоку бичини. Нёани элкэ хоролими хэейни. Тэй боаду бэихэмби умукэмби дёлолара, хэмэ эмун боачи ичэдилухэмби.

Хайми-ну ми дои нгэлэчилухэни. Ми мурундуи туй очини: тэй чонгдо долани муэ амбани тэсини, нёани таядиади агбинда, бэгдилэйвэ дяпара, пэйси тоандяра. Нгэлэрэ, ми насалдии дамава гэлэгухэмби. Нёани тэ хангила дяхар оялани мова молдёсими илисихани, тавава ивамбугуи баргини.

Ми хэмэ туй мурчидуе, нгаладои хэнгэл дяпачихамби бонгнава хай-ну кэтэлэ лоп тоанкини. Ми оломи коап илигора, бонгнаи мэнчии тоалонгохамби. Бонгнамби элэ кингдами урехэни. Хай-ну пэйси татайни, ми уйси татай-да, хонида мутэгуэсимби. «Дама, бэлэчиндэгуру!» — морапсинкимби. Балана параходади хупи-мэт, ми эй дякава сапси киравани дуэрэми, олбинкимби, туй тара дяхарчи пуйкурэ, дуйси тутулухэмби. Согдата-тани на оялани умудиэди молтоахани, таванки-тани уйси пуйкунэсими, муэ бароани энуйчини. Ми онди чором тухэмби. Дама тургэнди дидэ, согдатава дюэр нгаладии дигдахани.

Тэй-тэни хай-да дайлани мо бичини. Дарамадиалани сахарин-согдён, хэмдэдиэ-тэни чагдян, ояни сахаринди топ-топ илгаку бичини. Дама барачими, мимбивэ алакисихани.

Ми агдара, гучи-дэ бэунчии тэндэгухэмби, бонгнаи гучи мяра, муручихэмби: «Сайна эй чонгдо пэрэгдуэни лоча нингмандоани би улэкэн русалочка тэсини бидерэ, тэй-тэни ми умукэнчие согдатава халбуйни».

Бонгнамби пэйси чокилахани, ми тоангоми хархилуйдуя, согдатакан чаря начи тундэхэни. Тэйкэ саргачи бичини. Улэни, гучкулини, гой-гой илгаку, эмуту аня тэтуэни-мэт бини, эмуту радуга илгани-мат бини.

Ми эси-эси саргачава валохамби. Вахамби дёамба-да би-дэ, кадаси. Дои ляс барачихани: «Даи Эне, эне, ама дебдуэчи элэ исидяма».

Дама мимбивэ сиагуя хэрсихэни. Ми дои балана демусилухэни, туй тами барачими, пуйкунэсими демдэнэхэмби: «Дама, ми саргачимбэ эгдивэ вахамби...»

— Эгди?

— Дёан пулэмиэ-дэ би.

Дама тэнг амта нимо холтовани пуюхэни: хэдюктэку, холгичиохан судулику. Хэмдэи тиактиак дебдэ, ми олокияна акпанкимби.

Сэнэгухэндуи ичэхэмби: дама кирава пулсиктэми, хайва-ну дяпактайни. Ми дама бароани тутулухэмби. Дама силкимба нгаладои дяпачайни: «Ичэгу, нэку, уй-ну силкимба вактами дёлочини. Буэ дуелэпу балана-балана чонгдоду силки хурбэй бичини. Хоня эгди айнганя сихэни, эсимэт неани хамаси дидюхэни. Оркин гурунсэл элэдэ чава манайчи. Хай чукин гурунсэл, тамачава вахан-да гуделэ умбувэси».

Дама гидава дяпара, элкэ дюлэси энэхэни, ми мэнэ кучэмби элкэ дяпагора, неани хамиалани оникамба хэейвэни ачапчи дуэрэхэмби.

Амба горочи энэпиэ, эм боаду дама пэйси тэхэни, мимбивэ-дэ пэйси тэвэн-дэ нгаладии ичэвэнкини: «Мапа муэду тэсини. Эди нгэлэчирэ, хэмэ тэсиу. Силкимба варини».

Мапа муэду тэсими, энэй силкимба дюлуй дюэр бэгдидии дяпара, диливани сэкпэндэ, онгбои пэйгиэлэни нэрини. Тэй силкин торивани дяпайдуи, онгбои пэйгиэлэни би силкимба хэегуэндини. Тотапиа мапа муручини: «Сайна, онгбони пэйгиэ-

лэни эгди согдата очини». Илира, ичэгухэни — хай-да абани. Тотара мангади аякталами, морами, нгаладии муэвэ ляс дуктэлухэни. Туй тара дуйси пукчими, энухэни. Тэ дуйлэ гучи дюэр модан масиди морапсинкини.

Буэ дамади элэ будэлэ инэктэхэпу: «Ая, наондеанни, туй тами эдэлэ бини, урэпи мурунгуи бадяма».

Хэехэн силкимба таочира, хамаси дидюхэпу. **Тавава муэди хупурэ, согдатава дама сомаланчиани**, ми рюкзакачии нэктэрэ, деокчи тургэнди энухэпу.

Деогду Даи Эне, эне, ама ми хони-да мапа силкимба умусихэмбэни гусурэйдуе улэн инэктэхэчи. Тотара вахампова чирэхэчи.

Дялани чиманя Даи Эне чирэухэн силкимба дудуэсэ купуктэдиэни гэсэ пуюхэни. Гэ, тэй депуртэ-мэт амта-амтани. Мапа ботамдива ляс мактачихапу.

Ми эйду абаи

Ми балана школьникаи. Элэ-дэ сикун айнгани каникульни осихани. Ини-ини таондоани хурэнди пэйси параканди, сохолтади сусуэчипу, гучи **боёчими хупимэри консервнай банкава таоси-эуси** боеди пачинасимари хупипу.

Эйниэ-тэни ми ама сохолтани тэтурэ эмучэкэн дуйси тохамби. Ама токса поктодоани тулэхэни пойкава сандахамби. Эй дюлиэлэни дюэтудиэри пулсиктэмэри хайва-да эчиэ варапу. Аматани. Эворон хэвэнчиэни хангова ботандахани.

Мо долани ми элкэ сохолтади энэхэмби. Симата-тани **эмуту яимба дяри-мат кикоар, кикоири** хэрсини. Туй энэмиэ пака-пака би мо дачамбани ичэрэ, нгэлэхэмби, кэтэлэ хамаси кэчэригухэмби. Дюлиэлэи хай-да дайлани хасикта **илисими, нгаласалби таоси-эуси нэсэрэм нэучини,**

нгалани оялани симата сунгуэ оичайни, начи тумдэ-турэсини. Хасикта чиалани даи колдоннилисини, хасиктадуй-да нгонимн, гогда. Нёани порондоани боктосал кичорак бини. Ми уйси ичэдидуе дилии кэндэлилухэни. Туй тами онгбочии ляптах тэхэмби. Апумби симатачи тухэни. Тэй дочиани симата ихэмбэни гуирэ, диличии тэтугухэмби. Иладира, ми хаоси-да энэй-дэ ичэдеми, тэй горолани энэхэмби. Нянга энэхэмби хамиалани, ми сагохамби сохолтаи дюлиэлэни симата таоси-эуси саар энэйни: «Хур-р, хур-р, хур-р тами, пимусэл дэгдэгухэчи, тотара бонгарак пя оялани тэгухэчи». Ми мявамби оломи кэтэлэ тоас калтахани. Ми буйкимбиэм муручихэмби. Тотара тагдахамби. Сохолта тунепундени дюлиэлэи хархиполахамби. Тунепун-тэни ми уелэи би суктудиэди хай-да дайлани симата пасивани дилия оячини сусуэмбухэни. Нёани монгончиаи ихэни. Митэни дэнгэм мангалахамби. Симата монгончиаи гичиак ихэни. Ми а-а-а ункимби. Тагдара тунепундии эмуту миочан-мат дюрирэ — «Ба-бах!» морапсинкимби. Пимусэл нгэлэмэри чоп дегдэгухэчи. «А-а! нгэлэхэсу! Манга бахасу. Гэ, иладиусу. Наи пулсиктэйни поктодоани аоми байбини-гоани».

Сохолта поктони, токса поктони дидяла кап очигуйчи. Туй тами ичэй-кэ: эм токса нучикэн ванктакан пэйгиэдиэдини чаря пуйкундэмэ, мии дюлиэлэе мэнэ поктолаи пукчими энэхэни. Ми будурими тутулухэмби. Нянга энэми, токсава ичэхэмби: Нёани хэмэ поктодои тэсивэни, монгондолани пойка сип дяпахани. Хайми пуйкунэсини? Сайна мимбиэ ичэсиниэм муручини бидерэ. А-а! Минди хупичини. Апумба-невидимкава тэтухэмбиэм муручини бидерэ.

Буэ нучи гурунсэл хупидуэри диа-диавари ханкпачимари чиламиа, дюлэси тутуй най мангаламиа, ундини: «Ми эйду кэукэи». Туй ундэ, на-

чи тэвури. Симбивэ ичэвэси осини. Эмуту лоча нингмандоани Людмила карликади мэпи дяякачихани-мат тавори.

Мимбивэ аргалами байбини. Ми рюкзака ангмавани гулдэрэ, токсава хэп уеди дасихамби. Рюкзака долани токса ляс пуйкунэсилухэни. Токсава дяпачи проволокава ми кингдэлихэмби, рюкзака ангмавани масиди уюхэмби. Мэнэ поктолай хамаси энэлугухэмби. Токса дарамаду хэмэ, эм туйкуэми бичини. Хасиктакан ониканчиани сусуэндидуе токса амбачилохани. Рюкзака долани морай, пуйкунэси, дарамая бэгдидеи дуктэй талохани. Ми сусуэми, дилидии симатачи лип тухэмби. Рюкзакаи ачоахани, эм сохолтаи хангиси сусуэнкини. Ми дюкэн-дюкэн илигохамби. Симата сиамби, монгомби, качамаи дочиани ихэни. Ми элэ сонгоми, сохолтаи тэтугухэмби. Рюкзакаитани оникан дюкэдуэни пуйкунэсими ходясини. Ми нёамбани гучи дарамачии нангалохамби. Токсакангуи ядара, хэмэ очини.

Ихомба элэ исидуи, муручихэмби: «Уй-дэ ичэмдэ ая. Ми боатоачихамбива сагоачи, уй-дэ мимбивэ мактачигоачи». Энэмиэ, ми ичэхэмби, Койпо туледуи илисими, минчи ичэдини.

— Ака, хайва вахаси?

— Хай-да абани.— Токса гучи пуйкунэсилухэни.

— Хай, рюкзакадоаси?

— Токса?

— Ака, ичуэнду. Эм насалканди ичэйчии.

— Байби — энуэндечи.

— Ми отококан, Ака. Гэ, Акаша.

— Гэ, ичэу.— Ми рюкзакава симата бароани нэрэ, ангмани дюкэн нихэлихэмби. Койпо рюкзака дочиани ичэдими ундини: «Ака, пакчини, хайва-да ичэсимби».

Ми рюкзака ангмани диадиэ осиванкимби. Токса-тани таванки пуйкуми, Койпо пэелэни нам-

бохани, чаду-тани нёани тухэни. Токса боачи нерэ хал-хал очини, буэ холдомпова кэндэлими пуйкунэсилухэни.

Ми оячиани пуйкухэмби. Тойтам-да хамар тухэмби, Токса-тани тулевэ хэйпи тутулухэни.

Буэ Койподи дя дячи ичэдимэри тэгухэпу. Эмуту дюэр хэлэ-мэт, хайва-да ум-дэ мутэсипу. Ми дюлуй ункимби: «Си хони тахаси, Койпо? Токсава вандагу. Эну».

— Си, Ака мэнэ чиндахаси.

— Ми, мэнэ? — морахамби — Ака, ичэсимби, хай, хамачава тэмэчэ насалди ичэури? Эмуту сойрикта-мат бини. Эну, хангиси!

Койпо ляс сонголохани. Дилии пэйси тугбурэ, нгаладии дэрэгби дасихани. Морайни, эмуту уй-дэ нёамбани варини-мат морахани.

— Хайва морайси? Симбиэ уй дуктэйни?

Койпо агани буйгу Тимкэ эм рубашка-маня боачи луктус нерэ, минчи хукчухэни: «Нучикэн гурунсэлбэ дуктэйси? Нёанчиачи кусумби бахачи? Туй тами, мимбивэ тунтулэхэни, дяпара дилидии дэргдулэйвэ дэркуэнди, тойтара бэгдиди ми бэгдие гохолара, симатачи тугбухэни. Ми амбан мангади тагдахамби, дои пакчиам энэхэни.

Ми Тимкэчи ункимби: «Элэ, анда, буйкимби».

Тимкэ мимбиэ нангалара, дёокчи тургэнди чочагохани. Хамиалани Койпо эмуту бочкакан-мат пунгэлиэми энухэни. Ми симатачи топинкимби, топимби сэксэку бичини, пэмумби калтахандолани нянга сэксэ хэейни.

Сохолтава, тунепумбэ, рюкзакаи дяпагора, мэнэ элкэди дуэрэгухэмби. Гаерсал дёокчи тулиэдуэни инда Бякта тэсихэни, дэрэнгни хэм хаолохани, туй тами-да сэксэ-маня бичини.

Пекарни туледуэни пекарь индани овчарка Мухтар, бичини. Нёани дилии холдопчи дяпачини, сяндулани сэксэ кэп-кэп сабдахани. «Бала, сориосу. Гэерна манга бахачи беси-кэ».

Самаровскай дёогни уйкэни дадоани Казбека дюкэн илисихани, тунгэни, монгони хэмту сэкпэчиухэн бичини: «Эрдэнгэ, илан индасал гэсэ сорихачи-ну?»

Ми Тимкэди соридоя-тани токса тулиэлэ пукчивэни индана ичэрэ, вачимари хамиалани пукчилухэчи. Буэ Барсикангупу-тани вачивачи долдира, омодиади нехэни, пукчи токсава хангпачи индасалба ичэхэни, тотара мэпи дяяра, чэк дикэнкини. Тэнг Токса нёани бадовани тэрэки исигойдоани эмундэк пуйкуми, токсава вахани.

Индана-тани иладигура, хэмтудиэри гэсэ Барсика вахани токсава чигугуи нёанчиани хукчухэчи. Барса бэени, даи инда. Уйди-дэ нгэлэси бичини, кусункуни-дэ манга. Инданава таоси-эуси дёлочихани. Индана соричи дилгандиани Даи Эне боачи нехэни, дама-тани мэнэ дёогдиади нехэни, туй тара нгонима мова дяпара, инданава пунгнэчилухэни. Бякта-тани дама монговани дэнг-дэнг сэкпэнкини. Барса Бякта дэрэгбэни лоайк гудэлихэни. Бякта морами, хангиси чочагохани. Тэй хамиалани Барс Мухтар сямбани калтарам сэкпэнкини, тэй-дэ дилии холдопчи нэучэми энухэни. Казбекава-тани Барса мэнэ пэйгиэчии дигдара, мангади сэкпэчихэни. Тэй-дэ морамиа, дюкэндюкэн Барса пэйгиэдиэдини чочагохани. Дама токсава ичэрэ, дяпагохани. Барсика-тани дама нгалавани кэтэлэ сэкпэнкини. Дама олора, нгэлэхэни. Даи Эневэ-мэт Барса вахамби токсава дяпованкини.

Ми мэнэ тулиэдуи Барсикава ичэгухэмби, нёани-тани мэпи илэчигуми, тэсихэни. Туле симатани инда покто диани хэм такточ ивохан бичини. Чаду-эйду сэксэ сэрбиэ-эк бичини.

Дёокчи игухэмби. Ми дюлиэлэи токса дилиди пэйси ловохан бичини. Даи Эне, дама инэктэмэри тэсихэчи.

— Тэнг эрдэнгэ, нэку! Си дуйлэ боатоачи,

токса-тани мэнэ тулечи диди. Эй хони отоливори.

Ми дуйлэ ама тулэхэни пойкаду токсава хонида ичэхэмби, Тимкэнэ туледуэни токса хони-да чочагохамбани, буэ Койподи, дюэнай хони-да токсава тулевэ хэи пукчилуэнкимбэри хэм гусэрэхэмби. Сайна тэй токсава Барса вахани бидерэ.

Даи Эне, дама мимбивэ агданасимари, барачимари одёктахачи. «Манга, Мэргэн урэйни бесикэ»,— нёанчи ундичи.

Бонго вавухан бэюнгу аняни

Даи Эне ункини: «Бонго вавухан бэюнгу анямбани эй сиксэ ангори».

Нёани токса уликсэдиэни пялтан чоломбани, уликсэ-мадяди пуюхэни.

Наи нимэрини дюлиэлэни, Даи Эне гогда хоргодиади тоанкини сахарин «Маси» гэрбуку сэвэмбэ. «Маси» дюлиэдуэни ото би пиляканду токса уликсэни, чагдян бодава, аракива нэрэ, хайвану симурими ункини, тотара сэнкурэ дегдирэ, «Маси» дюлиэлэни сангнячихани. Ми ичэй-кэ: эмуту маси дамахива омини-мат бини. Инемуди мангалара, инэктэлухэмби: «Ха-ха-ха! Мома дама дамахива омини». Эне мимбиэ тэтуэлэйи тоанкини, эм нгаладии наманкини. «Си, Ака, эди инэктэрэ. Даи Эне нанай гиамбани улэн сарини. Байби инэктэйси. Эне тагдадя. Ичэу, тэй нингман бесини хай. Эмуту нингман бини. Мома дама буэ халапова, буэ хони-да дюлэси балдипова масиди дяпачини, эндурини. Эси тамача гурунсэлди гусэрэндуривэ уй-дэ отоляси. Даи Эниси ундивэни улэнди дософиру. Сомбивэ улэн урэгуэси, кэсиэ гэлэмби. Тэй хай-да оркин-да ана. «Масидиади» уй-дэ хэм кэсику балдивурба гэлэйчи. Хали-да буничи энуэмбуривэ Даи Эниси — рэгдэ улэнди отолини. Эмэчэ дякава тавурива элэ уй-

дэ отоляси осидяра. Нёандиани бортай туй тавори хэм чопту ходидяра. Улэн ичэдиу. Улэн долдио. Бортай сагуи.

Гэ, эси бивэри боангочи негуйсу, чаду нимэрихэн найсал бумбивэ халачи бидерэ».

Ми кухничи нехэмби, Ходёро дама, Тимка сагди энини, Койпо чаду элкэ гусэрэндумэри тэсичи.

— Койпо? Си хангдахаси, а? — Ми эрдэнгэсихэмби.

— Ми беси, ми сагди эневе олбинкимби. Ми байби, ундие-дэ долдясини.

— Иладими отоляси. Насалси эмуту сойрикта, бэеси эмуту саола.

— Ака, сагди эне долбо ичэсини, туй тами ми гудесими дичимби. Пакчирангочиани хамаси хони эмучэн дидюйни.

— Гуделэ,— муручигуйдуи ункимби — Чиха, тэтуэи ачора, довойканчи иру.

— Буэ ихэндуэпу Даи Эне мимбивэ, Койпова мома дама бароани михоранванкини. Буэ «куэх, куэх, куэх» илан модан пэедиэри паландола михоранчихапу. Даи Эне алосигора, конфетава бухэни. Койпо инэктэми ундини: «Ака, си токсава варачиси осини, буэ анява ичэм-дэ ичэвэси бичини.

— Буэ Барсикангопо си чиндагохаси токсава вахани.

— Мимбиэ уй-дэ дуйси дяпахани осини, мидэ эмун-дэ токсава вавури бичини.

— Си хайва сариси — Хэмэ бису.

— Хайми?

— Усэлтэ вари най — хусэ най, Мэргэн. Эктэ най-амтади пуюгуй най. Пурэнди дидюпи, эгдивэ дептэ, диванду аоликачими, газетава холами, бивури.

— Туй тапи, хайва тайни?

— Апсингуйчи.

— Уйди апсингуйчи?

— Си, хай? Сарасиси-ну? Мэргэнчикэнди.

— Хай найни мэргэнчикэмбэ барини.

— Асини. Отолихаси?

— А-а. Эне-ама-мат гэсэ акпандичи? А. Хайми гэрбучи эмутуни.

— Энэ-нэ, хоторя. Нингманду туй бини. Нингманду гэрбу ана, найсал. Сахаси?

— А-а, си, Ака, Мэргэн очиси?

— Уй ункини?

— Токсава вахаси беси-кэ.

— А-а, си-тэни чиндаохаси. Ебэ, Барсик турухэни.

— Туй тара рюкзакачи нэхэни, и-и?

— Энэ-нэ, эдэмбэ. Си хайем муручиси. Нёани найни хай, рюкзакава олбячигуи?

— А-а, хайва олбячини?

Ми тагдара, хэмэ Койпо пэелэни масинди китэкэлэхэмби.

— Ака, хайва сориси? — Эне ирэ, бумбивэ падилоанкини.

Дэрэ кэндэлими, сагди гурунсэл тэгухэчи. Буэдэ нёанчи алдандоачи тэхэпу. Тимка сагди энини гирамсава симичими ундини: «Эне-е, хэмдэе элэхэни. Минду кэтэ даи пасива бухэси. Токса бими-дэ, даини, буйгуни. Маначигуи чимана дидюдемби. Боатомди хайду бини? Эй беси-кэ. Маа, нэку тэсичэру, бэюмбэ эгдиэ вами, буэ сагди гурунсэлбэ сяванду. Буэ хайва мутэйпу, эси».— Ундди ходидуи, одёхани. Эмэчэ качама амаду бини. Ангмаку качама ангмалани миочалайдуи сянтуи агбимбувури.

Ходёро дама хэмдэи дяпара ундини: «Энэнэ мангани, хэмдэи мадахани». Кэтэ-дэ калтахани. Эй хай уликсэвэни декпимбиэ. Амтани, буйгуни. Токса бими-дэ даилани манга. Ебэ-ебэ, нэку. Хахамби, Ма, нэку, кэсиду гида бурии. Эй пуевэ манга гурунсэл такури бичини. Си-дэ масиди дяпа-

чими такорару, нэку. Туй тара наманда одёхани.

Эне-тэни кроликами сахарин апумба бухэни. Мимбивэ наманда, дякпадуи тэвэнкини. Даи Эне нантама отава ангойни. Ми чади мэнэ дуйлэ симата ономи пулсиктэдемби. Ми Даи Эне монгомбани масиди наманда, ункимби: «Ми боатонгу одямби».

ГЭЮНЭ

Гусэрэн-тэлунгу

Хали-ну-хали-ну нанай Талан гэрбуку ихондоани боатой найсал балдихачи. Тэй ихон-тани эмун они кирадоани бичини. Они-гани Мангбо бароани хэегуйни.

Тэй боаду би найсали тэнг баян, гухэ-гухэ балдихачи. Чаду хай-да хэм тэнг эгдиди балди бичини. Усэлтэсэл, пурэн чиндэсэлни тэй боаду чингал пулсиктэй бичини: мапа, гуи, хулу, сэпэ, бэюн гучи гой-гой усэлтэсэл.

Онила-тани эгди согдата солой бичини: Уру, дава, сиру, сао, саргача, дели гучи гой-гой гэрбуку согдата бичини.

Наондёан пурилсэл, бай хупимэри адолиди эгди согдатава халбуй бичичи. Наондёан экэкэндюэн сапси кирачиани тутуми эурэ, вандакоди согдатава дёокчи ирасуй тахачи. Согдата пулэгучиэни хамаси оничи чиндагуй тахачи. Туй тара холтова пуюри, талава дэлими кэрчи, таксава чирой, макорива тэли, гучи гой-гой депури дякава

ангой бичичи. Ине-ине найсал уликсэвэ, согдатава демэри элэчихэчи.

Найсал тэй ихонду дя дявари дэдулэмэри балдихачи. Наондёан гурунсэл боаточиори хупимбэ хупими, балдихачи. Экэкэндюэн-тэни дуйси амтакава нгасуй, илгава гирой, тэтуэвэ улпи, дебдуй пуючи таворива тачиочи тахачи.

Тэнг маси, тэнг кусунку би найсал-тани ненгнеду дюкэ тэнг хэеми ходидиани гэсэ Никан боачиани эгди огдасалди котолимари энэй бичичи. Сэпэксэвэ, хулуксэвэ, ванкуликсэвэ гучи гой-гой нантаксава ходасира, хамаси дидюйдуи опава, босова, сятава, тэтуэвэ, сидэрбэ, хонякамба, хойпомба, сэлэмэ дякава, айсима, мэнгумэ дякасалба гадёй бичичи.

Эмдэ-тэни манга гурун энэхэни хамиалани Талан бароани амба чиндэни гусиди дурунку, бэени эмуту хай-да дайлани, сахарин тэвэксэ-мэт боава бэедии сирини. Ихонду пакчи-пакчи очини. Тэй гуси гэрбуни Коори. Ине-ине найсалба ихондиади омончии нгасуйни.

Тэй амбан омони гогда хурэн порондоани балди колдон иланди гараку суэндуэни бичини. Колдон нгоамини дёан най нгалади намампи дюкэн нгалачи исигойни.

Ихонкан мангади нгэлэхэчи. Тэй гусивэ мапасал, наондёансал вагуи муручихэн-дэ кусунчи кэтэ оини. Лэкэди лэкэчи-дэ, лохонди хархиханда, гидади гидачи-да байбини, тэй амба сэлэмэ упултэвэни хони-да пулпуэми тами мутэвэси. Коори-тани дэгдэгуйдуи эмун, дюэр найва мэндии омончии гадюй бичини. Омони пэйгиэлэни найи гирмаксани гоар дёлочиохан бичини. Тэй амбан чиндэни паталансалба, пурилсэлбэ депэми улэси бичини.

Таланду эмун паталан Гэюнэди гэрбуку балдихани. Бэени гогда, тонгдо, бэени эмуту Сиун гарпайни-мат, кэку силайни-мат бичини. Гэюнэ

муруни сонгтавани, дараламбани, хонгбилавани гэрэн сагди найсал мяндичи.

Гэрэн найсал тэй эктэвэ дедулэхэчи, гудюкуличэхэчи. Тэй эктэ хайва-да ундини-дэ тэрэк-тэрэк очогойни.

Гэюнэ андаркансални нгэлэчими сиргуми, мангади сонгоми нёанчиани дичичи: «Анда, бэлэчиру. Хони тэй амбан чиндэндиэди найсалба хориори. Тэй Коори элэ ихонкансалба хэм деми манадяра!»

Тэнг манга муручирэ, Гэюнэ ункини: «Андана, хай дякади уюн гурунсэл будэлэ нгэлэчичи?»

Дясилни ляс муручихэн-дэ хайва-да дёомбомби мутэсичи. Туй тара Гэюнэ ункини: «Тава! Тавади боа, на оялани би уюн гурунсэл будэлэ нгэлэчичи».

— Анда, наи хони мутэйни, тавава нгаладуи дяпачими,— экэкэндюэн мэдэчигухэчи.

— Даи тавава, дёо тавондоани даи тавава дегдиури, эгди монгоктава эмун боаду омора, Коори исойдоани дегдиури, тава посяктани уйси чок тогойдияни. Коори упултэни тар-тар полойдоани мэнэ омоичия дэгдэгудерэ».

Гэюнэ дясилни барачимари ихомба холим тутумэри найсалчи Гэюнэ ункинбэни гусэрэхэчи. Найсал-тани ляс агдамари дуеди мосалба, холгоктава, монгоктава дёкчии кутучихэчи. Гэюнэвэ ляс мактачими хаолихачи. Гучи талова нгоними мосал дуэчиэни капирира, дегдигуи чэк-чэк халачихачи.

Сагди саман-рагда Гэюнэчи чиуриси бичини, найсалчи ундини: «Гэрэн найсал, Гэюнэ ундивэни эди дахаласу, амбан гусивэни эди мангади тагдалавандасу, тэй гуси эм-дэ тагдапи, эмун ине долани бумбивэ хэм вактадяра. Коорива эндур дивэнкини. Эндур мэнэ нёамбани хамаси боачи дяпагодяра. Сайна тэй эктэ, Гэюнэди гэрбуку, эндурбэ тагдаванкичини бидерэ. Хайва-да най унди-

вэни агдаси. Боа, на гямбани бодоаси. Най михорайчидоани михорам-да михоранчиаси. Ми эси туй сунчи ундии. Коори дидидуэни суэ хэмтудиэри начи турусу, туй тара амбанчи михоранчиусу, ляс кэсивэ гэлэусу. Тавава туледуи эдидэ дегдесу. Коори тагдадяра». Саман ундивэни уй-дэ асу-да агдасини, уй-дэ дахаласини. Найсал дёо тавончиани бади-да гучи холгокто мосалба дуеди кутучилухэчи.

Чимай эрдэ, Сиун гарпайдоани Коори пакчимди хурэн чиадиани лясь морами агбинкини: «Коа-коа!»

Гэюнэ морапсинкини: найсал тургэн тавава дегдиусу! Гэрэн найсал хэм даи тавасалба дегдихэчи. Гучи мочи капириохан талова дегдихэчи, туй тара дили уелэни хархилохачи.

Коори-тани хапар-хапар, ингур-ингур сэлэмэ упултэдии найсал уелэни дэгдэчи-дэ, тава посяктани нёамбани хэм половандини, туй тами уйвэдэ дяпами мутэсини. Туй тамиа Коори упултэни чирчир полохани. Коори мангалара хамаси дэгдэгуйдуи самамба ичэхэни, нёани-тани дёо долани михоранчихани. Павалани пос дарамалани чапкалара, уйси дэгдэгухэни.

Саман-тани будэлэ нгэлэрэ, ляс морами, ункчупунди дуктэлухэни. Дуктэй-дэ, Коори бэгдини алдандоани кичойга дэгдэми, моралохани: «Арара! Эндур чиндэни Коори, хаоля гудесигу, мимбивэ эди сяара! Мимбе декписи хай тэдеку. Ми сагдии, эм согбу, гирмакса-рагда. Уликсэ-дэ ана. Хайдяи элэдеси. Эндур чиндэни, улэн досидиру. Ихонду улэнди дурунку паталан бини, нёани найсалба тачиочихани, хони-да симбивэ аргалорива. Тэй эктэ гэрбуни Гэюнэ. Муруни сагди мапасал мурундуэни-дэ масини. Тэй эктэмэ амтани улэнгоани.

— Морахаси, хай ебэни. Хони-да морайси-да, ми коёронди хэмдэйвэ чади элуэндэсиси,— Коори

дэгдэми ункини.— Тэй паталан дуруни улэн ункиси. Ичэдепумэ, хони-да бивэни.

— Ми симбивэ, эндур чиндэни, тэй эктэвэ дяпоанкичаи. Эси-тэни агдайси осини, ми айгоива буру, даи тугдэвэ хэрсидемби, найсал тававачи гупидемби. Гэ, чаду-мат тэй эктэ хаоси энэдерэ.

Коори тэй самамба колдон онголони дочиани дёлахани.

Саман-тани онголо долани масингудии самандалохани, нёани очи хэдумбэни хэрсихэни, тугдэвэ пуксимбэ гадёми дигуэни, Ини тиас, долбо тиас самандахан-да, хай-да ебэ-дэ ана очогохани. Боа тэвэксэ-дэ ана, нучи дади дюкэн най дэрэгбэни пучини. Коори-тани гучи дегдэчихэндэ уйвэ-дэ дебдуи дяпами мутэчини, кэту-дэ манга тавава найсал дегдихэчи. Коори мангади тагдара, самамба онголодиади тоангора, ункини: Си хайми мимбивэ аргалахаси? Эси ми симбивэ дебдемби.

— Ара-ра, эндур Коори, эденэ, эди вара! Мимбиэ чиндагохаси осини, ми ихомба хэрэлими, дегдэмбэ ангодямби. Дуэнтэ дегдэми дёосалчи тудемэ, дёосал дегдэлучиэни, найсал хэм муэчи чочадяра. Гэ, чаду-ка эндур-амба нёамбачи манадячи. Ми тэде ундии.

Коори ункини: «Эси-кэ мимбивэ аргалахаси осини, нэ-нэ будечи, долдихаси-ну?» Туй тара самамба начи дёлахани.

Саман-тани тургэн хурэмбэ пооси тутурэ, ихомба хэрэлими дегдэмбэ ангочини. Дегдэн-тэни дёосалчи пуйкункини. Дёосал дегдэлухэчи. Ихонкан дегдэмбэ гупучими мутэси ода, пэкэсимэри аля-аля ода, они муэчиэни мэпэри хоричимари ихэчи.

Гэ, эси-гдэ Коори, пакариа агбин-да, Гэюнэвэ чапкалахани, туй тара гучи эмун наодёкамба дяпахани. Амба омончи дидюрэ, наодёкамба декпини, Гэюнэвэ-тэни улэсими ункини: «Паталан,

ми симбивэ улэсии. Си ми асии одячи». Туй тара гучи ихончи дэгдэгухэни, найва вагуи.

Гэюнэ уеди дёосал дегдэйвэни найсал, сагди, наодёан гурунсэл муэди илисимари сонгойвачи, Коори нёамбачи хасисивани Гэюнэ гудесими масиди сонголохани. Сонгойдоани-тани насалдиадиани хэей муэ-тэни эмуту они муэни манга даланду даи ватани-мат осигоми хурэмбэ пэйси хэеми дегдэмбэ гупсивэнкини. Дуэнтэ-дэ гупчиэхэн, дегдэй дёосал-да гукпчиэхэн.

Найсал хорахамбари агдами-да агдаси очичи. Муручичи: «Эй хайдиади дюи муэни-мэт би муэ агбинкини, дегдэмбэ хэм гупихэни?» Туй муручимэри мэнэ дёокчиари дуэрэгухэчи.

Тэй эркинду Никан боачиани пулсиктэхэн гурунсэл хамаси онила гоавонди аносимари Таламба элэ исигойчи. Муручичи: «Эй, хони тами дуэнтэ дегдэхэни, эй хайми они муэни гэюн-гэюн очини?»

Боатомдисал ихомба исигохандоари даи мэдэвэ долдихачи: дуэнтэ, дёосал дегдэйвэни хаядину агбинкин муэ гупихэмбэни. Эгди найсалба гучи Гэюнэвэ амба чиндэни декпини.

Боатомди гурунсэлди наодёан батур Боктоди гэрбуку тэй наи андарби Коори гадёхамбани долдира, мангади морапсинкини: «Гэюнэ! Ми амба гусивэни вадямби». Бокто дуйси хурэнчи тутулухэни. Даи хурэн порондоани колдон гарадоани Коори лэксэ-лэксэ тэсихэни. Бокто морапсинкини: «Мии чонгои! Си уй-дэ биси-дэ эси манга бадячи! Биси эр-дэ исихани. Будиси эрдэни-дэ дичини. Эси Гэюнэ гирмаксадиани лакпадячи!» Туй морара, буриду чу улэн лэкэнгуи чилкахани. Лэкэ-тэни Коори сэлэлэни ингур намбуханида хони-да тачини. Гэюнэ тэсини дякпадоани мо гарачиани лапам тугухэни. Гэюнэ тэй лэкэвэ дяпара, такохани мэнэ андарби дякавани: «Гэ, Коори, улэн ичэру. Эйчиэ найва манахаси-да дуэни

исохани!» Туй ундэ тунгэмби харпилахани. Сэксэ чор хэелухэни, хэей сэксэ долани лэкэ дуэвэни дяпачихани, хатан манга огоани, туй тара пэйси андарчи дёлахани: «Анда, Бокто, гучи эй лэкэди гарпару!»

Коори нёандиачи инэктэйни: «Коа! Коа!»

Бокто-тани тэй лэкэди гучи гарпахани, Коори сэлэмэ упултэвэни пось, тунгэмбэни пось энэвэнкини. Коори-тани оломи, мангалами боа, на калталидиани морапсинкини: «Коа! Коа!» Туй тара хурэмбэ пооси пиуруэ тунгдэхэни. Тунгэндиэдиэни сахарин сэксэни наа бароани тэп-тэп сабдахани. Таванкиа Коори сэксэни сабдахани бэундуэни хай-да балдиасини. Тэй боава найсал ундичи: «Коори няхани».

Бокто-тани амба гуси тухэни хамиалани нёани омончиани мокчахани, туй тара андарби сонгоми наманкини. Гэюнэ мангади барачими, андарчии ункини: «Анда Бокто. Дои барачи-да хони тавори, ми будии. Сонгомо муэни хэм хэехэни, туй тами балихамби, эси сэксэи хэм тунгэндиэдии хэехэни. Мангади мимбивэ наманду. Пэдэм, анда, дэрэдигуру. Буди-дэ ми симбивэ мангади улэсии».

Бокто ляс морапсинкини, туй тара андарби наманда, туй тэхэни, туй тара, дяи намачими, бортай акпанкини.

Бологохандоани тэй колдон порондоани дюэр хай-да диаланки боктосал балдира, хурухэни.

Бангса айнганяду колдон мосални тэй боаду балдихачи. Таванки эгди айнганя сихэни, эм тангу, эм минга айнганя сихэни, чаду хай-да дайлани дуэнтэ балдихани, бокто мони-рагда. Чиндэ, усэлтэ гучи-дэ хамаси дидюхэчи.

Таванки найсал тэй дуэнтэвэ Бокторди гэрбулэхэчи, онива-тани Гэюнэди гэрбиэсичи. Гэ, элэ.

ХОНИ ЧИНДЭКЭН МАМАЧАМБА БЭЛЭЧИХЭНИ

Нингма

Даи ихон ходидоани эмун дёоканду сагди мамача бичини. Дёо удэни дёбори дяка мамаду эгди бичини: макорива тэлгэчиури, холгичиори, нантава гириовори, тэтуэвэ улпичиури. Туй тамида мамачан сагди вэчэн Чакиди гэрбуку пурилбэни тэнг улэси, далунди далочи бичини. Тэй индакандёан тэнг улэн дурункуди бичини: пунгэл-пунгэл, лэксэр-лэксэр. Мамачан даломба депувэми, мэнэ муручини: нянга даи урэпэри улэн хавали индасал одяра. Ми хусэ пиктэи това хангпангоани, мапава гидалагоани бэлэчиктэдэрэ: уликсэвэ дуэнтэдиэди эвугуевэ, мова молсиява, мангбудиади согдатава тобогоива бэлэчидемэ. Тургэнди, энудэ ана урэмэри-дэ ая».— Мамачан туй муручими инда-кэйчэкэнчи ичэдими, тэси бичини. Мамачан-тани индакандёамба даломиа сявандидуи порогдова диличи тэтуйни, нгалачи тунепумбэ дяпайни. Туй би мамачан дурумбэни индакандёан тэнг тачихачи, гой тэтуэди, тунепуэн ана неву-

чиэни кэйчэкэнсэл даломба сярасичи, хэрсидуэни неми-дэ нерэсичи.

Эм-дэ сагди мамачан индасалба даловачиндоани Соликан дуэнтэдиэди нехэни, туй тара согдён хуйгуди морикачилохани, мамачан дюлиэлэни илира, мэдэчихэни: «Сагди, бачигоапу. Тэнг улэн, гудюкулини, индакандéан. Даи урэпэри, хоня усэлтэвэ манай, хоня баян бидечи. Ми си боатомдéсо пиктэвэси улэн сарии, усэлтэнэ бичи боавани савандами олбячими, бэлэчидембимэ».

Мамачан оркила дософи-да, хэмэ бичини. Туй тами мамачан олопсинкини: бэюн дилини эчиэ хурурэ, голдéн-тани сайна гукпинкин-дэ бидерэ.

Соликан мамачан даврукапчи ичэдивэни ичэрэ, мэдэчини: «Си хайми бунюриэ бахаси, сагди?»

— Бэюн дилиани пуюрие, голдéмби гукпинкин-дэ бидерэ.

— Туй тами тунепумбэ, порогдава буру, ми этугуе, ая эди нгэлэ, хэмэ голдéмби тавангоани танагору.

Мамачан Соликанду тунепумбэ, порогдова тургэнди бурэ, даврукан бароани сисок-сисок дуэрэми энэхэни.

Соликан порогда тэтухэни, тунепумбэ дяпахани, таоси-эуси ичэхэни, уйвэ-дэ ичэвэси, туй тара тунепунди кэйчэкэндюэмбэ ляс дуктэрэ, дуйси чочагохани.

Мамачан дидюхэни: «Энэ-нэ, Соликан-да кэукэ, порогда-да кэукэ, тунепун-дэ кэукэ, кэйчэкэнсэл-дэ кэукэ. Эй хаоси энэхэчи?» Кэйчэкэндюэн омо дочиани ирэ, хэмэ-хэмэ дикэнкичи. Мамачан хэрсини-дэ нёанчи неми-дэ нерэсичи, ичэм-дэ ичэсичи. Мамачан дони сонгомок очини: «Валяха. Элэ кэйчэкэнсэл будичи-рэгдэ очини». Туй тара ляс сонголохани.

Мамачан сонгойниа Гаки дичини, дякпадоани тэхэни: «Сагди, хайми сонгойси, уй оркилахани?»

Арганку, чоку Соликан тунепумбивэ, порогдоива чолахани, индакандеан ми порогдачиа, тунепунчиэ тачихачи, гой хадёнчи хали-да ичэндэмэри нерэсичи.

— Гойва, ангойси хайрини: «Гаак-гаак!»

— Гой-да ачаси.

— Туй тами мимбивэ эйду хэмэ халачингаситани, ми элэ Соликамба баогодямбима, хадёмбаси гадюдямбима: «Гаак-гаак».

Гэ, туй ундэ дэгдэгухэни.

Мамачан агдахани, туй тэсие, Соликамба чолахани хадемба Гаки гадейвани халачими. Тэсиниэ, элэ Сиун хурэн чиачиани тугуйни. Мамачан гучи ляс сонголохани.

Сонгойниа, нучикэн Чиндэкэн дэгдэми дякпадоани тэнгдэхэни: «Сагди, хайми сонгойси? Уй оркилахани? Хай оркин гурун сагди найва сонгоандини?»

— Соликан аргалами, тунепумбие, порогдоива чолахани, туй тара дуйси чочагохани. Хамялани Гаки дичини. Ми неанчиани хэм гусэрэхэмби. Неани-тани хэмэ халачиро ункини, хадембаси тургэнди гадюдямбиам ункини. Туй халачи-да уйвэдэ ичэвэси. Элэ Сиун-дэ хурэн таячиани тугуйни. Валяха. Хони ачайни. Кэйчикэндюэн лалум-лалумари будии: «Хэ-рэ-рэ-рэ, индакандеан, Бякта, Кури, Алха, Пуктэ, Луку! Хэ-рэ-рэ-рэ!» Индакандёан долдими долди, туй тами-да мамачамба такоаси, галуйчи. Мамачан гучи лясь сонголохани.

Чиндэкэн мамачамба гудесилухэни, туй тара ундини: «Чя-чя! Эди сонгоа, Сагди. Ми эси санкичами энэдемби. Сорими мутэсимби, аргаламирагда ая бидерэ. Чя-чя! Ми элэ дидюэмби».— Туй тара дуйси дэгдэхэни. Чиндэкэн оникамба дочи дачими дэгдэйни. Ичэйни деокан бини, павани потайган. Денколани ихэни. Ичэйни. Хамача солисал-да бини. Согдё-да би, сугди-дэ би, сахарин-да би, сэгден-дэ би. Чаавк морай-най морай,

мэури гурунсэл мэури, яи гурунсэл яи. Хай гоку найсал. Чиндэкэн муручини. Чиндэкэн улэн ичэйни: Гаки-да бини беси-кэ, деконду хэмэ тэсини.

Соликансал Гакиду тунепумбэ, порогдава бурэ, **мэуруэндичи. Гаки халиа мэурихэнди отолини.** Эм-дэ пуйкунки, дюэрчиэ пуйкунки чормок-чормок, эйдиэ пуйкундидуи дюлэси паланчи ингури-гдэ **тухэни. Соликансал Гакива госолалохачи** «Эдэн Гаки мэурини-дэ эдэн. Хэмэ дяпагосу. Хай тэдеку най, тэй Гаки».

Чоку Соликан Чиндэкэмбэ ичэхэни: «Гэ, андана, гэ эденэ. Ичэусу, тэй Чиндэкэн бунчи ихэмбэни. Чиндэкэн мэурини-мэт мучангэ, яини-да досомо». Чиндэкэн порогдава тэтухэни, тунепумбэ дяпахани, тотара мэуриухэни: «Чя-чя чингол-да, паландула пата-пата, павала-пакариа, ихэрэлэ инему, чонкола луктус!» Туй Чиндэкэн чонкола чул боачи нерэ, оникамба хэй дэгдэгухэни. Соликандеан чаавк моралохачи: «Ичэусуэ, андана Чиндэкэн човони!» Туй тара боачи нерэ, хамиалани хангпачими, тутулухэчи. Тутухэн-дэ хай тэдеку. Най дэгдэйвэни хони хангпангуми мутэйси. Соликандеан туй морамари дуйлэ дэрэдихэчи.

Чиндэкэн-тэни Сиун тугуйни дюлиэлэни элэ**дэ хамаси дэгдэгуми, дидюхэни. Мамачан** порогдавани, тунепумбэни хамаси бугухэни.

Мамачан ляс агдахани, туй тара Чиндэкэмбэ ляс були, ляс намански талохани. Мамачан ундини: «Кэсе, кэсе. Гэ, эвэнкиэ Чиндэкэн ми чу улэн пиктэй-мэт дэдулэдемби.

Мамачан тургэнди порогдава тэтурэ, тунепумбэ дяпара, кэйчэкэндюэмбэ хэрсилухэни: «Хэ-рэ-рэ-рэ, Луку, Алха, Кури, Пуктэ, Чаки, Бякта! Хэ-рэ-рэ-рэ!» Индакандеан мамачан порогдавани, тунепумбэни такохачи, тургэнди омодиари боачи тутумэри нехэчи, тотара даломба депулухэчи. Мамачан бэрачими, ичэдихэни.

Таванкиа индакандёан даи урэхэчи. Мамачан хусэ пиктэдиэни боатами тэй соликансалба хэм вактахачи. Тэй чово Соликан-да нёанчи хуктэдиэни манга бахани.

Чиндэкэн-тэни ини-ини мамачан бароани дегдэчи бичини: «Чячя мамачан. Хайми-ка си биси». Туй яяй бичини.

Най тэде ундини: «Нучи най-да, улэнди мяванку най хайва-да бодосу. Манга байтаду бэлэчи». Элэ.

ЧАГДЯНДИ МОНГОНКУ КЭКУ

Тэлунгу

Буэ дюэтудиэри Вэчэн гэрбуку мамади элкэ дуэрэмэри, хэмэ бичипу. Буэ поктопу эгди пягда долани энэйни. Эси Муха дуелэни сагди мапава Сорголь гэрбукуди бичимбэни хумухэпу. Тэй найтани балана наодёандуи тэнг манга боатомди бичини, эгди усэлтэвэ гучи бэюмбэ вари бичини.

Немцасал бунчи даи чаохади хукчучиэни тэй Гогда-да Сэгденай гиамбани, Сэгденай навани кандёндами чаоха бароани энэхэни. Туй тара эгди байгоансалба вактахани. Чаоха ходёочиани, хамаси дидюрэ колхозаду дёбохани.

Туй тамиа, бимиэ, чаохаду бахани пуесэл энулугухэчи. Ине-долбо тиас гилки бичини. Районнай больницаду окчичихан-да, энуни тэпэмди бичини. Нёани хал-хал ода, шаман бароани пулсиктэсилухэни. Тэй шаман-тани чоп гой ихонду балдими бичини. Шаман бароани туй яингдасуйниа, энусэлни нянга ебэлэ осихани.

Шаман яимбани досодямиа, Гогда мапа мэнэ яими отолилохани. Сагди шамандайвани сара,

найсал нёанчиани долбо тавондоани пулсилухэчи. Нёанчи муручихэчи: «Ая, буди — хорай уй далдикуни, врачи окточими чилахан — дабдахан. Шаман бароани пулсиктэми, хораори-да саваси, балана-кучи хораори бечи-кэ». Тэй Гогда мапа чу улэнгудиэни тэдюучими яий бичини. Хорай гурунсэл диа диачиари мактачихачи, тэй мэдэни Мангбова соли-хэе дэгдэхэни. Нанисал гучи поани лоча-да шаманчи диди бичичи.

Тэй шаман-тани хэм найсалба гудиэсисими, уйвэ-дэ эчиэ хамаси пунгнэгуэни. Поалдоани мэнэ энуси-дэ, туй гэрэн найсалба бэлэчихэни. Бэлэчиури дякава нёани мэнэ гяндуи нэхэни.

Ми муручихэмби: «Даи мяванку наи бундеди энухэни: Кайра, эвэнке Мангбо долани тамача шамамба баваси, баваси».

Буэ дуэрэйпу покто пягда, килдэ, хоронколо балдичи удэлэни энэлухэни. Сиун-тэни Мангбо багиалани би Мяочан хурэн порондоани сахарин пака-пака би тэвэксэ дочиани турини.

— Си хаоси-да киаласиси? — Мимбивэ мэдэчихэни насалчия улэн чичэдирэ, мамачан Вэчэн минчи мэдэчихэни.— Бэгди мангалахани. Нянга дэрэмси-дэ ая. Ине тиас бэгдиди илисиори, хай ачини. Найва хумувури дя биэси. Манга, хуйгэ. Туй ундэ, балана тухэн мочи тэхэни: «Эрэ-рэ, ху-хэ-хэ!» Ми мамачан дякпадоани илира, Мангбо байгиачиани ичэдихэмби. Сахарин тэвэксэ даи, даи урэми, Мангбова даоралохани, чава ми мосал алдандолани улэн ичэдихэмби: «Элэ-элэ пуксин, агди буэ бароапу исонгдадиама».

Буэ оломпсиами, долдихапу, тэ чаду котай сэгдеми кэку моралохани: «Кэ-ку, кэ-ку, кэ-ку!» Буэ мамачанди диа диачиари ичэгухэпу, туй тара кэку дилганчиани кэчэригухэпу. «Тэй нёани бес-кэ! — дюкэн — дюкэн долдиорди сагди мама симуэчихэни. Туй ундидуэниэ Вэчэн дэрэнгни улэн, нам, инемуэк очини.— Онгбочини бес-кэ. Бао-

гохани, мэнэ сагдимгуии. Сонгонгдами дичини. Гуделэ, эй боа долани эмучэн балдини. Гуделэ, ангандякан...»

— Уй, тэй дяка, сагди? — ми-дэ элкэ симуэчими мамачи мэдэсихэмби, мамачамба амдами, эмуту бэлинки-мэт очимби.— Хай тэй?

— Най пиктэни, паталакан, кэку биэси. Эденэ, хэмэ бису, ми досодиива эди кочолиа.— Тотара чумучукуэндии минчи хархихани. Ми-тэни элкэ дякпадоани тэхэмби.

Кэку гойдами морахани, эмуту дони, эргэни **сонгойни-мат бичини, дола очогуй, ляс морагой,** эйем эйендини. Кэку сонгойвани досодимиа, ми дои оркилак очини, тунгэмби эмуту вата-мат туйнкулухэни. Кэку-тэни гой-гой мосалчи дэгдэпэчими, мэнэ элкэди туй дуэнтэ дочиани сонгоми, энухэни. Туй тамиа, цоп долдиваси очини.

— Уй, тэй паталан, сагди? Хайми кэку очини? Гэ, гусэру.— Ми симуэчими, мамачиамба гэлэхэмби.

— Гэ, улэн досодёо. Нингмамба, тэлунгувэ сариваси-да сарамби, гэлэйвэси-дэ сарамби. Дангса нируй осини, нируй-дэ ая. Хай-да оркини-да аба. Эси гусэрэи тэлунгу балапчи тэлунгу. Эйне хумувухэн Гогда дама сагди аминани тэлунгуни. Буэ нучидуэпу эй Гогда дама гусэрэхэни бичини.

Балана Соргольди гэрбуку найсал Хэнгунь онидоани балдихачи, бим бичичи. Балди, буди-дэ бичичи. Улэн балди бичичи, хайва-дэ хэм вари, усэлтэ нантани, уликсэни такту долани тиас тактулами бичичи. Диа диавари онгбоаси, диа диавари ункуруэчи, дараванду тай бичичи. Уй-дэ уйвэдэ онгбоаси, болоаси бичичи. Туй бимиэ, эм-дэ чу сагди амичи буйкини. Буди дюлиэлэни пурилби хэм хэрсирэ, ункини: «Эси ми будии, буди дюлиэлэни суэ даи хэсэвэ минду буривэсу ми мэнэ сяндии долдигуи тамби. Суэ эсидэлэ ага —

нэку балдихасу, ага — нэку урэхэсу. Биури дяка эрдэнку, хай-да дюлэси осивани уй-дэ сараси. Туй тами ми суэ хэсэвэсу гэлэи. Ундусу: «Хай-да байтани осини-да, хай-да кисиакони оси-да, валиахава бавори осини-да диа диавари онгбоасипу, диа диавари бэлэчидепу, диа диавари дяпачидяпу, кандедяпу».

Хусэ гурунсэл, ага-нэку Сагди амимби ункимбэни амдамари хэсэвэ бухэчи.

Туй балдимиа, илантодиари асигоари бахачи, илан паталамба, эгэ-нэку балдихамбачи. Чу агдима Лактар асини эмун айнганяду бирэ, энуди кэукэнэхэни. Долин ага-тани асини хусэ пиктэвэ бахани. Нэвудимэ ага Доё асини эктэ пиктэвэ бахани. Тэй эктэкэн балдихани эмуту нечекэн гудюкулини-мэт, улэни-мэт бичини. Уй-дэ ичи-дэ ляс мактачи бичичи.

Лактар-да ичэнгдэхэни, ичэрэ мянкини, хонида гудюкулиди тэй эктэкэн балдихандиани, туй тара эктэкэн монгончиани мэнгумэ мухэргиэмбэ лохани, тотара ункини: «Гэ, нэку, эй мэнгумэ мухэргиэмбэ эди-дэ ачора. Си хали-да даи опи, эдигуй бадячима. Таячиа ми уюн бии осини барачидямбима, буйкимби осини эй мэнгумэ мухэргиэн ми гиамату суглэмби одяра. Улэнди тургэнди балдиру, нэку. Гэрбугуэси ми бурии. Гэрбуси Айга.

Хэнгунь онини тургэнди хэейни. Эктэкэн Айга хаята тургэнди балдини. Эмуту Сиун гарпайнимат урэхэни. Эмуту амтака хурухэни-мэт улэн очини. Тэтуэвэ ангоми отоли, нантава уйми-дэ отоли, депури ангорива-да, гои-гои дякава таворива-да отолихани.

Эгди наондеан гурунсэл асигуй неамбани мэдэчихэчи, сагди баян гурунсэл мэдэчихэчи. Лактар — ага уйди-дэ бурэси бичини. Тэй эрдэнку бичини, неани шаман очини, найва яями бичини, дуйси-дэ бэюмбэ вагуи тораси бичини. Уй-дэ тэй

най мурумбэни сараси бичини. Нёани дои мурундии Айгава асигуи дяпайчихани. Урэйвэни халачихани.

Эм-дэ тэй боаду мангбонкан боаточихачи, сэпэвэ, хулувэ вамари бичичи. Мангбонкан улэн боатоачихачи, эгди сэпэвэ вахачи. Эм мангбонкан Вагдади гэрбуку манга най бичини. Гогда, кусунку, аякта мангани. Хайва-да-да нгэлэси, уйвэ-дэ-дэ алиаси. Мэнэ мангадии хайва-да хэм вари бичини. Насални эмуту тава-мат пудэнди бичини, найчи ичэйни, эмуту сиун гарпайни-мат осигойни, Сохолтади тутулиучиэни хэдун-дэ хангпами мутэси. Аякталаочиани, пурэн Амбани мэнэ пулсиктэи поктои нёандоани бурини. Морапсимтолочиани, мапа амини дилии соактачи гидалайни, туй тара хэмэ дикэндини. Най бими-дэ, най мочани, най бими-дэ, най баторни, най мэргэни. Мангбо, Дуэнтэ нани тамача найва-ка эмун-дюэр балдиванкини, гэрэн най мяндидиани.

Гэ, хамача эктэ, хамача паталан эмдэ нёамбани ичэпи, мурумби хуэдэсини, мяванди мангачисини. Айга-да нёамбани ичэми, бортай Вагдава мяванди улэсилухэни. Бими мутэси ода, мэнэ мэргэн бароани долбо дичини. Туй тара долбони тиас гэсэ аохачи. Сиун агбиндидоани Айга аминчиани гэсэ ирэ михоранкичи, гэсэ бигуи кэсевэ гэлэхэчи. Айга амини агбисалби хэрсихэни, хэмтудиэри муручигугуэри.

Аксал дичичи, хэмэ досидимари тэсичи. Долиндиума ага ундини: «Мэнэ чихаламари, мэнэ биусу». Лактар — ага муруни, дэрэнгни пакапака бини: «Тэй наодеан мангбонкан амимби, энимби эуси гадюгини, нёандиачи буэ гусэрэндугупувэ, мурумбэчи сарасиди хони пиктэи буэдэ будепу. Мангбоду би нанисал гяндоачи туй бини. Дюлэси сагди гурунсэл гусэрэндуйчи, туй тапи-мат гиаматава саямборива гэлэйни. Ми туй мурчии. Суэ чава дахаладясома.

— Байби. Ми энимби, амимби сагди гурунсэл. Нёанчи хурэнсэлбэ, дуэнтэвэ хуэлими эй боачи димэри мутэсичи. Ая, эди нгэлэсу. Торива хоня гэлэйсу, хэм бадясу. Боло дюлэй симата турини дюлиэлэни сунчи ми бэеди ирадямби. Суэ эди-дэ кочолясу. Чихаласису осини, ми суэ диливасу даи сиси дачани бароани калтакалта дапсикачидиамби. Суэ чава улэн муручигусу.— Туй ундэ Айгади боачи нехэчи. Уйкэ дадоани хамаси кэчэригурэ, ункини: «Дюэр долбо, дюэр ини айга минди бидерэ. Суэ улэн муручиусу».— Туй ундэ уйкэвэ мэнэ хамялаи дасигохани.

Акпалан-ага ундини: «Тэй мангбонкан боатомдини бумбивэ иламолихани, бунди инэктэхэни, нгэлэучихэни! Эси илан най гэсэ энэгуэри, туй тара, эмуту наодёан мапава-мат илан гидади гидалами нёамбани вагоари. Буэ хай, тунгусэ бесини?»

Долин-ага улэн муручигурэ, ункини: «Мангбонкан боатомдини кэтэ наодёани. Нёани дилидоани игэ орондолани бай сэксэ пуйсини. Буэдэ наодёандуи нёани-мат бичипу. Хайва-да тагуй-да хатан бичипу, эчиэ эгдивэ муручиэпу, уйвэ-дэ эчиэ досодяпу эчиэ уйвэ-дэ дахалапу. Айгава мэдэсигуэри. Тэй пиктэ мэнэ дичини-ну, тэй хусэ кусунди дяпахани-ну, уй-дэ сарасини. Мэдэмчими сапи-мат хони-да тагуи гэсэ муручигудепумэ».

Поянгу-ага Айга амини, агбисалби насалчиани улэнди ичэдими ункини: «Лактар-ага, си гэлэйвэси хасасими байбини. Най сэксэвэни хэейнгуи эгдивэ масиди муручиуривэ гэлэйни. Байтава, байгоамба бавори. Мангбонкан дясилдиари бумбивэ хэм вактадяма. Гэ, тэй эрдэмбэ гэлэйсу? Ми-кэ дои мурунди, Лактар-ага, синди чихаласимби. Онгбохаси-ну? Балана-балана буэ гэсэ муручихэпу-гоани, мангбонканди эмун дола оси-

гогои, эмуту ага-нэку-мэт гэсэ бигуи. Эси тамача дяка осигогоани тэнг улэн ини очини. Айгава, ми бэе эктэ пиктэи тэй Вагда гэрбуку найду асигоани бури-дэ ая. Ми мурумби туй бини. Гой мурумбэ бурэсимби».

Лактар-ага морапсинкини: «Буэ поянгупу, Айга амини, мурумби хуэдэхэни, эмуту эктэнэй-мэт очини. Игдэпсе! Неани бини деодоани неамбани бумбивэ тэй мангбонкан ляс аячихани. Эктэ пиктэвэси чолара энухэни. Си-тэни тэй мангбонкан, вэчэн пиктэдиэни эм деонкан осигойчиси. Иламоа, хай-да, Доё! Хэмэ мапа вари гидаи дяпара, энэгуэри. Си, хоня манга найси. Манга. Хайми нгэлэхэси!»

— Аба! Най сэксэвэни ми хэевэндэсимби! — Поянгу-ага мэнэ мурумби тэрэк унгухэни,— «Айга ми пиктэи. Ми хэсэйи, нёандоани гиан! Ми мэнэ хони муручии, туй тадямби. Гэ. Эле!»

Акпалан-ага гучи долин-ага гэсэ сонгпоа илира, уйкэ боачиани энэхэчи. Нерэ, уйкэ дочи Лактар морапсинкини: «Эвэнкиэ синду кисякова бурии! Си дёочиаси бэгдиди тактоми-да тактоласимби. Пиктэси монгондоани би ми мэнгумэ сидэривэ хамаси бугудечи. Мэнгдэ, купуктэ бивэни». Лактар-ага мэнэ нэудуи манга байтава бухэни. Хони ачини. Тэй сидэривэ тэтувухэндиэ деан надан айнганя сихэни. Тэй сидэривэ эси ачогой осини, неамбани боялипи-мат аяни, дилила ачоми байби. Ана-на, ана-на! Сонгопсиа, сонгопсиа! Эйвэ хони таори! Монгомбани чалиорини, хай. Туй гасамба бара, Доё долбо-ини муручими, тэсихэни.

Эм модан Айгади, Вагдади игухэчи, туй тара Доё бароани михоранкичи: «Эди мангади бунчи тагдара, Айга амини. Буэ диа диавари мангади улэсипу, пади бимэри мутэсипу. Хоня гэлэйси торива, хоня бадямби. Хэнгу муэни хэдилэ Мангбо муэдиэни кап очогойни. Эмуту буэ миа-

вампу-мат эмун Даи Мангбо осигойни. Дава бяни ходиочиани Хэнгунь муэвэни ачапчи сологоми, ми мэнэ амимби, энимби гадёми, торива олбими сунчи эй боачи солодямби, Айгана гангдами».

— Ама, гуделусу, эди оркила. Буэ кэсивэпу эди чалира. Элэ долдиориди Айга симуэчихэни. Си: ама. Си мурунси балана чу манга гучи хэсэси тэнг улэн, тэнг гиандола бечэ-кэ, эсидэ туй бигини. Эксэнэ ундивэчи эди досидяра, эди дачира, эди дахалира. Ми синчи кэсевэ гэлэми, михорандии.

— Хэмэ бису, Айга. Си эксэнэсэлси ми дюлиэлэи сиумбэ ичэхэчи, балдихачи. Туй тами нёамбачи оркинди муручивэси, дософиваси. Хэмэ муручигуру; хони-да монгондоаси би сидэривэ Лактар-агаду бугуривэ, мэнэ купуктэдиэни, хони туй гэлэгуйни. Боялими-да байби.

— Ама! Нёани хони туй ундини. Эмуту байгоан най-мат тайни. Сидэри дилила негуми негуэсини. Чалими-мат ая-гоани.

— Чалими байби. Купуктэвэ гэлэгуйни.

— Туй тами ми дилия чалидясума! Гэ, чалиосу. Даи кэсе бадячима.

— Хони биури? Най гэлэгуйвэни бугуривэ гэлэйни. Туй би гиан. Дилива чалиори осини, туй тадяпума.

Айга паталан найва хуэдэхэни. Палан бароани туэс тухэни.

— «Ми эси Лактарба вадямби!» — Вагда мангади тагдахани.

— Байби! Туй таори беси. Вавури дяка мангада беси.

Найва урувэмбури-мэт гэ, тэй манга. Вагда, Айгава тэнг мангади улэси-дэ, туй тами мутэсиси. Тамача сидэривэ бадячима. Эй сидэривэ даи пакси ангочини. Нёани Никан боадоани бини. Гэрбуни Мохэ. Нёани-рагда эмэчэ сидэривэ ангоми

отолини. Эй сидэривэ нёани ангочини. Сидэри тамани дёан надан сахари сэпэксэ. Бадячима. Гуси биани балдиочианиа, надан долбо, надан ини сигучиэни, дякпон инеду сиун гарпайдоани эй сидэривэ Лактарду бугудемби. Туй таворива мэнэ бусэсидечимэ. Корпихаси осини, пиктэи си асиси. Корпяси осини — ми пиктэи кэси ана, нёани будерэ, си-тэни уюн бидечимэ. Гэ, ми синчи гусэрэхэмби, си чава мэнэ муручигу. Тэнг надан долбо, надан ини очогохани. Сикун биа балдидоани, сиун гарпайдоани ми Лактарду нёани сидэривэни бугудемби.

Мангбонкан пиктэни сэпэсэлбэ вактами, Хэнгунь дуэнтэни хэм далами пулсиктэхэни. Дёан надан сахари сэпэвэ вахани, туй тара дуин инингудуэни гиванайдоани тургэнди сиун тугуйни голани тургэнди дэгдэй-мэт тутулухэни. Хэдун-дэ хангпандаси, ичэми-дэ отоливаси. Сохолтани симатава дюкэн тонгалайни, эмуту эм хурэндиэ гой хурэнчи пуйкунэси-мэт энэхэни, эмуту хасаркумат пичуэнди бичини. Туй дэгдэй-мэт энэми, сиун туридиэни гэсэ Никан боавани исихани. Долбо тас чимагуйчианиа ихон ихончиани пулсиктэми, мэдэчихэни-дэ уй-дэ Мохэнди гэрбуку найва сарасини. Тойнгачиа иниду Сиун гарпочианиа оникан дадоани дёокамби ичэрэ, дочиани ихэни. Ихэндуи ичэхэни, накан оялани сагди най хэмэ бини, илими-да мутэси, бугуи муручини.

Вагда-тани тургэн голдёмба таора, чайва пуюхэни, сагди найди чаива омигоани бухэни, туй тара бэюн тунгэни пасивани хачуханчи дёлохани, мэнэ килтолиа пуйсилухэни. Хабура, сагди найва силэвэни омиванкини, уликсэвэни часоми депувэнкини, туй тара мэдэсихэни: «Дама, си сарасиси-ну, даи паксин Мохэ гэрбуку айсима, мэнгумэ сидэривэ ангоми мутэйни...»

— Нэку, си хайгуй мэдэсиси? Мэдэку-ну, мэдэ ана-ну бунчиэ эуси исохаси. Городяди дичиси?

— Си балана на оялани биси, дама, эгдивэ ичэхэси, эгдивэ сахаси, эгдивэ долдихаси. Ми тэй дамава гэлэчии.— туй тара мэнэ мэдэи хэм гусэрэхэни, хайми мэнгумэ сидэривэ гэлэйи, хонида эрдэнди ангохамба.

— Нэку, гэлэйси найи-ми тамби. Мимбивэ бахаси-да хай тэдекуни, Ми манга сагди най тамби, хайва-да тами-да мутэсимби, кусун-дэ анаи, мэпи-дэ эурими хэтэсимби. Насалби-да улэн ичэсини. Тэй Айга ундиси эктэкэмбэ додии гудеси-дэ хони таори. Эйне Сиун тугуйдиэни гэсэ ми гой боачи энэдембимэ.

— Сагди дама, кусунси хамаси дидюгуэни хамача дякава гэлэйни. Ми будэлэ бэлэчидемби.

— Кусумбэ ундиси-ну? Орходан бэевэни бахаси осини, кусумбэ банг ини долани бавори. Тэй Орходан умбури дяка — на октони. Тэй окто на пэйгиэлэни балдини, бэени эмуту наи-мат бини: дилику, дюэрди нгалаку, дюэрди бэгдикудэ. Орходан Хинган хурэни алдандоани колдома мосал балдидоани балдини. Эси-туэ, на хэм гэкчихэн, **эмуту дюкэ-мэт гэкчихэни, На оялани си**мата тухэни. Байби, нэку, хони-да мурчи-дэ чава мутэвэси.

— Ми эси дидюдемби, дама каока мимбивэ **халачиру.— Туй ундэ Вагда боачи чул пуйкурэ,** сохолтава тэтурэ, гидади тунепулэхэни. Хинган хурэнсэл алдандоани, колдонсал балдидоачи гидади нава аната суэкэчилухэни. Эгди боаду суэкэчимиэ хаоля эм боаду гидаи дуэдуэни тэй октова суэкэлэми бахани. Туй тара барачими, хамаси сусуэнгухэни. «Дама, ичэруэ, эй-ну Орходи гэрбуку окто?»

— Тэй-гоани. Эси-тэни чава мэнэ тэтуэи дочиани гидалау, мэнэ полондии октова аоривани сэнэвуэнду. Туй тара бэдур оялани кэрчирэ, минду дебдуе буру.

Сагди дама-тани Орходова дептэ, хангсила

осилохани. Неани сэксэни эмуту наодеанги-мат очини, пуйсилухэни, бэейи эмуту хорагой-мат осигойвани сахани, нгаладуи, бэгдидуи кусумби осигойвани сахани. Эси-гдэ эмуту наодёан-мат очини, насални-тани потар-потар очини. Сагди пакси муручимиэ денгохани хамача-да монгонду тэсичэури сидэривэ хорин сэ хамаси эринду ангохамби хэм денгоохани. Туй тара масингудии тургэнди даи тавава дегдирэ, мэнгумэ делова умбуэнкини. Туй тара палоади дирэ оялани палоачилохани. Нюнгун ини гиванайдоани сидэривэ ангоми ходихани.

Сагди пакси най нгаладуй дяпачира, гучи улэн ичэдирэ, Вагдаду бухэни: «Гэ, нэку, ма, дяпару. Улэнди кэсикуди Айгади балдиусу. Тургэн хамаси тутугуру, эди-дэ хамарира»..

Вагда улэнди ярсихани, эмуту Айга монгондоани би сидэри-мэт бичини, хангиси-да беси. Туй тара сэпэксэвэ тоанда, паксичи кэчэригухэни, неандоани чава бугуи.

Сагди дама элэ-дэ накан оялани акпан-да кэукэ очини. Насални пэмуни инэмуэк бичини, эмуту уюн най-мат бичини.

Хони тайси, мапава хумурэ, Вагда Хэнгунь бароани тутуми масилахани, эмуту хасарку-мат дегдэлухэни.

Хэнгунь боадоани, манга горо наду, симата, пуксин мангани. Гудюкули эктэкэн, Айгади гэрбуку, дяи туй халачими элэ буми, мангалахани.

Лактар-тани самандами, Вагда дидюйвэни сахани, туй тара сэвэнсэлби ачавангдами пунгнэхэни, Вагдава кочаолигоачи. Сэвэнсэл-тэни тэй пиктэ Мяочан хурэмбэни поси сусуэндивэни ичэрэ, мосалба поктовани чалими, тугбухэчи гучи Вагда дэрэкчиэни симатава соива дёлохачи, Вагда насални пакчим энэйдуэни, мосал яп тухэчи. Вагда сохолтаи кингдарам энэйдиэни тухэни. «Гэ, эсикэ валяха-гоани».— Вагда муручихэни.

Ая, туй тами-да нёани мэгдэнди бичини, нёани хали-да дабдаси найни. Тургэнди лэкэвэ дяпара, дуин бэюн илисивачи эмун лэкэди пос нёамбачи лэкэлэхэни. Туй тара сохолтаи ачора, илиси килдэмбэ тугбурэ, тургэнди чапчими, сохолтава ангохани. Тавава иванда пикичими, дюлиэвэни урембухэни, туй тара хосолба ванкта нутэдиэни даксаванкини. Туй тайдоани эле-дэ долбогохани.

Айга-тани деми-дэ дептэси, аоми-да ароаси, туй улэсии дяи халачини, мэнгумэ сидэривэ гадюйвани муручини. Будии-дэ эчиэ нгэлэчиэсини.

Лактарма эксэни бухэни монгонду би сидэрини билгавани дигдалохани.

Айга амини-тани хэмэ-хэмэ бими, даи кучемби деивэни сируди сируйни. Элэ-элэ сээм гиванадяра.

Туй тамиа уйкэ кикоор нихэликпини. Айга барачими кэчэригухэни. Уйкэ дадоани Лактар эксэни илисихани. Нёани ункини: «Эси ми сэвэнсэлби хамаси дидюхэчи, нёанчи Вагдава ичэхэчи, нёани-тани Мяочан хурэни пэйгиэлэни сохолтаи кингдалира, мова ивачими тэсини. Си, Доё, ми бэе нэвуи, си мимбивэ улэнди дософиру, ми эси ундивэйи: Си асиси синду пиктэгуэси гучи бари. Си дёогдоаси дюэр эктэ, ми дёогдойва эмундэ абани. Тэй-кэ улэн-дэ беси. Айга монгондоани би сидэривэ ачоаси-да ая, нёамбани ми дёокчяи энэвэнду, минди гэсэ бигуэни. Туй таори хай-да оркини-да аба. Ми Айгаду би сидэривэ гэлэгуэсимби, мэнэ тэсичигини».

— Байби, Лактар-ага! Ми си-мэт хэсэдии хупесимби. Эйне сивун гарпайдоани сидэривэ баогодячи. Хэмэ эну! Эси ми синду кисякова будемби. Си дюлуй аманачи бувухэн гиамба чалихаси. Туй тами ми симбивэ ичэм-дэ мутэсимби. Симбивэ ичэми, дои пакчи-пакчи осини. Эну ундии. Улэнди ми симбивэ гэлэйи. Ми тагдаи-

ва эди халачира. Долдихаси-ну! — Айга амини туй морачихани.

— Гэ, мэнэ пиктэйи мэнэ вару. Минду хай далдикуни. Сидэривэ-рэгдэ эди онгбора. Ми халачии.

— Айга ляс сонголохани: «Эндур, Сагди амана мимбивэ гуделэусу. Кэку чиндэни оповандусу, ми улэсии дячии дэгдэгуи тамби!»

Туй ундини ходидоани тэй паталан кэку ода, чонкола боачи дэгдэгухэни, монгондоани-рагда чагдян упултэ балдихани.

Дое боачи нехэни, хэдели сээм гивана осилохани, сахарин хурэн чиадиани элэ Сиун агбиндини. Доё Гиваначи, сиунчи михоранкини: **«Сиун-эндур, Гивана — эненэ! Хони биури. Мимбивэ эди-дэ оркинди муручиэсу. Лактар-ага мурумби хуэдэхэни. Пиктэи монгондоани би сидэривэ хамаси гэлэгуйни. Суэ мэнэ эси ичэйсугоани. Уй-дэ байтава бахамбани.**

Комсомольская ул. 7
Дас[illegible]
22326-2

СОДЕРЖАНИЕ

Акашины берега. *Повесть* 3
Гэюнэ. *Легенда* 51
Как синичка Мамаче помогла. *Сказка* 58
Кукушка с белым кольцом на шее. *Рассказ-легенда* 63

Ака боани. *Повесть* 78
Гэюнэ. *Тэлунгу* 118
Хони чиндэкэн Мамачамба бэлэчихэни. *Нингма* . 126
Чагдянди монгонку кэку. *Гусэрэн-тэлунгу* . . . 131

Валентин Ильич Гейкер

АКАШИНЫ БЕРЕГА

Редактор *Н. Т. Кабушкин*
Редактор текста
на нанайском языке *В. Ч. Бельды*
Художественный редактор *А. В. Колесов*
Технический редактор *Т. А. Костюченко*
Корректор *Г. Д. Свердликова*

ИБ № 2061
Сдано в набор 26.03.90. Подписано в печать 01.08.90. Формат 60x84 1/16. Бумага тип. № 2. Гарнитура школьная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 8,37. Усл. кр.-отт. 8,60. Уч.-изд. л. 6,27. Тираж 50 000 экз. Заказ 2048. Цена 25 коп. Хабаровское книжное издательство Министерства печати и массовой информации РСФСР. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Краевая типография № 1 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

25 коп.

